

**ФРАНС
ДЕ
ВААЛЬ**

**ИСТОКИ
МОРАЛИ**

В ПОИСКАХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
У ПРИМАТОВ

Династия

АНФ

Вы смогли скачать эту книгу бесплатно и легально благодаря проекту **«Дигитека»**. [Дигитека](#) — это цифровая коллекция лучших научно-популярных книг по самым важным темам — о том, как устроены мы сами и окружающий нас мир. Дигитека создается командой научно-просветительской программы [«Всенаука»](#). Чтобы сделать умные книги бесплатными, достойно вознаградив авторов и издателей, Всенаука организовала всенародный сбор средств.

Мы от всего сердца благодарим всех, кто помог освободить лучшие научно-популярные книги из оков рынка! Наша особая благодарность — тем, кто сделал самые значительные пожертвования (имена указаны в порядке поступления вкладов):

Дмитрий Зимин
Екатерина Васильева
Зинаида Стаина
Майя Багрянцева
Иван Пономарев
Николай Кочкин
Яков Пагис
Сергей Вязьмин
Сергей Попов
Алина Федосова
Роберт Имангулов
Алексей Волков
Маргарита Кирюшина
Руслан Кундельский
Иван Брушлинский
Евгений Шевелев
Максим Кузьмич
Сергей Соловьев

Мы также от имени всех читателей благодарим за финансовую помощь Фонд поддержки культурных и образовательных проектов «Русский глобус».

Этот экземпляр книги предназначен только для личного использования. Его распространение, в том числе для извлечения коммерческой выгоды, не допускается.

*Катерине,
моему самому любимому примату*

THE BONOBO *and* THE ATHEIST

In Search of Humanism
Among the Primates

FRANS DE WAAL
with drawings by the author

W. W. NORTON & COMPANY • NEW YORK LONDON

ИСТОКИ МОРАЛИ

В поисках человеческого
у приматов

ФРАНС ДЕ ВААЛЬ

с рисунками автора

Перевод с английского

Династия

МОСКВА
2016

УДК 591.51+17.023
ББК 28.693.36+87.701
В16

Переводчик Наталья Лисова
Научный редактор Елена Наймарк
Редактор Анна Яковлева

Вааль де Ф.

В16 Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Франс де Вааль; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 376 с. + 8 с. вкл.

ISBN 978-5-91671-275-9

На протяжении многих лет всемирно известный биолог Франс де Вааль изучал жизнь шимпанзе и обезьян бонобо. В процессе исследований он выявил явные зачатки этического поведения в сообществе приматов. По мнению автора, мораль — не сугубо человеческое свойство, и ее истоки нужно искать у животных. Эмпатия и другие проявления своего рода нравственности присущи и обезьянам, и собакам, и слонам, и даже рептилиям.

Помимо увлекательного рассказа об этических формах поведения в мире приматов автор поднимает глубокие философские вопросы, связанные с наукой и религией. Как и когда возникла мораль? Какое влияние оказала религия на формирование этики? Что происходит с обществом, где роль религии снижается, и прав ли герой Достоевского Иван Карамазов, говоря: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего»?

УДК 591.51+17.023
ББК 28.693.36+87.701

Издание подготовлено при поддержке
Фонда Дмитрия Зимина «Династия»

Династия

Фонд некоммерческих программ «Династия» основан в 2002 году Дмитрием Борисовичем Зиминим, почетным президентом компании «Вымпелком».

Приоритетные направления деятельности Фонда — поддержка фундаментальной науки и образования в России, популяризация науки и просвещение.

«Библиотека Фонда «Династия» — проект Фонда по изданию современных научно-популярных книг, отобранных экспертами-учеными.

Книга, которую вы держите в руках, выпущена под эгидой этого проекта.

Более подробную информацию о Фонде «Династия» вы найдете по адресу www.dynastyfdn.ru.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-275-9 (рус.)
ISBN 978-0-393-07377-5 (англ.)

© Frans de Waal, 2013
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	ЗЕМНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ	7
ГЛАВА 2	КАК ОБЪЯСНИТЬ ДОБРОТУ	41
ГЛАВА 3	БОНОБО НА ФАМИЛЬНОМ ДРЕВЕ	85
ГЛАВА 4	БОГ УМЕР ИЛИ ПРОСТО ВПАЛ В КОМУ?	125
ГЛАВА 5	ПРИТЧА О ДОБРОЙ ОБЕЗЬЯНЕ	167
ГЛАВА 6	ДЕСЯТЬ ЛИШНИХ ЗАПОВЕДЕЙ	217
ГЛАВА 7	ЕСЛИ БОГА НЕТ	271
ГЛАВА 8	МОРАЛЬ «СНИЗУ ВВЕРХ»	317
	<i>Благодарности</i>	341
	<i>Примечания</i>	344
	<i>Библиография</i>	348
	<i>Предметный указатель</i>	363

Глава 1

ЗЕМНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Разве человек только промах Бога? Или Бог
только промах человека?

Фридрих Ницше

Я родился в Ден Босе¹ — голландском городе, по названию которого выбрал себе псевдоним Иероним Босх. Это, конечно, не означает, что я глубоко разбираюсь в творчестве художника, но значение имеет то, что вырос в городе, где на рыночной площади красовалась его статуя, и поневоле проникся игрой сюрреалистического воображения мастера и его символизмом, научился видеть его глазами место человека во Вселенной, все больше удаляющейся от Господа.

Знаменитый триптих Босха «Сад земных наслаждений», где весело резвятся обнаженные фигуры, — дань райской невинности. Его средняя часть представляет картину слишком счастливую и безмятежную, чтобы ее интерпретировать подобно некоторым экспертам-исследователям, как изображение разврата и греха. Человечество здесь свободно от вины и стыда — либо дело происходит еще до грехопадения, либо никакого грехопадения вообще не было. Мне как приматологу

нагота, аллюзии на секс и плодородие, изобилие птиц и плодов, как и постоянная суeta небольших групп, очень хорошо знакомы и едва ли нуждаются в каком-то религиозном или моральном толковании. Похоже, в средней части триптиха Босх изобразил нас в нашем естественном состоянии, а морализаторство приберег для третьей его части, расположенной справа, — при этом наказывает он *не тех*, кто резвится на центральной картине, а монахов с монахинями, обжор, мошенников, забияк и пьяниц. Босх не был поклонником духовенства с его корыстолюбием, что ясно видно из эпизода, где человек отказывается отписывать свое состояние свинье, наряженной в рясу доминиканской монахини. Говорят, что этот бедняк — сам живописец.

Сегодня, пять столетий спустя после Босха, мы по-прежнему горячо спорим о том, какое место занимает в обществе религия. И, как во времена великого живописца, центральной темой спора остается мораль. Можем ли мы представить себе мир без Бога? Хорош ли будет такой мир? Не стоит даже на минутку предполагать, что сегодняшняя линия фронта между христианским фундаментализмом и наукой определяется объективными факторами. Нужно быть весьма устойчивым к объективным доказательствам, чтобы сомневаться в эволюции, поэтому книги и документальные фильмы, адресованные скептикам, — напрасная трата времени. Они полезны лишь тем, кто готов прислушаться к аргументам, но целевой аудитории просто не достигают. Предмет споров не столько истина как таковая, сколько то, что с этой истиной делать. Для тех, кто верит, что мораль исходит непосредственно от Бога-творца, принятие эволюции означает падение в бездну аморальности. Посмотрите, какие аргументы употребляет преподобный Эл Шарптон в споре с недавно умершим горячим защитником атеизма Кристофером

Хитченсом (Christopher Hitchens)*: «Если во Вселенной нет порядка, а значит, нет некоего существа, некой силы, которая ее упорядочила, то кто определит, что такое хорошо и что такое плохо? Без предписаний и обязательств нет и безнравственности». Точно так же мне не раз приходилось слышать аргументы в стиле Ивана Карамазова из романа Достоевского: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего!»**

В нижнем правом углу «Сада» Босх изобразил самого себя, пытающимся уйти от внимания свиньи, наряженной монахиней, которая соблазняет его поцелуями. Она предлагает спасение в обмен на завешание имущества (отсюда перо, чернильница и официального вида бумага). «Сад земных наслаждений» написан около 1504 г., примерно за 10 лет до того, как Мартин Лютер инициировал протест общества против подобной церковной практики

---

* Кристофер Хитченс (1949–2011) — американский журналист и литератор английского происхождения, либерал, атеист и антиклерикал. Самая известная его книга — «Бог не любовь. Как религия все отравляет» (God is not Great: How Religion Poisons Everything) Хитченс К. Бог не любовь. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012). (Здесь и далее сноски, отмеченные звездочками, — примечания редактора.)

** Чаше всего слова Ивана передают так: «Если Бога нет, то всё позволено!»

Возможно, это только мое мнение, но мне лично человек, которому мешает бесчинствовать только вера, поневоле внушает опасения. Почему бы не предположить, что человеческие качества, включая и самоконтроль, необходимый для жизни в обществе, присущи нам изначально, «встроены» в нас? Неужели кто-то всерьез верит, что наши предки до возникновения религии не придерживались никаких социальных норм? Что они никогда не помогали собратьям в беде и не сотовали на недобросовестность других людей? Несомненно, человек заботился о жизнеспособности своей общины задолго до появления современных религий, зародившихся всего лишь пару тысячелетий назад*. Подобный временной масштаб не производит сильного впечатления на биологов.

Черепаша далай-ламы

То, что написано выше, стало началом блога на сайте *The New York Times*, озаглавленного «Мораль без Бога?»; в возникшей дискуссии я высказал убеждение в том, что мораль возникла раньше религии и что наблюдения за нашими собратьями-приматами могут многое рассказать о ее происхождении. Вопреки распространенному взгляду на природу как на пространство звериной жестокости и арену кровавых пиршеств, исследователи утверждают, что животные не лишены качеств, достойных нашего морального одобрения; лично меня это наталкивает на мысль о том, что мораль — вовсе не изобретение человечества, как нам нравится думать.

---

* Если даже «современными религиями» называть только мировые религии, то следует иметь в виду, что буддизм, например, возник в VI–V вв. до н. э., а иудаизм — в VII в. до н. э.

Поскольку это утверждение является темой настоящей книги, позвольте мне немного порассуждать, описав неделю, последовавшую за моей публикацией в блоге и включавшую поездку в Европу. Как раз перед этим я участвовал в дискуссии на тему «Наука и религия» в Университете Эмори в Атланте, где я работаю. Поводом для нее стало общение с далай-ламой по его любимой проблеме: сострадание. Мне представляется, что сострадание — прекрасная сторона всего живого, поэтому я искренне обрадовался теме, предложенной нашим почтенным гостем. Как первого участника дискуссии, меня усадили рядом с ним в окружении целого моря красных и желтых хризантем. Я был заранее проинструктирован, что к гостю следует обращаться «ваше святейшество», а в разговоре с другими говорить о нем как о «его святейшестве»; мне стало ясно, что непременно запутаюсь, и было принято решение вообще избегать всяких обращений. Войдя в зал, один из самых уважаемых людей на планете снял туфли, уселся в кресло, подогнув ноги, и надел на голову громадную бейсболку в тон своему оранжевому одеянию. Три с лишним тысячи человек в зале ловили каждое его слово. Организаторы заранее охладили мой пыл и предупредили, что аудитория тут присутствует не для того, чтобы послушать *мое* выступление: всех этих людей интересуют лишь жемчужины *его* мудрости.

Я в двух словах рассказал о последних полученных данных, касающихся альтруизма у животных. К примеру, приматы добровольно открывают дверь, обеспечивающую собратьям доступ к пище, хотя сами лишаются при этом части запасов. Обезьяны капуцины готовы добиваться благ для других; в этом несложно убедиться, если посадить двух обезьян рядом и устроить с одной из них обмен разноцветными фишками. Фишки одного цвета приносят вознагражде-

ние только обезьяне — участнице «торгов», фишки другого цвета — обеим обезьянам. Очень скоро обезьяны начинают выказывать явное предпочтение «общественным» фишкам, дарующим поощрение обеим. И причина такого поведения — не страх, поскольку именно доминантные обезьяны (которым опасаться нечего), как правило, проявляют наибольшую щедрость.

Добрые поступки совершаются и спонтанно, без участия экспериментаторов. Так, старая самка Пеони живет вместе с другими шимпанзе в открытом вольере полевой станции Центра по изучению приматов имени Йеркса. Бывают дни, когда особенно беспокоит артрит, Пеони трудно ходить и взбираться на высоту, тогда другие самки всегда готовы помочь ей. Пыхтя и отдуваясь, старушка медленно взбирается на помост, где на сеанс груминга уже собралось несколько обезьян. При этом какая-нибудь самка помоложе (не родственница) терпеливо лезет вслед за ней, с силой подталкивая ее руками под объемистый зад передними конечностями вверх, пока Пеони наконец не присоединится к остальным.

Нам случалось также наблюдать, как Пеони с трудом поднимается и медленно ковыляет к крану с водой, расположенному довольно далеко. Иногда более молодые самки обгоняют ее, набирают в рот воду, а затем возвращаются и поят старушку. Поначалу мы не догадывались о том, что происходит; мы видели лишь, что другая самка приближает свой рот ко рту Пеони. Однако через какое-то время все стало ясно: Пеони с готовностью открывала рот пошире, а более молодая самка переливала ей прямо туда струю воды.

Подобные наблюдения дополняют фактами научную область, которая занимается изучением эмпатии у животных. В сферу ее интересов входят не только приматы, но и собаки,

слоны и даже грызуны. Типичный пример такой эмпатии — то, как шимпанзе утешают расстроенных товарок объятиями и поцелуями; это настолько предсказуемо, что нам удалось документально зафиксировать буквально тысячи таких случаев. Млекопитающие вообще чувствительны к эмоциям друг друга и всегда реагируют на тех сородичей, кто нуждается в поддержке. Именно поэтому человек так часто приводит в свой дом пушистых плотоядных, а не, скажем, игуан или черепах; млекопитающие могут предложить хозяину то, что не в состоянии дать ни одна рептилия. Они дарят привязанность и нуждаются в ответных чувствах, они отзываются на наше настроение так же, как мы отзываемся на их эмоции.

До этого момента далай-лама слушал меня внимательно, но тут он приподнял свою бейсболку в знак того, что желает задать вопрос. Он хотел побольше услышать о черепахах. Эти животные для него важнее других, потому что именно на их спинах вроде бы держится земная твердь. Духовный лидер буддистов спрашивал, знакома ли черепахам, как и млекопитающим, эмпатия. Он описал, как самка морской черепахи выходит на берег в поисках подходящего места для откладывания яиц, демонстрируя таким образом заботу о будущем потомстве. Как повела бы себя мать, спрашивал далай-лама, если бы ей довелось когда-нибудь встретиться с одним из своих отпрысков? Для меня, однако, подобное поведение говорит скорее о заложенной в черепахах наследственной программе поиска наилучшей среды для выведения потомства. Черепаха роет ямку в песке выше линии прилива, откладывает в нее яйца и закрывает их, уплотняя песок сверху мощными задними лапами-ластами; после этого она покидает место кладки. Когда маленькие черепашки несколько месяцев спустя вылупляются из яиц, их ждет опаснейший бросок к воде; как правило, про-

исходит это ночью при свете луны. Черепашки никогда не знакомятся со своей матерью.

Эмпатия требует внимания к другим и восприимчивости к их нуждам. Начало она берет, вероятно, от родительской заботы о потомстве, наблюдаемой, к примеру, у млекопитающих, но имеются свидетельства и птичьей эмпатии. Однажды я был на Исследовательской станции имени Конрада Лоренца в Грюнау (Австрия), где в больших вольерах содержат воронов. Это весьма внушительные птицы, особенно когда сидят у вас на плече, поворачивая мощный черный клюв близко-близко к вашей щеке! Мне тогда вспомнились ручные галки, которых я держал дома в студенческие времена, — куда более мелкие птицы из того же семейства врановых. В Грюнау ученые отслеживают спонтанно возникающие схватки воронов; случалось им наблюдать и реакцию остальных птиц на эти драки. Так вот, проигравший вполне может рассчитывать на ободряющую чистку перьев или дружеское касание клювом со стороны сочувствующих наблюдателей. Там же, на станции, вольных потомков лоренцевых гусей снабжают датчиками, чтобы иметь возможность постоянного мониторинга частоты их сердечных сокращений. У каждого взрослого гуся есть пара — а значит, есть и объект для проявления эмпатии. Если одна из птиц вступает в схватку с кем-то третьим, сердце ее партнера или партнерши начинает частить. Даже если сам партнер никак в схватке не участвует, его сердце выдает тревогу за исход сражения. Оказывается, птицы тоже чувствуют боль близкого существа.

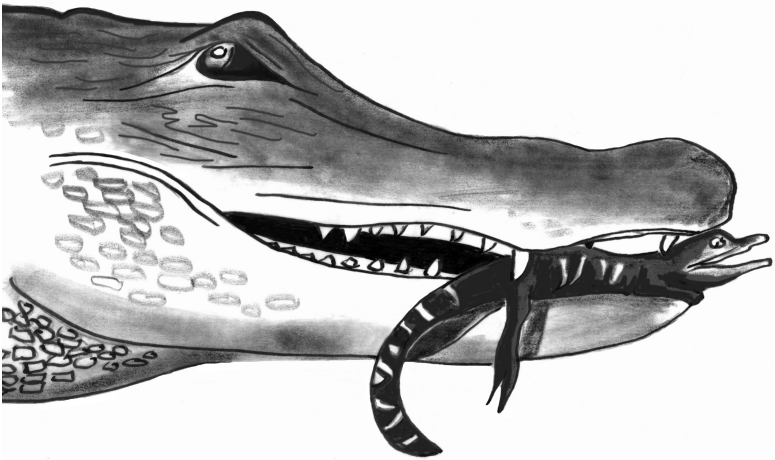
Если и птицы, и млекопитающие обладают определенной мерой эмпатии, то эта способность, вероятно, восходит к общим предкам тех и других — пресмыкающимся. Но не ко всем пресмыкающимся, поскольку большинство из них совершенно

не заботится о потомстве. Одним из вернейших признаков наличия заботливого отношения, по мнению американского нейробиолога Пола Маклина (Paul MacLean), назвавшего лимбическую систему центром эмоций, является обиженный крик потерявшегося детеныша. Юные обезьяны, к примеру, делают это постоянно: отстав от матери, они кричат до тех пор, пока она не вернется. При этом детеныш выглядит ужасно несчастным; он сидит на ветке в полном одиночестве и, надув губы, издает жалобные призывы: «Ку-у!», ни к кому персонально не обращаясь. Маклин отмечает отсутствие подобной формы призыва у большинства пресмыкающихся, в том числе змей, ящериц и черепах.

Однако детеныши некоторых рептилий все же зовут родителей, когда расстроены или находятся в опасности, и тогда мама должна обязательно появиться и позаботиться о несчастном малыше. Случалось ли вам держать в руках новорожденного аллигатора? Будьте осторожны, зубы у них уже в полном порядке; кроме того, в опасной ситуации они издают что-то вроде гортанного лая, заслышав который самка (мать) может пулей вылететь из воды. Это научит вас уважать родительские чувства рептилий!

Я рассказал об этом далай-ламе и уточнил, что проявлений эмпатии можно ждать лишь от животных, способных к привязанности, и что мало кто из пресмыкающихся удовлетворяет этому критерию. Я не уверен, что мои слова ему понравились, потому что он-то, конечно, хотел узнать о черепахах, которые, как кажется на первый взгляд, куда привлекательнее свирепых зубастых монстров из семейства крокодиловых. Однако внешность обманчива. Так, некоторые члены этого семейства очень аккуратно переносят маленьких крокодилчиков в своих громадных зубастых челюстях или на спинах и защи-

щают их от опасности. Иногда они даже позволяют малышам выхватывать у себя изо рта кусочки мяса. Динозавры, кстати, тоже заботились о потомстве, а плезиозавры — гигантские морские рептилии — возможно, даже были живородящими и производили на свет прямо в воде по одному живому детенышу, как это сегодня делают киты. По всем имеющимся данным, чем меньше отпрысков производит на свет животное, тем лучше оно о них заботится. Именно поэтому ученые считают, что плезиозавры были заботливыми родителями. То же, между прочим, можно сказать и о птицах, которых наука рассматривает как оперившихся динозавров.

Мало кто из пресмыкающихся проявляет заботу о потомстве, но в семействе крокодиловых это заведено. Самка аллигатора аккуратно переносит одного из своих детенышей

Пытаясь все же добиться от меня желаемого ответа, далай-лама перешел к бабочкам и спросил, есть ли у них эмпатия. Я не удержался от шутки, сказав: «У них нет на это времени, они живут всего один день!» На самом деле короткая жизнь

бабочек — всего лишь миф, но, как бы эти насекомые ни относились друг к другу, я сомневаюсь, что в их отношениях присутствует эмпатия. При этом я не хочу дезавуировать главное, что стояло за вопросом далай-ламы: все животные делают то, что лучше для них самих и их отпрысков. В этом смысле любое живое существо заботится о потомстве — возможно, неосознанно, но тем не менее заботится. Высокий гость хотел сказать, что в основе всякой жизни лежит сострадание.

Мамино приветствие

После этого дискуссия переключилась на другие темы — к примеру, как измерить силу сострадания в мозгу буддистских монахов, медитировавших на эту тему всю свою жизнь. Ричард Дэвидсон (Richard Davidson) из Университета Висконсина рассказал о том, что тибетские монахи отказались от нейробиологического исследования, поскольку сострадание, ясное дело, локализовано не в мозгу, а в сердце! Все решили, что это очень смешно, и даже монахи в аудитории громко смеялись. Но те первые монахи оказались правы. Чуть позже Дэвидсон обнаружил связь между сердцем и сознанием: медитация о сострадании заставляет сердце биться чаще при звуках человеческих страданий.

Я, естественно, вспомнил и о гусях. А еще я не мог не удивиться при виде столь многообещающего созвучия мыслей. В 2005 г. сам далай-лама говорил о необходимости интеграции науки и религии. Выступая перед тысячами ученых в Вашингтоне на ежегодном съезде Общества нейробиологов, он подчеркивал, как сложно обществу угнаться за эпохальными научными открытиями: «Совершенно очевидно, что человеческая мысль в области морали и этики попросту не поспевает

за стремительным прогрессом в накоплении знаний и возрастании могущества человечества». Согласитесь, свежая мысль на фоне многочисленных попыток вогнать клин между религией и наукой!

Я размышлял на эту тему все время, пока готовился к поездке в Европу. Кажется, только-только я получил благословение и *хата** на шею и проводил далай-ламу, уехавшего в лимузине с вооруженными до зубов охранниками, как оказался уже в самолете на Гент, красивый старинный город во фламандской части Бельгии. В культурном отношении этот регион ближе к южной части Нидерландов, откуда я родом, чем к их северной части, которую мы зовем Голландией. Все мы говорим на одном языке, но Голландия — оплот кальвинистов, тогда как южные провинции в XVI в. остались католическими благодаря испанцам, которым мы обязаны появлением герцога Альбы и инквизиции. И не глупой пародии вроде той, что фигурировала в скетчах комик-группы «Монти Пайтон» с фразой «Никто не ждет испанскую инквизицию!»**, а настоящей инквизиции, которая, стоило человеку всего лишь усомниться в непорочности Девы Марии, готова была немедленно давить пальцы несчастного в тисках. Инквизиторы, не имевшие права проливать кровь, предпочитали *strappado*, или дыбу, и подвешивали жертву на связанных за спиной руках, привязав к ногам дополнительный груз. Такое обращение заставляет человека очень быстро забыть все, что он знал раньше, и отказаться от прежних представлений о связи между сексом и зачатием.

---

* Длинный шарф, один из буддистских символов чистоты, гостеприимства, дружбы, сострадания.

** Основная фраза из скетчей британского юмористического телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона» «Испанская инквизиция». В англоязычных странах стала крылатым выражением.

В последнее время Ватикан прилагает немалые усилия, пытаясь смягчить образ Святейшей инквизиции, — они же, мол, убивали *не всех* еретиков и строго следовали при этом служебным инструкциям, — но при этом очевидно, что заправлявшим там иезуитам не помешало бы пройти курс сострадания.

Кстати говоря, такая древняя история объясняет и тот факт, что в этих местах искать картины Босха — занятие малопродуктивное. Большая их часть находится в музее Прадо в Мадриде. По мнению историков, Железный герцог получил «Сад земных наслаждений» в 1568 г., когда объявил принца Оранского вне закона и конфисковал все его имущество. После герцога триптих унаследовал его сын, от которого этот шедевр перешел в собственность Испании. Испанцы обожают этого художника, именуя его Эль Боско, его произведения вдохновляли Жоана Миро и Сальвадора Дали. Во время своего первого визита в музей Прадо я так и не смог по-настоящему насладиться работами Босха, потому что в голове стучала одна-единственная мысль: «Все это колониальные трофеи!» К чести музея нужно сказать, что сейчас эта картина оцифрована в невероятно высоком разрешении, и каждый без труда может рассмотреть ее через Google Earth.

После прочитанной в Генте лекции коллеги устроили мне импровизированную экскурсию к старейшей среди мировых зоопарков колонии бонобо*, основанной в зоопарке Антверпена, а сейчас живущей в парке животных Планкендале. С учетом того, что на воле бонобо обитают в Конго — бывшей бельгийской колонии, их присутствие в Планкендале едва ли удивительно. Животные из Африки, живые и мертвые, тоже представляли собой своего рода колониальные трофеи, но,

---

* Карликовые шимпанзе.

если бы их не привозили в Бельгию, мы, возможно, так никогда бы и не узнали об этих редких человекообразных обезьянах. Открытие бонобо произошло в 1929 г. в музее неподалеку отсюда, где один немецкий анатом как-то раз смахнул пыль с небольшого округлого черепа, подписанного как череп детеныша шимпанзе; натуралист, однако, узнал в нем череп взрослого животного с необычно маленькой головой и объявил об обнаружении нового подвида. Но вскоре его заметку затмило еще более серьезное заявление одного американского анатома: тот объявил, что перед нами совершенно новый вид, анатомически поразительно похожий на человека. Бонобо отличаются более хрупким телосложением и более длинными задними конечностями, чем все остальные человекообразные обезьяны. Новый вид был отнесен к тому же роду *Pan*, что и шимпанзе. В дальнейшем оба упомянутых ученых наглядно иллюстрировали силу академического соперничества: до конца своих долгих дней спорили о том, кто из них двоих совершил историческое открытие. Я сам видел однажды, как на симпозиуме, посвященном бонобо, американец вдруг встал и дрожащим от гнева голосом объявил о том, что полвека назад его открытие «присвоили».

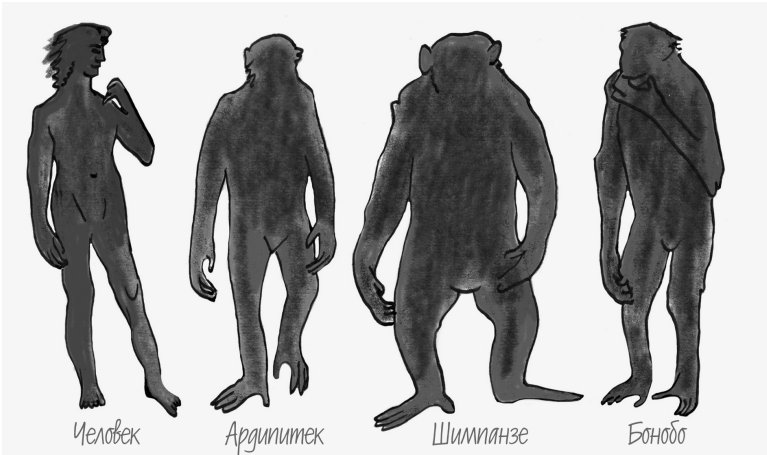
Но немец писал по-немецки, а американец по-английски — догадайтесь, кого из них чаще цитируют. Многие считают, что широкое распространение английского привело к дискриминации их родного языка, но я с удовольствием болтал по-голландски. Несмотря на десятки прожитых за рубежом лет, именно голландский и сегодня первым просится на язык.

Молодой бонобо раскачивался на веревке, то появляясь в поле зрения, то вновь исчезая, и не забывал всякий раз привлечь внимание людей ударом по разделявшему нас стеклу. Мы же говорили о том, как сильно его смех напоминает чело-

веческий. Он откровенно развлекался, особенно ему нравилось, когда мы, изображая испуг, шарахались от окна. Сегодня невозможно себе представить, что когда-то ученые путали два вида шимпанзе. Есть известная фотография, на которой запечатлен американский специалист по человекообразным обезьянам Роберт Йеркс и на коленях у него две молодые обезьяны; обе они, по его мнению, были шимпанзе, потому что о бонобо тогда еще никто не знал. Йеркс, надо заметить, рассказывал о том, что одна из двух обезьян была гораздо более чуткой и способной к эмпатии, чем любой другой примат, которого ему доводилось встречать, — а может быть, и более умной. Ученый называл того самца «антропоидным гением»; в книге «Почти человек» (Almost Human) он писал в значительной мере именно об этом «шимпанзе», не зная при этом, что имеет дело с одним из первых живых бонобо, попавших на Запад.

Разница между планкендальской колонией и колонией шимпанзе видна с первого взгляда, потому что возглавляет колонию самка. Биолог Джероен Стивенс рассказал мне, что атмосфера в группе заметно потеплела после того, как прежнюю альфа-самку (настоящую «железную леди») отослали в другой зоопарк. При той большинство остальных бонобо, особенно самцы, жили в постоянном страхе. У новой альфы характер намного мягче. Вообще, обмен зоопарков самками — новая позитивная тенденция, соответствующая традиционному поведению бонобо в природе. Там сыновья, взрослея, продолжают жить вместе с матерями, а дочери мигрируют в другие места. Много лет зоопарки передавали друг другу самцов, вызывая тем самым одну катастрофу за другой. Дело в том, что без матери самцы бонобо нередко подвергаются травле со стороны собратьев, и беднягу, прибывшего в чужую колонию, часто

приходилось попросту изолировать где-нибудь в дальнем углу, подальше от глаз посетителей, иначе дело для него могло кончиться плохо. Оставляя самцов с матерями и уважая их тесные узы, можно избежать множества проблем.

Переход к прямохождению в ходе эволюции человеческой линии требовал удлинения задних конечностей. Из всех человекообразных обезьян именно бонобо по соотношению длины передних и задних конечностей ближе всего к нашему предку ардипитеку (рисунок сделан без соблюдения масштаба: на самом деле современный человек выше остальных)

Из сказанного ясно, что бонобо — вовсе не ангелы. Но также очевидно, что самцы у них в очень значительной степени «маменькины сынки», а это не всем нравится. Некоторых мужчин оскорбляет существование обезьян, у которых царит матриархат, а все самцы без исключения — рохли и слюнтяи. После одной лекции в Германии знаменитый старый профессор, слушавший среди прочих мое выступление, буквально рывкнул, путая немецкие и английские слова: «Вас ис дас не так с этими самцами?!» Бонобо, можно сказать, не повезло: этот вид ворвался на научную сцену в тот момент, когда и антропологи, и биологи куда больше внима-

ния обращали на жестокость и насилие в животном мире, чем на каких-то неожиданно мирных родичей-приматов. Никто не знал, что с ними делать, и бонобо быстро заняли в литературе, посвященной эволюции человека, место белой вороны. Один американский антрополог дошел до того, что предложил попросту игнорировать их, поскольку этот вид все равно скоро вымрет².

Невиданное дело: поставить виду в вину близкое вымирание! Неужели с бонобо и правда что-то не в порядке? Может быть, они плохо адаптированы к среде? Но вымирание никак не связано с первоначальной приспособленностью вида. К примеру, додо на острове Маврикий прекрасно себя чувствовали, пока там не появились матросы, которым эти крупные нелетающие птицы показались пусть и скверной, но весьма доступной едой. Можно с уверенностью сказать, что все наши предки в какой-то момент были замечательно адаптированы, хотя до сегодняшнего дня не дожил ни один из них. Так что же, может быть, нам незачем их изучать? Но мы изучаем, и очень тщательно. Средства массовой информации сходят с ума всякий раз, когда ученым удастся обнаружить хотя бы крошечную частичку нашего прошлого. Ископаемые получают имена собственные — вспомните Люси или Арди, — и это дополнительно подогревает общественный интерес к находкам.

Мне же бонобо интересны в первую очередь именно потому, что контраст между ними и шимпанзе безмерно обогащает наши представления об эволюции человека. Бонобо показывают, что длинный ряд наших предков отмечен не только мужским доминированием и ксенофобией, но и приверженностью к гармонии и вниманием к ближнему. Эволюция двигает и мужское, и женское, и не стоит измерять прогресс

человечества исключительно количеством сражений, выигранных нашими самцами у других гоминин³. Внимание к женской стороне истории не принесет вреда, как и внимание к сексу. Насколько мы сегодня можем судить, человек не победил другие группы гоминин в сражениях и не завоевал их, а, скорее, вытеснил, вызвал естественное вымирание, и средством к тому стала не война, а любовь. Современный человек несет в себе неандертальские гены, и я не буду слишком удивлен, если окажется, что не только неандертальские, но и других гоминидных сородичей. С этой точки зрения образ жизни бонобо не кажется таким уж экстравагантным.

Оставив на время этих кротких человекообразных обезьян, следующую остановку я сделал в зоопарке Арнема (Нидерланды), где когда-то начинал свою карьеру, изучая других представителей *Pan*. Тому знаменитому немецкому профессору наверняка понравились бы шимпанзе, потому что самцы у них обладают непререкаемой властью и ведут непрерывную борьбу за положение в стае. Впечатление было таким сильным, что я написал целую книгу «Политика у шимпанзе» (*Chimpanzee Politics*) об их интригах и происках. Еще студентом я, пытаясь проникнуть в суть вещей, о которых молчат учебники биологии, начал читать Никколо Макиавелли. Один из главных героев-самцов того бурного периода, отстоящего от нас уже на четыре десятка лет, был убит своими сородичами еще во время моей работы в зоопарке. Надо сказать, что воспоминания об этом событии и сегодня преследует меня — не в последнюю очередь из-за связанной с ним жуткой подробности: напавшие на самца собратья оторвали ему половые органы. Другие самцы — участники той давней истории — уже умерли от старости, но в колонии и сегодня обитают их взрослые сыновья, которые не только

внешне, но и голосом, когда кричат или ревут, сильно напоминают отцов. Да, голоса шимпанзе легко различимы: только по крикам и улюлюканью я мог определить любого из 25 тамошних обитателей. Я прекрасно себя чувствую в обществе этих приматов и считаю их исследование увлекательнейшим в мире занятием, но не обманываюсь на их счет, не питаю иллюзий и не считаю шимпанзе «милыми созданиями», даже если большинству людей они кажутся таковыми. Они воспринимают борьбу за власть в стае очень серьезно и готовы убивать соперников. Известно, что иногда шимпанзе убивали людей или, скажем, раздирали их лица; такие случаи бывали в США с «ручными», домашними обезьянами. Ничего удивительного в этом нет: если вы держите дикое животное в доме, вы всегда рискуете тем, что присутствие человека — представителя куда более слабого вида, чем шимпанзе, — станет для него поводом к сексуальной ревности или препятствием на пути к доминированию. Любой самец шимпанзе настолько силен физически (даже если не брать в расчет острейшие собачьи клыки и четверорукость), что даже пятеро дюжих мужчин вряд ли смогут удержать его. Шимпанзе, выросшие среди людей, слишком хорошо это знают.

Надо сказать, что самки, которых я знал в Арнеме, до сих пор живы, в том числе и внушительная дама-хранительница колонии по имени Мама. Она никогда не была похожа на матриархов бонобо, имеющих в колонии вполне реальную власть, но все время, пока я общался с тамошними шимпанзе, среди самок прочно занимала верховную позицию. В период своего расцвета Мама принимала активное участие и в политических играх самцов — обеспечивала поддержку одному из претендентов, который в случае успеха у самок и обретения власти

оказывался у нее в долгу. Такому самцу лучше было поддерживать с Мамой хорошие отношения, в противном случае — если бы Мама вдруг невзлюбила его — его «политическая карьера» могла бесславно закончиться. Доходило до того, что Мама наказывала самок, осмелившихся встать на сторону тех самцов, которые не пользовались ее благосклонностью. По существу, она играла роль авторитетного деятеля парламентской партии. У шимпанзе самцы физически доминируют над самками, но это не означает, что самки ничего не смыслят в отношениях в стае или находятся вне их. Вообще, в диких сообществах самки, как правило, держатся в стороне от борьбы за влияние, но на острове в Арнеме все по-другому. Там разница между влиятельностью самок и самцов заметно меньше. Поскольку все самки постоянно присутствуют на месте событий и активно поддерживают друг дружку, ни один самец не в состоянии преодолеть их общее сопротивление.

У меня всегда были прекрасные отношения с Мамой. При встрече она всякий раз тепло и уважительно приветствует меня. Началось это еще в прежние времена, но и сегодня она так же радостно находит мою физиономию в толпе посетителей зоопарка. Все это время, раз в два года, я посещал зоопарк и иногда даже устраивал с ней сеанс дружеского груминга, но на этот раз я привел с собой чуть ли не сотню человек — участников симпозиума, проходившего в конференц-центре зоопарка. Когда мы подошли к обезьяньему острову, и Мама, и другая старая самка Джимми поспешили мне навстречу. Они приветствовали меня низким урчанием, и Мама издалека протянула мне навстречу руку. Самки часто используют такой жест «иди сюда», когда собираются куда-то двинуться и хотят, чтобы отпрыск побыстрее запрыгнул к ним на спину. Я ответил ей тем же жестом, а чуть позже принял участие в кормле-

нии шимпанзе — брал фрукты и бросал их на ту сторону рва, следя за тем, чтобы обязательно досталось и Маме, — а передвигается она медленно и уже не так ловко, как другие, ловит апельсины на лету.

Мы подали другим шимпанзе повод для ревности, и результаты не заставили себя долго ждать. Взрослая дочь Мамы по имени Моник подкралась к нам и с расстояния примерно метров двенадцать швырнула тяжелым камнем. Надо сказать, что метко брошенный камень угодил бы мне прямо в голову, если бы я заранее не приглядывал за дочуркой моей приятельницы. Я перехватил камень на лету. Моник родилась, когда я еще работал в зоопарке, и я не раз замечал, что она не выносит, когда Мама на меня отвлекается. Она, вероятно, меня не помнит, а потому понятия не имеет, почему мать приветствует этого чужака как старого друга. Лучше, пожалуй, кинуть в него чем-нибудь! Некоторые ученые считают, что бросание в цель — чисто человеческая способность, которая связана с развитием языка, поэтому я предложил сторонникам этой теории воочию убедиться, на что способны в этом отношении шимпанзе. Желающих не нашлось. Возможно, дело в том, что каждый из присутствующих понимал: камни в любой момент могут смениться пахучими телесными отправлениями.

Участники симпозиума, тронутые нашей радостной встречей с Мамой, заинтересовались тем, насколько хорошо шимпанзе узнают нас, а мы — их. Лично я различаю морды человекообразных обезьян несколько не хуже, чем человеческие лица, хотя, конечно, каждый вид лучше опознает сородичей. Еще совсем недавно ученые относились к этому предвзято; считалось, что только человек хорошо распознает лица. Человекообразные обезьяны справлялись с задачей гораздо

хуже, хотя испытывали их на тех же тестах, с теми же стимулами — а значит, человекообразных обезьян испытывали на распознавание *человеческих* лиц! Я называю такой подход к изучению приматов антропоцентрическим искажением, он породил множество заблуждений. Когда моя коллега в Атланте Лайза Парр, воспользовавшись бесчисленными фотографиями шимпанзе, сделанными мною в Арнеме, исследовала, как шимпанзе узнают лица своего вида, то оказалось, что они отлично справляются. Разглядывая на экране компьютера портреты сородичей, испытуемые определяли даже, кто из молодых шимпанзе является отпрыском той или иной самки — и при этом никто из них не был лично знаком с шимпанзе на фотографиях! Точно так же мы с вами, листая семейный фотоальбом, отмечаем признаки кровного родства на незнакомых лицах.

Мы живем в период, когда наше родство с человекообразными обезьянами находит все большее понимание и все серьезнее принимается обществом. Правда, человечество не устает выискивать различия между нами и утверждать собственное превосходство, но немногие из заявленных отличий остаются в силе больше 10 лет. Если объективно, не увлекаясь техническими достижениями нескольких последних тысячелетий, взглянуть на собственный биологический вид, то мы увидим существо из плоти и крови с мозгом, который, хотя и превосходит мозг шимпанзе втрое, не содержит никаких новых частей. Даже размер хваленной префронтальной коры головного мозга оказывается достаточно типичным для приматов. Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точ-

ности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы.

Вот почему мы организовали в зоопарке целый симпозиум, в ходе которого специалисты в области здравоохранения и социологии могли поучиться у приматологов. Я, будучи приматологом, тоже узнал из кулуарных бесед кое-что новое для себя. Мы говорили о морали и нравственности и о том, откуда они берутся и на чем основаны. Если мораль не дана нам свыше, то кто или что порождает ее? Кто-то из коллег заметил, что в последние десятилетия голландцы охладели к религии и общество стало в значительной степени светским; в связи с этим обостряется проблема правомочности морали. Никто сегодня не имеет права публично одернуть собрата и наставить его на путь истинный — а в результате общество стало менее цивилизованным. При этих словах многие слушатели закивали в знак согласия. Что это, просто разочарованное бружжание стариков, всегда готовых жаловаться на молодое поколение? Или здесь есть какая-то закономерность? Секуляризация наблюдается по всей Европе, но морально-этические следствия этого процесса пока поняты плохо. Даже немецкий политический философ Юрген Хабермас*, атеист и марксист до мозга костей, пришел к выводу, что утрата религии, возможно, не совсем выигрышна. Он заявил: «Когда грех стал виной, мы что-то утратили».

---

* Юрген Хабермас (р. 1929) — немецкий философ, крупный представитель Франкфуртской школы.

Атеистическая дилемма

Я, однако, не убежден, что мораль непременно должна даваться свыше. Неужели она не может быть делом внутренним? Так наверняка и есть в отношении чувства сострадания, а может быть, и в отношении чувства справедливости. Несколько лет назад мы провели эксперимент: приматы с удовольствием выполняли задания ученых за кусочки огурца, пока не увидели, что другие получают виноград, который гораздо вкуснее. Обезьяны, получавшие в награду огурцы, пришли в возбуждение, побросали свои овощи и устроили забастовку. Очень приличная еда стала для них негодной только потому, что кто-то из собратьев получал кое-что лучше. Мы назвали это качество «неприятием неравенства»; позже данную тему исследовали на других животных, включая собак. Так, собака готова повторять одно и то же действие без всякого вознаграждения, но отказывается делать это, как только увидит, что другая собака получает за то же действие кусочки колбаски.

Эти открытия приложимы и к человеческой нравственности. По мнению большинства философов, человек сам убеждает себя в моральных истинах. Даже если философ при этом не ссылается на Бога, он все же предполагает, что процесс этот идет «сверху вниз»: сначала мы формулируем принципы нравственности, а затем применяем их в отношениях с ближними. Но действительно ли моральные намерения формируются на таком высоком уровне? Разве не должны они корениться в нашей глубинной сути, в том, что мы и кто мы? Разве реально было бы убедить человека заботиться о других, если бы ему не была изначально присуща естественная склонность к этому? Какой был бы смысл апеллировать к честности

и справедливости, если бы у нас не было мощной инстинктивной реакции на их отсутствие? Представьте, какую когнитивную нагрузку нам бы приходилось нести, если бы каждое принимаемое решение нужно было проверять при помощи «спущенной сверху» логики. Я твердо верю в утверждение Дэвида Юма* о том, что разум — раб страстей. Начинали мы с нравственных ощущений и интуиции, и именно в этом мы ближе всего к другим приматам. Человек не откапывал мораль, извлекая ее из рациональных рефлексий; напротив, он получил мощный толчок снизу, из своего неизбывного социально-животного прошлого.

В то же время я бы поостерегся называть шимпанзе «моральным существом». Дело в том, что одних чувств недостаточно. Мы стремимся к логически цельной и непротиворечивой системе и спорим о том, как смертная казнь согласуется с утверждениями о священности жизни, и может ли сексуальная ориентация, которую человек не выбирает, быть морально ущербной. Эти разногласия свойственны только человеку. Слишком мало свидетельств того, что другие животные хоть как-то оценивают действия, которые их непосредственно не затрагивают. Великий пионер исследований морали финский антрополог Эдвард Вестермарк объяснил это тем, что связанные с моралью человеческие эмоции не определяются сиюминутной ситуацией. Скорее они имеют дело с понятиями добра и зла на более абстрактном, беспристрастном уровне. Именно это отличает человеческую мораль от всех прочих: стремление к универсальным правилам и одновременно сложная система оправдания, наблюдения и наказания.

---

* Дэвид (Давид) Юм (1711–1776) — шотландский философ, историк, сенсуалист.

В этот момент, кстати говоря, в дело вступает и религия. Вспомните призывы к состраданию и милосердию: притчу о добром самаритянине или притчу о работниках в винограднике, которая представляет собой вызов нашему чувству справедливости и завершается знаменитым «Последние будут первыми, а первые последними». Добавьте к этому почти скиннеровскую тягу к поощрению и наказанию* — от девственниц, которым уготован рай, до адского пламени, ожидающего грешников, — и наше желание быть «достойными похвалы», как говорил Адам Смит. В самом деле, человек настолько чувствителен к общественному мнению, что иногда достаточно приклеить на стену картинку с изображением двух глаз, чтобы добиться от него хорошего поведения. Религия давно осознала это и всюду пользуется образом всевидящего ока как символом всеведущего Бога.

Однако даже и с такой скромной ролью религия предается анафеме некоторыми людьми. За последние несколько лет мы успели уже привыкнуть к рьяным атеистам, утверждающим, как Кристофер Хитченс, что Бог — не любовь, или, как Ричард Докинз **, что он и вовсе сродни галлюцинации. Неоатеисты называют себя «умниками», подразумевая таким образом, что все верующие глупее них. Если апостол Павел считал, что неверующие живут во тьме, то современные атеисты поменяли эту максиму на противоположную: одни лишь неверующие способны видеть свет. Призывая доверять лишь науке, они хотят вывести этику из натуралистического

---

* Б. Скиннер (1904–1990) — американский психолог-бихевиорист.

** Клинтон Ричард Докинз (р. 1941) — известный английский этолог, эволюционист, атеист. В своей книге «Бог как иллюзия» (The God Delusion, 2006, на русском языке впервые опубликована в 2010 г.) утверждал, что вероятность существования сверхъестественного ничтожно мала, а религия — это иллюзия.

мировоззрения. Я разделяю их скепсис по поводу религиозных учреждений и их иерархов — священников, епископов, телепроповедников, аятолл и раввинов, — но к чему хорошему могут привести оскорбления, адресованные огромному множеству людей, которые ценят религию? И, что еще более важно, какую, собственно, альтернативу может предложить наука? Не дело науки разъяснять смысл жизни и объяснять нам, как нужно жить, — тем более не ее задача. Британский философ Джон Грей * сформулировал это так: «...наука — не колдовство. Рост знаний расширяет человеческие возможности. Но человеческую природу знания не могут отменить». Мы, ученые, хорошо умеем разбираться в том, почему разные вещи в окружающем мире именно такие, какие они есть, или в том, как они работают. Я верю, что биология помогает нам понять, почему нравственность такова, какова она есть. Но от этого понимания до советов нравственного характера — дистанция огромного размера.

Даже самый стойкий атеист, воспитанный в западном обществе, не может не впитать базовые установки христианства. Жители все более светской Северной Европы, чью культуру я воспринял в первую очередь, считают свое мировоззрение в значительной мере христианским. Надо сказать, что достижения человечества в любой области — от архитектуры до музыки, от искусства до науки — всегда развивались рука об руку с религией и никогда по отдельности. Поэтому невозможно сказать, как выглядела бы человеческая этика без религии. Чтобы понять это, необходимо познакомиться с какой-нибудь человеческой культурой, которая не только нерелигиозна в на-

---

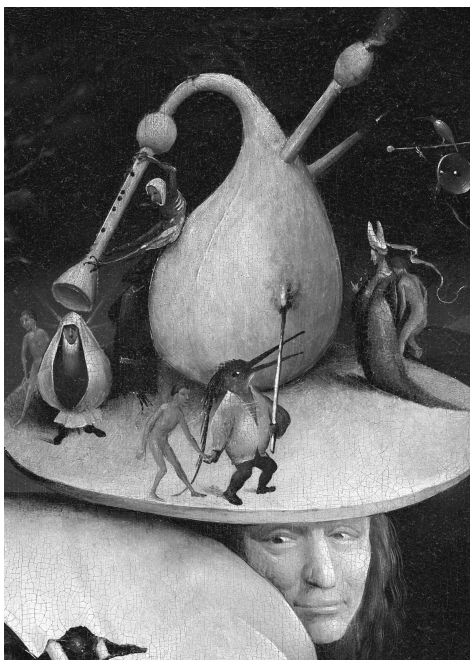
* Джон Николас Грей (р. 1948) — английский философ, предметами исследования которого являются политическая и аналитическая философия, история идей, в том числе моральных и религиозных.

стоящее время, но и никогда не была религиозной. Тот факт, что подобных культур не существует, заставляет задуматься.

Босх бился над той же проблемой. Речь шла, конечно, не об атеизме — в то время такой вариант был невыносим и попросту не существовал, — а скорее о месте науки в обществе. Маленькие фигурки с перевернутыми воронками на головах, здания вдалеке в форме перегонных кубов и печей — явная отсылка к какому-то химическому оборудованию. Как бы мы ни относились к науке сегодня, полезно помнить, что у истоков своих наука — не слишком рациональное предприятие. В эпоху Босха алхимия, делавшая немалые успехи, была неразрывно связана с оккультизмом, а среди алхимиков полно сумасшедших и шарлатанов, которых художник с большим юмором изобразил вместе с их легковой аудиторией. Лишь позже, освободившись от подобных влияний и разработав механизмы самокоррекции, алхимия стала эмпирической наукой. Но какой вклад может наука внести в общественную нравственность, еще долго оставалось неясным.

У других приматов, разумеется, подобных проблем нет, но и они пытаются сформировать общество похожего типа. В их поведении несложно различить стремление к тем самым ценностям, которые свойственны и нам. К примеру, известны случаи, когда самки шимпанзе буквально тащили упирающихся самцов навстречу друг другу, чтобы примирить их после ожесточенной схватки, и одновременно вырывали оружие из их лап. Более того, высокоранговые самцы регулярно выступают в роли беспристрастных арбитров, разрешая споры в сообществе. Для меня эти намеки на заботу об общественных интересах служат знаком того, что строительные кирпичики нравственности старше человечества, и что необязательно привлекать Бога, чтобы объяснить, как человек оказался там,

где оказался. С другой стороны, что произошло бы с обществом, если бы мы полностью исключили религию? Откровенно говоря, трудно представить, как наука и натуралистическое мировоззрение могли бы заполнить образовавшуюся пустоту и вдохновить человека на добро.

Картины Босха изобилуют ссылками на алхимию, мистическую предшественницу химии. Самая узнаваемая фигура «Сада земных наслаждений» — иногда ее называют «человек-дерево-яйцо» — несет на голове карусель с дымящимся сооружением, напоминающим волынку. Сосуды подобной формы часто использовались в алхимии

Во время обратного перелета после недельной трансатлантической экскурсии я нашел наконец время прочитывать накопившиеся в моем блоге «Мораль без Бога?» почти семь сотен комментариев. В большинстве своем записи оказались конструктивными и одобрительными; читатели соглашались

со мной: там, где речь идет о происхождении морали, можно допустить, помимо черного и белого, еще и множество оттенков серого. Но атеисты не могли устоять перед соблазном и обойтись без нападок на религию, что противоречило моим намерениям. Для меня разобраться, в чем заключается сущность религии, гораздо важнее, чем критиковать нее. Центральный вопрос атеизма — а именно тезис о существовании или несуществовании Бога — представляется мне абсолютно неинтересным. Какой смысл вести горячие споры о существовании того, чего никто не может ни доказать, ни опровергнуть? В 2012 г. Алан де Боттон* заставил встать на дыбы обе дискутирующие стороны. Он начал свою книгу «Религия для атеистов» (*Religion for Atheists*) следующим посылом: «Самый скучный и неконструктивный вопрос, который можно задать относительно любой религии, это вопрос о том, *верна* ли она — в смысле, была ли она торжественно ниспослана человеку небесными силами под звуки фанфар». Тем не менее для некоторых этот вопрос остается самым главным и даже единственным. Как мы дошли до подобного скудоумия? Мы как будто вступили в дискуссионный клуб, где все, что можно сделать, — это только выиграть или проиграть.

Наука не может ответить на все вопросы. Еще студентом я узнал о так называемом «натуралистическом заблуждении» и о том, что со стороны ученых верх высокомерия считать, что их труды могут определить разницу между «хорошо» и «плохо». Имейте в виду, что было это вскоре после Второй мировой войны, которая принесла всем нам громадное зло, оправдываемое научной теорией самоуправляемой эволю-

---

* Алан де Боттон (р. 1969) — известный британский писатель, философ и журналист швейцарского происхождения. Называет себя «мягким атеистом», т. е. в Бога не верит, но признает общественную полезность религии.

ции. Ученые, проводившие чудовищные эксперименты, были не последними винтиками в страшном механизме геноцида. Детей сшивали, пытаясь искусственно получить сиамских близнецов; живых людей оперировали без анестезии; конечности и глаза хирургическим путем переносили в другие места человеческого тела. Мне никогда не забыть те темные послевоенные годы, когда всякий ученый, говоривший с немецким акцентом, вызывал подозрения. Однако британских и американских ученых тоже нельзя считать абсолютно непричастными к злодеяниям, ведь именно они в начале века познакомили нас с евгеникой. Они защищали расистские иммиграционные законы и насильственную стерилизацию глухих, слепых, душевнобольных, людей с физическими недостатками, а также преступников и представителей национальных меньшинств. Такие операции втайне проводились над людьми, попавшими в больницу по совершенно иным поводам. Тем, кто не хочет винить в этой омерзительной истории ученых и предпочитает говорить о псевдонауке, можно напомнить, что в то время евгеника считалась серьезной академической дисциплиной и изучалась во многих университетах. К 1930 г. институты евгеники существовали в Англии, Швеции, Швейцарии, России, Америке, Германии и Норвегии. Видные фигуры, включая и американских президентов, поддерживали эту теорию. Отец-основатель евгеники британский антрополог и всесторонне образованный человек сэр Фрэнсис Гальтон* стал членом Королевского общества и был удостоен рыцарского звания уже после того, как поддержал идею об искусственном улучшении человеческой расы. Заметим: Гальтон счи-

---

* Сэр Фрэнсис Гальтон (1822–1911) — английский антрополог, психолог, двоюродный брат Чарльза Дарвина. Ввел в употребление термин «евгеника».

тал, что средний гражданин «слишком неразвит для каждодневной работы в условиях современной цивилизации».

Чтобы вскрыть и продемонстрировать всем моральную несостоятельность подобных идей, понадобился Адольф Гитлер со своими приспешниками. Неизбежным результатом всего этого стало резкое падение веры в науку, особенно в биологию. Даже в 1970-е гг. биологов нередко приравнивали к фашистам, например в период бурного общественного протеста против так называемой «социобиологии». Я сам биолог и потому очень рад тому, что дни враждебности миновали; в то же время меня поражает, что кто-то может так прочно забыть прошлое и объявить науку спасителем нравственности. Как сумели мы перейти от глубокого недоверия к наивному оптимизму? Я, конечно, приветствую появление науки о морали — моя собственная работа тоже относится к этой области, — но никак не могу понять людей, призывающих науку *определить* человеческие ценности, как это явствует из подзаголовка книги Сэма Харриса * «Нравственный пейзаж: Как наука определяет человеческие ценности» (The Moral Landscape: How Science Can Determine Human Values). Так ли далеко в прошлое ушла псевдонаука? Или современные ученые свободны от нравственных ошибок? Вспомните исследование сифилиса в городке Таскиги (штат Алабама) всего лишь несколько десятилетий назад**; или нынешнее участие врачей в пытках заключенных тюрьмы Гуантанамо. Я глубоко скептически отношусь к нравственной чистоте

---

* Сэм Харрис (р. 1967) — американский публицист, пишущий на темы философии религии, нейробиологии и атеизма.

** Исследование сифилиса в г. Таскиги (1932–1972) — циничный эксперимент американской Службы здравоохранения, в ходе которого участникам — представителям афроамериканской бедноты не только не оказывали помощь, но и препятствовали в получении лечения пенициллином.

науки и считаю, что ее роль не должна выходить за рамки обязанностей служанки морали.

Мне кажется, путаница в этом вопросе уходит своими корнями в иллюзорное представление, что для построения хорошего общества человечество нуждается только в знаниях. Стоит нам только разобраться в главном алгоритме морали, считают приверженцы этой точки зрения, и мы сможем спокойно передать бразды правления науке. Наука в любых обстоятельствах гарантирует нам наилучший выбор. Все это немного напоминает мнения того рода, что знаменитый художественный критик обязательно и сам должен быть великим художником, а ценитель хорошей пищи — прекрасным поваром. Как же иначе — ведь критики высказывают глубокие суждения о творениях других людей! Они обладают нужными знаниями, так почему не позволить им самим взяться за дело? Однако задача критика — оценка и анализ уже готовых произведений задним числом, а не их создание. Творчество невозможно без интуиции, мастерства и образного мышления. Даже если наука сможет помочь нам разобраться в том, как функционирует мораль, это не означает, что она станет нравственным лидером; точно так же смешно было бы ожидать, чтобы тот, кто знает вкус яйца, сам такое яйцо снес.

Взгляд на мораль как на набор незыблемых принципов или законов, которые нам надлежит открыть, берет начало в религии. На самом деле совершенно не важно, кто именно формулирует эти законы: Бог, человеческий разум или наука. Все подобные подходы ориентированы одинаково — «сверху вниз»; их главная посылка состоит в том, что человек не знает, как нужно себя вести, и кто-то непременно должен ему об этом сказать. Но что если мораль создается в ходе повседневных социальных взаимодействий, а не на каком-то абстрактном мен-

тальном уровне? Что если она коренится в эмоциях, которые в большинстве случаев не поддаются аккуратной классификации, столь любимой наукой? Поскольку основной посылом моей книги — защита подхода «снизу вверх», то я, очевидно, еще не раз вернусь к этому вопросу. Моя точка зрения хорошо согласуется с тем, что нам известно о работе человеческого сознания, где интуитивные реакции возникают раньше осознанных рассуждений, и о том, как эволюция формирует поведение. Хорошей исходной точкой для изложения моих идей станет признание, что в основе мы все — общественные животные, и рассуждения о том, как эта основа преформирует наши поступки. Такой подход, безусловно, заслуживает внимания, особенно в наше время, когда даже откровенные атеисты не могут, как теленок от материнского вымени, оторваться от полурелигиозной морали и считают, что мир стал бы лучше, если бы место священника в рясе занял точно такой же «священник» в лабораторном халате.

Глава 2

КАК ОБЪЯСНИТЬ ДОБРОТУ

Общественный инстинкт заставляет животное получать удовольствие в обществе себе подобных, чувствовать к ним определенную симпатию и оказывать им различные услуги.

Чарльз Дарвин

Амос был одним из самых симпатичных самцов, которых мне довелось знать. За исключением, может быть, того случая, когда он умудрился засунуть в рот два яблока целиком, и тогда я лишний раз напомнил себе, что шимпанзе способны на нечеловеческие вещи. У Амоса были большие глаза на дружелюбной симметричной морде, густая блестящая черная шерсть и хорошо развитые мускулы на руках и ногах. Он никогда не был излишне агрессивным, как случается с некоторыми самцами; просто в лучшие свои времена он был в высшей степени уверен в себе. Его обожали. Некоторые из нас плакали, когда он умер, а его сородичи несколько дней хранили испуганное молчание. У них даже пропал аппетит.

В то время мы не знали, отчего он умер, но вскрытие показало, что помимо невероятно увеличенной печени, за-

нимавшей большую часть брюшной полости, у Амоса было несколько выраженных раковых образований. За последний год он потерял 15% своего веса. Его состояние, должно быть, постепенно ухудшалось в течение нескольких лет, но он вел себя нормально до самого конца, пока тело попросту не отказалось ему служить. Амос, должно быть, уже несколько месяцев чувствовал себя ужасно, но любое проявление слабости означало бы для него потерю статуса. Судя по всему, шимпанзе это понимают. Однажды ученым довелось наблюдать в дикой природе, как один охромевший самец несколько недель держался отдельно от остальных, стараясь залечить свои раны; время от времени, однако, он показывался в стае и устраивал перед всеми желающими убедительную демонстрацию силы и энергии — а затем вновь исчезал. Таким образом, никто в стае ни о чем не догадывался.

Амос ничем не выдавал своего состояния до кануна своей смерти. В тот день мы обнаружили его сидящим на джутовом мешке в одной из ночных клеток, в то время как остальные шимпанзе резвились на открытом воздухе; он, как загнанный, глотал воздух с частотой 60 вдохов в минуту, по морде его катился пот. Амос отказался выходить из клетки, поэтому мы изолировали его от сородичей вплоть до осмотра ветеринара. Остальные шимпанзе, однако, то и дело заглядывали внутрь, чтобы провести его, и мы оставили дверь, за которой сидел Амос, приоткрытой, чтобы не прерывать контакт. Амос уселся прямо за приоткрытой дверью, а одна из самок по имени Дейзи осторожно взяла его голову и стала почесывать чувствительные места за ушами. Затем она принялась таскать ему целыми охапками мягкую древесную стружку, из которой шимпанзе обожают строить гнезда. Они аккуратно раскладывают ее вокруг себя и спят на ней. После того как Дейзи принесла свой

дар, мы видели, как еще один самец сделал то же самое. Поскольку Амос сидел спиной к стене и стружкой почти не занимался, Дейзи несколько раз залезала поглубже и сама напихивала стружки между его спиной и стенкой.

Это замечательный случай! Похоже, Дейзи понимала, что Амос чувствует себя нехорошо и что ему удобнее было бы опираться спиной на что-нибудь мягкое, — точно так же мы поправляем подушки в постели больного. Вероятно, Дейзи представила, как сама чувствовала бы себя в подобной ситуации, со стружкой и без, и экстраполировала свои ощущения на Амоса. Вообще, Дейзи была известна у нас как «маньячка по части стружки» (вместо того чтобы делиться стружкой, она обычно заграбастывала себе всю кучу). Я убежден, что человекообразные обезьяны воспринимают и учитывают состояние окружающих, особенно когда речь идет о друзьях в беде. Правда, когда такие способности проверяют в лаборатории, этот тезис подтверждается не всегда. Однако следует учесть, что в подобных исследованиях приматов, как правило, просят отреагировать на поведение *людей* в какой-то искусственной ситуации. Я уже упоминал об антропоцентризме нашей науки. В таких же опытах с участием приматов шимпанзе справляются с заданием значительно лучше, а в дикой природе их всегда заботит, о чем думают их сородичи. Поэтому не стоит удивляться поведению Дейзи, она, судя по всему, поняла состояние Амоса.

На следующий день Амоса усыпили. У него не было никаких шансов на выживание, впереди его ждала только боль. Этот инцидент проиллюстрировал две противоположные особенности общественной жизни приматов. С одной стороны, приматы живут в жестоком мире, где самец вынужден как можно дольше скрывать свое физическое недомогание

и «сохранять лицо» перед сородичами. Но, с другой стороны, все они — часть тесного сообщества, в котором всегда можно рассчитывать на сочувствие и помощь ближних, в том числе и неродственников. Подобную неоднозначность, даже двойственность, трудно понять до конца. Популяризаторы науки, как правило, предпочитают упрощать ситуацию и описывать жизнь шимпанзе либо в гоббсовском ключе*, как мерзкую и грубую, либо идеализируя их дружелюбие. На самом же деле жизнь шимпанзе — не то и не другое, это всегда и то и другое вместе. Меня нередко спрашивают, как можно приписывать шимпанзе способность к эмпатии, если известно, что иногда они убивают сородичей. Я отвечаю вопросом на вопрос: не следует ли нам из тех же соображений отказаться от человеческой эмпатии?

Эта двойственность имеет принципиальное значение. Мораль была бы излишней, если бы мы все как один были добродетельными. Совершенно не о чем было бы беспокоиться, если бы люди только и делали, что сочувствовали друг другу и никогда не крали, не вонзали друг другу нож в спину, не домогались чужих жен! Очевидно, мы не всегда ведем себя должным образом, и именно этим объясняется наша нужда в моральных правилах. С другой стороны, можно придумать множество правил, предписывающих уважение и заботу о ближнем, но все не стоило бы ломаного гроша, если бы человек изначально не был предрасположен к этому. Эти правила были бы подобны семенам, брошенным на стекло: у них не было бы ни единого шанса прорасти. Именно способность быть как хорошими, так и дурными позволяет нам отличать добро от зла.

---

* Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ-материалист, сторонник теории «общественного договора».

Помощь Амосу со стороны Дейзи формально оценивается как «альтруизм», по определению представляющий собой поведение, за которое вам приходится чем-то расплачиваться (к примеру, риском или дополнительными затратами энергии), но которое приносит пользу кому-то другому. Однако биологические споры об альтруизме чаще всего почти не затрагивают вопрос о мотивации; речь в них, как правило, идет только о том, как подобное поведение действует на других и почему эволюция создала такие схемы поведения. Начались эти дебаты более 150 лет назад, но в последние десятилетия они вновь вышли на первый план.

С точки зрения гена

«Прежде чем помогать другим, закрепите свою собственную кислородную маску», — предупреждают нас в начале каждого перелета. Альтруизм требует, чтобы в первую очередь мы позаботились о себе, но именно этого, как ни печально, не сделал один из главных теоретиков в этом вопросе. Эту историю описал Орен Харман* в захватывающей книге «Цена альтруизма: Джордж Прайс и поиски истоков доброты» (The Price of Altruism: George Price and the Search for the Origins of Kindness).

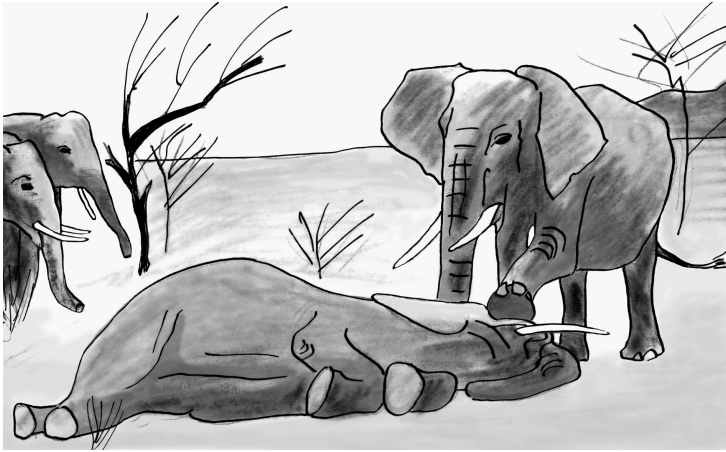
Джордж Прайс — эксцентричный американский химик, который в 1967 г. переехал в Лондон и стал специалистом по популяционной генетике, пытаясь разрешить загадку альтруизма при помощи блестящих математических формул. Однако у него далеко не все получалось с решением собственных проблем. В прежней жизни он проявлял мало внимания к другим (оставил жену с дочерьми и был для своей стареющей матери плохим сыном), а теперь маятник качнулся в противоположную сторону. Из ярого скептика и атеиста он превратился

---

* Орен Харман (р. 1973) — израильский литератор, историк науки.

в набожного христианина, посвятившего свою жизнь городским бродягам. Он отказался от всякого имущества и перестал следить за собой. К 50 годам он превратился в жилистого костлявого старика с гнилыми зубами и дребезжащим голосом. В 1975 г. Прайс покончил с собой при помощи ножниц.

Следуя давней традиции, Прайс обожал стравливать альтруизм и эгоизм. Чем острее контраст, тем глубже загадка происхождения альтруизма. Конечно, подобных загадок вокруг хватает. Защищая улей, пчелы умирают вскоре после того, как ужалят вторгнувшегося чужака. Шимпанзе спасают друг друга от нападения леопарда. Белки, увидев опасность, подают соплеменникам предостерегающий сигнал. Слоны пытаются поднять упавшего сородича. Но почему животные вообще делают что-то для других? Разве это не противоречит законам природы?

Слоновый альтруизм на равнинах Кении. С помощью своих бивней Грейс (справа) подняла упавшую трехтонную Элеанор на ноги, а затем попыталась помочь ей двинуться вперед, подталкивая сзади. Но Элеанор снова упала и через некоторое время умерла, а Грейс еще долго плакала над ней, и ее височные железы активно выделяли секрет — а у слонов это говорит о глубоком страдании. Эти слоники были предводительницами разных стад, поэтому вряд ли состояли в кровном родстве

Ученые продолжали упорно работать и спорить между собой, дело доходило даже до перепалок, — а в центре всех дебатов была одна теоретическая проблема, которая неспециалистам представляется эзотерической, но на которой строятся все недавние успехи поведенческой биологии и эволюционной психологии. Помимо драматического сюжета о жизни и смерти Прайса хватает и других судьбоносных событий и встреч, как, например, исполненный величайшей иронии визит знаменитого британского биолога-эволюциониста Джона Мейнарда Смита к еще более знаменитому Дж.Холдейну, лежащему на смертном одре. Смит принес ему книгу. И в ней утверждалось, что птицы, чтобы не допустить перенаселенности, сокращают свое размножение. Биолог классифицировал бы подобные действия как альтруизм, поскольку птицы позволяют размножаться другим, жертвуя при этом продолжением собственного рода. В последующие годы, однако, эта идея не раз становилась мишенью для насмешек, ведь большинство не готово было поверить, что животные способны ставить общественное благо выше личного. Холдейн сразу же увидел главную проблему и с озорной улыбкой сказал гостям: «Вот здорово, только представьте: сидят тетерки, а самцы с важным видом расхаживают вокруг. Время от времени какая-нибудь самочка выходит к ним, и кто-нибудь из самцов с ней спаривается. Тогда на специальной палочке делается очередная зарубка. И вот, когда на палочке уже накопилось 12 зарубок, а к ним выпорхнула следующая самка, они говорят ей: “Ну всё, леди, хорошенького понемножку!”».

Популяризаторы часто делают особый акцент на том, как те или иные черты способствуют выживанию вида или группы, однако большинство биологов — включая

и меня — стараются избегать эволюционных сценариев, сосредоточенных в основном на групповом уровне. Дело в том, что большинство групп не являются генетически едиными и не могут выступать в роли генетических единиц. У приматов, к примеру, практически все особи определенного пола (самцы у большинства обезьян и самки у высших приматов) при наступлении половой зрелости покидают свою группу и присоединяются к соседнему сообществу — точно так же, как у людей часто приняты межплеменные браки. Это серьезно размывает родственные линии. В группе приматов генофонд слишком рыхлый, чтобы естественный отбор взялся за дело всерьез. В качестве генетических единиц могут выступать только группы, основанные на общности генов, — к примеру, расширенные семьи. Холдейн, кстати говоря, был одним из главных авторов взгляда на эволюцию «с точки зрения гена».

Вообще, если посмотреть с позиции гена, то альтруизм приобретает особый смысл. Даже если некто теряет жизнь, спасая родича, то тем самым он все же способствует передаче следующему поколению своих генов — тех, что были у него общими с этой особью. Так что помогать родичу — все равно что помогать себе. Рассказывают, что однажды подвыпивший Холдейн, склонившись над пивной кружкой, произнес заплетающимся языком: «Я готов прыгнуть в реку ради двух родных братьев и восьми двоюродных», — предзнаменовав таким образом появление теории родственного отбора, предложенной Уильямом Гамильтоном*, одним из умнейших и лучших биологов со времен Чарльза Дарвина.

---

* Уильям Дональд Гамильтон (1936–2000) — британский биолог-эволюционист, прославившийся генетическими обоснованиями родственного отбора и альтруизма. Гамильтон считается одним из предшественников социобиологии.

Я добавил здесь слово «лучший», чтобы противопоставить Гамильтона другому ученому, который, собственно, и пустил в обращение термин «родственный отбор» (кин-отбор). Он опубликовал статью, в которой изложил чужую (Гамильтонову) идею без ссылки на автора. Это упомянутый выше Мейнард Смит; говорят, что он, услышав об идее Гамильтона, воскликнул: «Конечно, как же я об этом не подумал!» Узнав, кто именно из анонимных рецензентов задержал публикацию той новаторской статьи, Гамильтон затаил на Мейнарда Смита горькую обиду, несмотря на многократные извинения. Прайс, кстати говоря, едва избежал судьбы Гамильтона. Мейнард Смит собирался всего лишь поблагодарить его за подсказанные в пылу достаточно корректных дебатов мысли («Почему змеи не используют ядовитые зубы в сражениях друг с другом?»), но Прайсу, к счастью, удалось договориться с ним о соавторстве.

Первоначально идеи кин-отбора отодвинули в тень все диспуты об альтруизме, дискуссия практически полностью пошла по пути обсуждения социальных насекомых, живущих близкородственными колониями (таких, к примеру, как пчелы и термиты). Но не меньшую известность получило и еще одно объяснение происхождения альтруизма. Американский биолог-эволюционист Роберт Триверс* предположил, что сотрудничество неродственных особей зачастую основывается на реципрокном альтруизме: акт помощи, за который в данный момент приходится дорого заплатить, в долгосрочной перспективе все же приносит пользу, если на помощь отвечают помощью. Если я спасаю тонущего друга, а затем он спасает меня при аналогичных обстоятель-

---

* Роберт Триверс (р. 1943) — американский эволюционный биолог и социобиолог. Известен, в частности, теорией взаимного (реципрокного) альтруизма.

ствах, то мы оба получаем от этого несомненную пользу; в результате нам обоим становится лучше, чем было бы, если бы каждый из нас оставался сам по себе. Реципрокный альтруизм позволяет узам сотрудничества расширяться за пределы родственных связей.

Неудивительно, что большинство участников этой долгой дискуссии опирались на собственные политические пристрастия. Один из них, британский статистик и биолог Рональд Фишер, был убежденным сторонником евгеники и считал, что человеческую расу не мешало бы генетически улучшить. Еще один, американский специалист по теории игр венгерского происхождения Джон фон Нейман, настолько увлекся своими расчетами, что в 1955 г. пытался убедить американский сенат сбросить атомную бомбу на СССР. Он говорил так: «Если вы спрашиваете, бомбить ли их завтра, то я спрашиваю, почему не сегодня?» Другие, однако, были записными коммунистами, и первым из них, конечно, был Петр Кропоткин, русский князь-анархист*. Несмотря на обвинения противников, утверждающих, что эволюционная биология — это заговор правых, дебаты об альтруизме шли в основном на левом, а не на правом фланге идеологического спектра. Мне это известно из первых рук, поскольку Триверс и покойный Гамильтон иногда встречались в Калифорнии на конференциях Грутеровского института права и поведенческих исследований, в котором мне довелось работать не один десяток лет. Однажды во время интервью с Бобом

---

* П. А. Кропоткина (1842–1921), русского революционера, географа, геоморфолога, историка и литератора, называть коммунистом можно очень условно. Он был одним из основателей анархизма, который некоторые исследователи относят к особой разновидности коммунизма — «анархическому коммунизму».

я спросил его о возможных следствиях из его теории. Вот один из ответов:

«ФДВ: Мне кажется, между строк в вашей работе прочитываются те же социальные взгляды, которые были в свое время присущи Кропоткину...

Триверс: Вы правы относительно моих политических предпочтений. Когда я оставил математику и решал, чем заниматься в колледже, я сказал (хвастливо и с самоиронией): “Ну хорошо, я стану юристом и буду бороться за гражданские права и против бедности!” Кто-то предложил мне заняться историей США, но вы же знаете, в то время, в начале 1960-х, в их книгах не было ничего, кроме самолюбования. В итоге я занялся биологией.

Поскольку в политике я оставался либералом, то эмоционально мне очень импонировало, что из простого аргумента типа “ты почешешь спинку мне, я — тебе” довольно быстро выводится логическая база для справедливости и честности. По крайней мере такой взгляд не совпадает с жуткой, но традиционной биологической позицией насчет права сильного».

После похорон Прайса Гамильтон отправился в его жалкую квартиру, намереваясь забрать оттуда бумаги покойного ученого; при этом он заметил, что чувствует родство с человеком, который в конце жизни начал напрямую беседовать с Богом («Я стараюсь во всем быть рабом Божиим и отдавать на Его суд все вопросы, большие и маленькие...»). Безвременную кончину Прайса можно объяснить, в частности, тем, что он был глубоко расстроен результатами собственных расчетов. К примеру, получалось, что невозможно развить верность своим, одновременно избегая жестокости, насилия и убийств по отношению к чужим. Он приходил в отчаяние

при мысли о том, что альтруизм мог вообще не появиться, если бы не его обратная «темная» сторона. Но Прайс считал также, что на пути подлинного альтруизма всегда стоит эгоизм. Эта гигантская ошибка, возможно, стоила ему жизни — так рьяно он испытывал пределы человеческой природы и собственную способность к самопожертвованию. И не важно, что в большинстве случаев человеческий альтруизм функционирует совершенно не так. Он вырастает из эмпатии к тем, кто нуждается в помощи, а весь смысл эмпатии состоит в стирании границы между собой и другим существом. Очевидно, это делает разницу между эгоистичными и неэгоистичными мотивами довольно туманной.

Понимая, что никакая теория человеческого альтруизма не обойдется без эмпатии, Триверс опробовал свою гипотезу на Гамильтоне. «Когда-то давно я говорил об этом с Биллом. Я сказал ему: “Билл, как насчет эмпатии?”, а он ответил: “А что такое эмпатия?” Как если бы никакой эмпатии вообще не существовало на свете». Жаль, следовало бы добавить, потому что внимание к тому, как альтруизм *работает*, могло снизить количество противоречий и масштабы путаницы в вопросе о том, на что способны гены. Путь от генов к поведению далеко не прямой, и психология альтруизма заслуживает не меньшего внимания, чем сами гены. Ошибка первых теоретиков состояла в том, что они упускали из виду сложность этого маршрута..

Эмпатия свойственна в основном млекопитающим, поэтому еще более серьезная ошибка великих мыслителей заключалась в том, что сваливались в кучу все проявления альтруизма. Здесь и пчелы, умирающие за свой улей, и миллионы клеток миксомицета, у которого размножаться дозволено только немногим клеткам из тех, что собрались вместе

в единый слизнеподобный организм. Жертва такого рода ставится в один ряд с ситуацией, когда человек прыгает в ледяную реку, спасая незнакомца, или когда шимпанзе делится пищей с хныкающим сиротой. С точки зрения эволюционной перспективы тот и другой тип помощи сравнимы, но с точки зрения психологии они различаются радикально. Имеет ли миксомицет хотя бы какие-то мотивации, подобные нашим? А кусающими чужака пчелами разве двигает не агрессия, а высокие мотивы, которые мы обычно связываем с альтруизмом? Млекопитающие обладают, как я это называю, «альтруистическим импульсом»: они отзываются на знаки страдания у других и испытывают побуждение помочь, улучшить положение страждущих. Распознать нужду ближнего и отреагировать на нее — совсем не то же самое, что следовать заранее запрограммированной тенденции приносить себя в жертву генетическому благу вида.

Но популярность взгляда на эволюцию с точки зрения гена росла, и на подобные тонкие различия никто не обращал внимания. Это вело к циничному взгляду на природу человека и животного. Значение альтруистического импульса принижалось, а сам он даже осмеивался; понятие морали вообще было снято с повестки дня. Получалось, что человек лишь чуть лучше общественных насекомых. Человеческая доброта рассматривалась как шарада, а мораль — как тонкий налет лоска поверх кипящих в человеке отвратительных склонностей. Эта точка зрения, которую я окрестил «теорией лоска», берет начало еще с Томаса Генри Гексли *, известного также как «Бул-дог Дарвина».

---

* Томас Генри Гексли (Хаксли) (1825–1895) — английский зоолог, палеонтолог, эволюционист-дарвинист, антрополог, этнограф.

Бульдожий тупик

Надо сказать, что Гексли, защищающий Дарвина, стал бы немного похожим на меня, если бы мне вдруг вздумалось защищать Эйнштейна. Я, хоть убейся, ни за что не разберусь в теории относительности. У меня просто не хватит на это математических способностей; максимум, что я смогу понять, — это пример с быстро идущим поездом и другие упрощения для «чайников». Все, чего мог бы ожидать от меня Эйнштейн, — это размахивание рук и уверения, что он, Эйнштейн, высказал великолепную идею, которая куда лучше механистических представлений Ньютона. На мой взгляд, такое выступление не слишком помогло бы Эйнштейну, но приблизительно так и произошло с Дарвином, когда Гексли принял вызов. Гексли не имел формального образования и был анатомом-самоучкой. Его репутация в области сравнительной анатомии была очень высокой. Однако ему, как известно, очень не хотелось признавать естественный отбор главной движущей силой эволюции, да и с градуализмом* были проблемы. А это ведь не мелкие детали теории! Именно поэтому вряд ли стоит удивляться, что один из ведущих биологов XX в. Эрнст Майр** резко отозвался о Гексли, сказав, что тот «никоим образом не представлял подлинную мысль Дарвина»⁴.

Гексли известен в первую очередь тем, что на публичных дебатах по теории эволюции в 1860 г. «размазал по стенке» епископа Уилберфорса. Епископ насмешливо поинтересовался

---

* Градуализм — постепенность процессов эволюционного развития.

** Эрнст Майр (1904–2005) — американский биолог германского происхождения. Его работы оказали существенное влияние на формирование теории эволюции, являющейся синтезом генетики и концепций эволюции.

у Гексли, по какой линии — материнской или по отцовской — он происходит от человекообразных обезьян. Гексли, говорят, ответил, что он не против быть далеким потомком обезьяны, но постыдился бы состоять в родстве с тем, кто позорит свой ораторский дар, дабы скрыть с его помощью истину.

Полезно, однако, взглянуть на эту знаменитую историю с долей скепсиса. Помимо того, что она была состряпана через несколько десятков лет после события, в ней есть еще одна неувязка: голос Гексли был слишком слаб, чтобы прозвучать на весь зал, а тогда, до появления микрофонов, это имело значение. Один из ученых, присутствовавших в аудитории, написал пренебрежительно, что Гексли не смог докричаться до присутствующих и что именно ему, ботанику Джозефу Гукеру (Joseph Hooker), пришлось схватиться с епископом: «Я буквально раздавил его под гром аплодисментов. Я дал ему под дых в первой же схватке при помощи десятка слов, вылетевших из его же грязного рта». Сам епископ, кстати говоря, был твердо убежден в том, что сумел дать достойную отповедь своим оппонентам.

Да, редкий случай! Очевидно, в том споре все остались победителями! Вот только Гексли повезло больше других: именно он вошел в историю как великий защитник науки и противник религии. Дарвин, не любивший публичности, нуждался в воинствующем апологете своих противоречивых идей. Гексли же, напротив, обожал словесные баталии и искал только повода подраться. Прочитав «Происхождение видов», он с готовностью предложил Дарвину свои услуги: «Я точу когти и клюв в ожидании схватки».

Гексли избрал термин «агностик», а это значило, что он сомневался в существовании Бога и тем только утвердил свою репутацию палача религии. Однако сам Гексли рассматривал агностицизм как метод, а не позицию. Он выступал

Томас Генри Гексли, боевитый публичный защитник Дарвина, называл себя агностиком. Однако религиозная склонность в нем все же оставалась, заставляя его разойтись с Дарвином по вопросам нравственной эволюции: Гексли считал ее невозможной (карикатура Карло Пеллегрини в газете *Vanity Fair* за 28 января 1871 г.)

за научные аргументы, основанные исключительно на фактических доказательствах, а не на каких-то высших авторитетах; сегодня такая установка известна как рационалистическая. Гексли заслуживает уважения за серьезный шаг в верном направлении, но по иронии сам оставался глубоко религиозным человеком, и это наложило отпечаток на все его взгляды. Он называл себя «научным кальвинистом», и значительная часть его рассуждений строилась согласно строгой и мрачной доктрине первородного греха. Исходя из того, что боль в мире присутствует всегда, говорил он, мы можем только надеяться выдержать эту боль со стиснутыми зубами; он

придерживался философии «улыбайся и все сноси». Природа не способна породить никакого добра, как говорил сам Гексли:

«Мне представляется, что доктрины предопределения, первородного греха, врожденной порочности человека и злой участи большей части рода человеческого, идеи власти Сатаны в этом мире и внутренне присущей всякой материи гнусности, учение о злобном Демиурге, подчиненном милосердному Всевышнему, лишь недавно явившему себя, какими бы несовершенными они ни были, куда ближе к истине, чем популярные “либеральные” иллюзии о том, что все дети рождаются хорошими...»

Власть Сатаны? Похоже это на взгляды агностика? Книга под названием «Светские проповеди» (Lay Sermons) позволяла Гексли на равных конкурировать с проповедями, читаемыми с кафедры. Он принял такой нравоучительный тон, что критики не раз называли его выступления фарисейскими и исполненными обвинений пуританского толка. Религиозные взгляды Гексли, прикрытые стремлением к объективной истине, вполне объясняют и следование «теории лакировки», и суровую оценку человеческой природы. Гексли рассматривал человеческую этику как победу над природой и сравнивал ее с ухоженным садом. Садовник должен неустанно работать, чтобы содержать свой сад в порядке, препятствуя его одичанию. Гексли говорил, что садоводческий процесс по сути своей противоположен процессу, происходящему во Вселенной. Природа постоянно пытается подорвать усилия садовника, наводняя его участок отвратительными

сорняками, слизнями и другими вредителями, готовыми в любой момент задушить те диковинные растения, которые тот стремится вырастить.

В этой метафоре сказано все: этика — уникальный человеческий ответ на неуправляемый и жестокий эволюционный процесс. В известной лекции на эту тему, произнесенной перед большой аудиторией в Оксфорде в 1893 г., Гексли так сформулировал свою позицию:

«Следование тому, что лучше с этической точки зрения, что мы называем великодушием или добродетелью, означает поведение, которое во всех отношениях противоположно образу жизни, ведущему к успеху в борьбе за выживание во вселенной».

К несчастью, наш анатом даже намеком не показал, откуда у человечества могли взяться воля и сила для успешной борьбы с собственной природой. Если мы и вправду лишены всякой естественной добродетели, то как и почему мы решили вдруг стать образцовыми гражданами? А если такое поведение, как можно надеяться, нам во благо, то почему же природа отказывает нам в помощи? Почему должны мы неустанно трудиться в саду, только чтобы держать в узде собственные безнравственные порывы? Это очень странная теория — если это вообще можно назвать теорией; согласно ей мораль представляет собой всего лишь запоздалую реакцию эволюции, фиговый листок, едва способный скрыть истинную грешную природу человека. Обратите внимание: эта мрачная идея целиком принадлежит Гексли. Я полностью согласен с Майром и тоже считаю, что она ни в малейшей степени не напоминает мысли Дарвина. По словам биографа Гексли, «он заставлял

свой этический ковчег двигаться против Дарвинова течения, которое до сих пор успешно несло его».

В конце концов у Дарвина появилась отчаянная потребность в том, чтобы кто-нибудь защитил его от этого публичного защитника. И он обрел его в лице первоклассного натуралиста Петра Кропоткина. Если Гексли вырос в городе и почти не сталкивался с животными, выживавшими после схваток с себе подобными, то Кропоткин объездил всю Сибирь и знал, как редко встречи животных проходят в том гладиаторском стиле, на чем так настаивал Гексли, считавший, что в природе идет «непрерывная борьба без правил». Кропоткин, безусловно, замечал частые случаи сотрудничества между членами одного вида. Животные могут жаться друг к другу, спасаясь от холода, или все вместе противостоять хищникам — как это делают дикие лошади при встрече с волками; то и другое принципиально важно для выживания. В книге «Взаимопомощь как фактор эволюции», вышедшей в 1902 г., Кропоткин особенно подчеркивал эти темы; по существу, вся книга была направлена против «неверных» (таких как Гексли), искавших учение Дарвина. Правда, Кропоткин немного перегибал палку в противоположном направлении; он тщательно собирал все примеры сотрудничества у животных и пытался обосновать ими свои политические взгляды. Тем не менее он совершенно справедливо протестовал против картины природы, которую рисовал Гексли и которая в самом деле имела мало отношения к реальности.

Для меня самым сложным здесь является вопрос выхода из тупика, в который сам себя загнал Гексли. Если говорить о Боге нельзя и эволюция тоже не дает ответа, то где искать объяснение человеческой морали? Исключая из объяснений и религию, и биологию, мы оставляем там только большую

черную дыру. Но самое поразительное даже не это; представьте себе: биологи, как плохие водители, умудрились столетие спустя вновь завезти нас в тот же глухой тупик.

Моя жизнь в качестве туалетной лягушки

В Австралии, говорят, местные жители нередко обнаруживают в собственном унитазе приличных размеров лягушку. Можно, конечно, попытаться выгнать ее, но лягушка, как правило, при первой же возможности возвращается на любимое место. Периодические цунами, создаваемые человеком, она спокойно переживает, закрепившись на стенке при помощи присосок на лапах. Судя по всему, этим лягушкам совсем не мешают проносящиеся мимо отходы жизнедеятельности.

Но мне-то мешают! Последние три десятилетия прошлого века я чувствовал себя настоящей туалетной лягушкой. Мне приходилось отчаянно сопротивляться всякий раз, когда из печати выходила очередная книга о природе человека, не важно, кем сочиненная — биологом ли, антропологом или журналистом, пишущим на темы науки. Большинство авторов защищало идеи, совершенно чуждые моим представлениям о природе нашего биологического вида. Возможно только два варианта отношения к человеку: можно считать, что он изначально хорош, но способен и на зло, а можно наоборот — что он изначально плох, но способен и на добро. Я принадлежу к первому лагерю, однако литература в тот период подчеркивала лишь негативную сторону человеческой природы. Авторы считали нужным даже положительные черты описывать так, что они начинали казаться спорными. Животные и люди любят своих близких? Отлично, назовем

это «непотизмом»*. Шимпанзе позволяют друзьям есть из своих рук? Скажем, что такие друзья «приворовывают» или «попрошайничают». Везде, куда ни глянь, полно было недоверия к доброте. Приведу характерное утверждение, которое раз за разом цитировалось в подобной литературе:

«Если отбросить сантименты, придется признать, что наше видение общества не смягчается даже намеком на подлинную доброжелательность. То, что на первый взгляд кажется сотрудничеством, при внимательном рассмотрении оказывается чем-то средним между приспособленчеством и эксплуатацией... При наличии реальной возможности действовать в своих интересах ничто, кроме выгоды, не остановит [человека] и не мешает ему проявить жестокость, искалечить и убить — брата, супруга, родителя или собственного ребенка. Отмой “альтруиста” — получишь “лицемера”».

Для американского биолога Майкла Гизелина любой альтруист — всего лишь ханжа; этот ученый так прославился своими работами по изучению морских слизней, что одно из вырабатываемых этим животным защитных веществ (гизелинин) было названо в его честь. Но приведенное высказывание относилось вовсе не к слизням, а к людям. Оно задавало тон множеству более поздних рассуждений, а два десятилетия спустя отразилось эхом в книге представителя научной журналистики Роберта Райта «Моральное животное» (The Moral Animal): «...Претензия на самоотверженность примерно так же свойственна человеческой природе, как и ее

---

* Непотизм — фаворитизм, кумовство; практика привилегий, предоставляемых друзьям или родственникам независимо от их реальных достоинств.

частое отсутствие». Можно еще упомянуть американского биолога-эволюциониста Джорджа Уильямса, занявшего, возможно, самую крайнюю позицию. Предлагая порочную оценку «убожества» природы, он счел, что назвать природу «аморальной» или «безразличной к морали», как с разумной осторожностью выразился бы Гексли, недостаточно. Он предпочел обвинить природу в «вопиющей безнравственности», став таким образом первым и, хочется надеяться, последним биологом, который приписал эволюционному процессу нравственную характеристику⁵.

Как правило, аргументы сторонников такого подхода звучат примерно так: 1) естественный отбор — это эгоистичный отвратительный процесс; 2) он автоматически формирует эгоистичные мерзкие существа и 3) только романтики с венками на головах способны думать иначе. Подразумевалось, очевидно, что сам Дарвин тоже признавал отсутствие нравственности в царстве природы — как будто он позволил бы себе застрять в том тупике, в который угодил Гексли. Нет, Дарвин для этого был слишком умен, как я объясню чуть ниже; однако высот абсурда достиг Ричард Докинз в тот момент, когда откровенно отрекся от Дарвина; в 1997 г. он заявил в одном из интервью, что «в политической и общественной жизни мы имеем право совершенно отказаться от дарвинизма»⁶.

Я не хочу приводить еще более дурно пахнущие цитаты. Единственным из ученых, кому удалось пройти путь до конца и сделать логический вывод, — даже если я полностью с ним не согласен, — оказался Френсис Коллинз *, глава крупнейшего американского федерального исследовательского учреждения — Национального института здоровья. Прочитав все

---

* Френсис Коллинз (р. 1950) — американский врач-генетик, прославившийся важными открытиями в области генетических заболеваний.

те книги, в которых эволюция морали ставится под сомнение, и убедившись в том, что человечество, несмотря ни на что, обладает определенной нравственностью, Коллинз не нашел никакого иного выхода, кроме апелляции к сверхъестественным силам: «Нравственный закон для меня — самый явный и убедительный признак существования Бога».

Естественно, уважаемый генетик сразу же превратился в посмешище для зарождавшегося в тот момент атеистического движения. Кое-кто заявил, что Коллинз пачкает науку верой, а Докинз со свойственной ему снисходительностью объявил его «туповатым парнем». Оставим в стороне более серьезную проблему, которая состоит в том, что биологи, основательно запутав вопрос о нравственности, оставили широко открытой дверь для всевозможных альтернативных мнений. Этого случая вполне можно было бы избежать, если бы Коллинзу довелось познакомиться с более содержательной литературой по эволюции, берущей начало от дарвиновского «Происхождения человека». Читая эту книгу, понимаешь, что нет абсолютно никакой необходимости жертвовать своими убеждениями. Дарвин без особых трудностей совместил нравственность и эволюционный процесс, признавая при этом врожденную склонность человека к добру. Интереснее всего, с моей точки зрения, то, что он видел эмоциональную связь человека с другими животными. Если для Гексли животные были безмозглыми автоматами, то Дарвин написал целую книгу об их эмоциях, включая и способность к сопереживанию. В запомнившемся мне примере из этой книги рассказывается про одного пса, который никогда не проходил мимо корзинки с больным приятелем, котом, не остановившись и не лизнув страдальца несколько раз. В таком поведении Дарвин видел явное свидетельство эмоциональной при-

вязанности. В последней записке, адресованной Гексли и написанной незадолго до смерти, Дарвин не удержался от мягкого шутивого укола в адрес картезианских наклонностей* друга и намекнул, что если животные — простые механизмы, то и человек — тоже машина: «Молю Бога, чтобы в мире было побольше таких автоматов, как Вы».

Труды Дарвина во многом идут вразрез с «теорией доски». Он рассуждает, к примеру, что мораль вырастает непосредственно из социальных инстинктов животных, и замечает, что «было бы абсурдно говорить об этих инстинктах как производных эгоизма». Дарвин видел потенциал подлинного альтруизма, по крайней мере на психологическом уровне. Подобно большинству биологов, он резко разграничивал *процесс* естественного отбора, в котором и правда нет ничего привлекательного, и множество его *результатов*, охватывающих широкий спектр явлений. Он никогда не соглашался с тем, что неприятный процесс по определению приводит к неприятным результатам. Подобное утверждение я окрестил «Бетховенская ошибка», потому что думать так — все равно что оценивать музыку Людвига ван Бетховена на основании того, как и где она была написана. Не секрет, что венская квартира маэстро представляла собой отвратительный, неприятно пахнущий свинарник, полный мусора и неопорожненных ночных горшков. Но, разумеется, никому не придет в голову оценивать музыку Бетховена по состоянию его квартиры. Точно так же, хотя генетическая эволюция движется через смерть и

---

* Картезианство (от Cartesius, латинизированного имени Декарта) — направление в философии, восходящее к идеям французского философа Рене Декарта. Одна из центральных проблем картезианства — признание существования в мире двух независимых субстанций — «протяженной» (материи) и «мыслящей», причем проблема их взаимодействия даже только в мыслящем существе (человеке) оказалась рационально неразрешимой.

разрушение, порождаемые ею чудеса не теряют от этого своего великолепия.

Это утверждение представляется очевидным, но после того, как я подробно изложил свою точку зрения в книге «Добродушные» (Good Natured), мне пришлось непрерывно сражаться против «теории лакировки». Три долгих десятилетия эту теорию всюду встречали с иррациональным энтузиазмом. Отчасти это, безусловно, объясняется ее простотой: она понятна каждому и этим привлекательна. Как я мог не согласиться с чем-то настолько очевидным?

Но затем произошла любопытная вещь: «теория лакировки» испарилась, причем умерла не в результате тяжелой продолжительной болезни, а скончалась скоростно, после обширного инфаркта. Я не совсем понимаю, как и почему это произошло. Может быть, все дело было в «проблеме 2000 г.», но к концу XX в. необходимость сражаться с «неверными» последователями Дарвина быстро сошла на нет. Открывались новые данные — сначала тоненькой струйкой, а потом полноводным потоком. Во все времена новая информация обладала этой чудесной способностью: хоронить теории. Я помню, как в 2001 г. случайно наткнулся на статью, озаглавленную «Эмоциональный пес и его рациональный хвост» (The Emotional Dog and Its Rational Tail). Автор статьи, американский психолог Джонатан Хайт, утверждал, что решения в вопросах нравственности человек принимает интуитивно. На сознательном уровне он о них почти не думает. Хайт предлагал испытуемым условные рассказы о странном поведении людей (к примеру, об одноразовой близости между братом и сестрой); испытуемые сразу же высказывали осуждение. Затем ученый опровергал все мыслимые рациональные причины, которыми можно было бы объяснить такое осуждение. Так, можно было бы ска-

зять, что инцест способен привести к рождению ущербных детей, но в истории Хайдта брат с сестрой воспользовались надежными противозачаточными средствами, и подобная проблема возникнуть не могла. В большинстве своем испытуемые быстро приходили в состояние «морального ошеломления»: они упрямо твердили, что поведение героев рассказа было неправильным, но не могли объяснить почему.

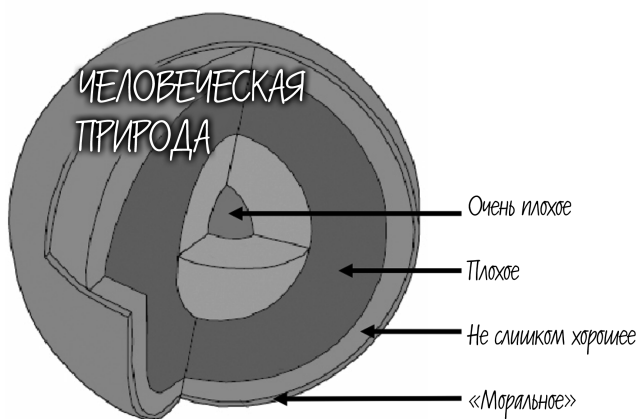
Вывод Хайдта заключался в том, что решения нравственного характера принимаются «нутром». Решают эмоции, а уже потом человеческий разум старается как можно лучше обосновать принятое решение. Примат логики был подвергнут сомнению, и тут же всплыло подзабытое «нравственное чувство» Юма. Антропологи обнаруживали существование чувства справедливости у людей по всему миру; экономисты находили людей более альтруистичными и склонными к сотрудничеству, чем позволяла теория Номо *economicus* (человека экономического); эксперименты с детьми и приматами обнаружили у них альтруизм при отсутствии всяких стимулов, утверждалось, что шестимесячные дети уже знают разницу между «хорошо» и «плохо»; нейробиологи обнаружили, что в человеческий мозг «встроена» способность чувствовать боль других людей. К 2011 г. круг замкнулся, и человека официально объявили существом «сверхкооперирующимся» (*supercooperators*)*.

Каждый новый шаг в этом направлении забивал еще один гвоздь в гроб «теория лакировки», и в конце концов общественное мнение развернулось на 180 градусов. В настоящее время считается общепризнанным, что все в человеке — и тело, и сознание — приспособлено к совместной жизни и к заботе

---

* Имеется в виду книга Мартина Новака и Роджера Хайфилда *SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed*.

друг о друге и что человек от природы склонен оценивать других по нравственным критериям. Вместо того чтобы рассматривать нравственность как тонкий налет лоска, теперь утверждают, что она исходит изнутри, что это часть нашей биологии, и такая точка зрения подтверждается многочисленными параллелями, которые можно отыскать у других животных. За несколько десятилетий мы прошли путь от призывов учить детей быть хорошими, потому что наш вид будто бы не обладает вообще никакими естественными склонностями в этом направлении, до всеобщего убеждения в том, что все мы рождаемся добрыми и что хорошие парни — лидеры эволюционного развития.

Какое-то время «теория лакировки» определяла взгляды биологов на человеческую природу. Она утверждала, что подлинной доброты либо не существует вовсе, либо является эволюционной ошибкой. Мораль — тонкий налет лоска, едва прикрывающий нашу подлинную природу, которая полностью эгоистична. В последнее десятилетие, однако, «теория лакировки» пала под давлением множества неопровержимых доказательств о присутствии и человеку, и другим животным эмпатии, глубинного альтруизма и готовности к сотрудничеству.

Насколько радикально изменилось отношение к этой проблеме, становится ясно всякий раз, когда я показы-

ваю аудитории известное заявление Гизелина, которое отправило меня в унитаз: «отмойте альтруиста и увидите ханжу». Я уже несколько десятков лет зачитываю это высказывание на своих лекциях, но только начиная с 2005 г. аудитория стала встречать его откровенными ахами и хохотом как что-то настолько возмутительное, настолько противоречащее всему, что они о себе знают, что невозможно поверить, что когда-то такое принимали всерьез. Неужели у автора этой фразы никогда в жизни не было друга? Любящей жены? Или собаки, на худой конец? Какую тоскливую жизнь он, должно быть, прожил! Мне же при виде такой шокированной и массовой реакции остается только гадать: то ли моя аудитория изменилась под воздействием новых данных, то ли все как раз наоборот. Может быть, изменилась эпоха, «дух времени», а наука просто пытается ему соответствовать?

Но, как бы то ни было, в моем туалете теперь пахнет розами. Наконец-то можно отцепиться от стенки, расслабиться и спокойно поплавать.

Работа над ошибками

Тем не менее все это может оказаться колоссальной ошибкой. Доброта, явленная в неподходящее время в неподходящем месте, может оказаться неадаптивной. Посмотрите, к примеру, как Дейзи заботилась об Амосе или как люди ухаживают за безнадежно больными. Какой в этом смысл? Многие берут на себя заботу о постаревшем супруге, как делала моя мама в последние годы жизни отца. Ей было очень тяжело — физически мама была намного миниатюрнее отца, а он почти не мог ходить. Или представьте себе, каково бывает заботиться о супруге, страдающем болезнью Альцгеймера, — ведь такой

человек нуждается в постоянном присмотре, его нельзя оставить ни на минуту; он не ценит ваших усилий и всякий раз удивляется, когда вы входите в комнату, а еще постоянно жалуется, что вы его бросили. И единственной наградой за ваши усилия станут нервное напряжение и усталость. Ни в одном из этих случаев у человека нет никаких шансов на вознаграждение, в то время как эволюционная теория настаивает на том, что альтруизм должен приносить пользу либо кровным родственникам, либо тем, кто готов и может оказать впоследствии ответную услугу. Умирающий супруг никак не вписывается в эту схему.

Поскольку Дейзи, моя мать и миллионы других людей, берущих на себя такую заботу, не укладываются в эволюционную догму, в свое время было много разговоров об «осечке генов», которая будто бы заставляет нас быть лучше, чем полезно для нас самих, тем самым принося себе вред. Но не позволяйте подобной риторике себя обмануть. В генетике нет концепции дающих осечку генов, потому что гены — это всего лишь кусочки ДНК, которые сами по себе ничего не знают и не имеют никаких намерений. Они производят то действие, которое мы наблюдаем, без всякой определенной цели, а потому неспособны совершить ошибку. Скорее восхитительной случайностью можно было бы назвать безудержный альтруизм, но мало кто из специалистов готов этой случайности радоваться. Они настроены довольно мрачно, ведь факты, к сожалению, портят замечательную теорию об эгоистическом происхождении альтруизма. Эволюционисты жалуются, что «почти все в современной жизни — ошибка с точки зрения генов», но никогда не говорят, что это в значительной степени нарушает правдоподобие их теорий⁷.

«По ошибке» мы посылаем деньги в дальние края, пострадавшие от цунами или землетрясения. «По ошибке» анонимно сдаем кровь. «По ошибке» работаем на благотворительной кухне или расчищаем снег перед домом старушки, «по ошибке» вкладываем силы и средства в приемного ребенка. Последнее — вообще беспрецедентная многолетняя «ошибка» тысяч семей, даже не подозревающих, что дети, не унаследовавшие их гены, не имеют никакой ценности. Причем то же самое люди нередко делают по отношению к домашним животным, окружая любимцев необычайной заботой, хотя те-то уж точно не способны оказать ответную услугу. Еще одна распространенная «ошибка» — предупредить незнакомца об опасности, напомнить о забытом в ресторане плаще, подвезти застрявшего на дороге водителя. Жизнь человеческая полна «ошибок», больших и малых. То же можно сказать и о жизни других приматов.

Возьмите Финеаса, отца Амоса. Не то чтобы сам Амос знал, что Финеас был его отцом. В обществе шимпанзе не существует постоянных связей между самцами и самками, так что в принципе отцом любого малыша может быть любой самец стаи. В молодости Финеас был альфа-самцом, но ближе к 40 годам стал относиться к лидерству спокойнее. Он обожал играть с подростками, заниматься грумингом с самками и следить за порядком. Едва заслышав шум ссоры, Финеас спешил на место событий и принимал угрожающую позу — да так, что вся шерсть у него вставала дыбом, — чтобы прекратить скандал. Он готов был стоять между спорщиками до тех пор, пока не прекращались вопли и визг. Такая «контролирующая функция» хорошо известна и у диких шимпанзе. Примечательно, что самцы в этой роли никогда не принимают чьей бы то ни было стороны: они защищают более слабого участника

ссоры, даже если вторая сторона — их лучший приятель. Я часто удивлялся подобной беспристрастности, ведь она идет вразрез со многими другими обычаями шимпанзе. Однако роль контролера заставляет самца отказаться от своих социальных пристрастий и тем самым реально работает на благо сообщества.

Нам с Джессикой Флэк удалось показать, как полезно для группы такое поведение. Для этого мы временно удалили из вольера тех самцов, которые обычно исполняли в ссорах роль арбитров. В результате обезьянье сообщество буквально расплозлось по швам. Заметно вырос уровень агрессии, а примирения, напротив, стали реже. Но стоило вернуть самцов в группу, и порядок сразу восстановился. Однако остается вопрос: почему они это делают? Какую пользу для себя извлекают? Основная идея здесь в том, что высококоранговые самцы, вступаясь за слабых и неудачливых, зарабатывают себе этим уважение и популярность в сообществе. Но если для молодых самцов такая стратегия годится, то для Финеаса — вряд ли. К концу жизни этот спокойный старый самец очевидно ослабел и, судя по всему, отказался от всяких амбиций. Тем не менее он усердно отслеживал случаи раздора и вражды в группе. Его стремление к всеобщему согласию, безусловно, шло на пользу всем, кроме, может быть, его самого. Неужели и шимпанзе великодушнее, чем полагалось бы по геноцентрической теории?

Для шимпанзе помощь сородичам, не связанным с ними кровным родством, достаточно обычное дело. В качестве примера можно привести Уошо — первого в мире шимпанзе, обученного американскому языку жестов. Услышав однажды крик едва знакомой ему самки и увидев, как она упала в воду, Уошо преодолел две электрические изгороди, добрался до нее

и вытащил на безопасное место. Другой случай произошел в Фонголи (Сенегал) с дикой самкой по имени Тиа, у которой браконьеры унесли маленького детеныша. К счастью, ученые сумели отнять малыша и решили вернуть его в группу. Джилл Пруэтц описывает, как подросток Майк, не состоящий с Тиа в родстве и слишком молодой, чтобы быть отцом малыша, взял младенца с того места, где его оставили исследователи, и отнес прямо к матери. Очевидно, он знал, чей это малыш, и к тому же заметил, вероятно, как трудно Тиа двигаться после того, как ее порвали собаки браконьеров. В течение двух дней Майк носил малыша во время всех групповых переходов, а Тиа потихоньку хромала следом.

Среди приматов встречаются даже самые «затратные вложения» — усыновления не родных по крови детей. Причем делают это не только самки, от которых, в принципе, можно было бы ожидать подобных поступков. В недавно опубликованном докладе Кристофа Боша из Кот д'Ивуара перечислены по крайней мере 10 случаев за 30 лет, когда самцы шимпанзе, живущие в дикой природе, усыновляли подростков, потерявших своих матерей. В 2012 г. компания Disneynature выпустила научно-популярный фильм «Шимпанзе», в котором Фредди, альфа-самец группы, берет под свое крыло подростка Оскара. Фильм основан на реальных событиях из жизни приматов. Когда мать Оскара внезапно умерла, съемочная группа фильма случайно оказалась в нужном месте в нужное время и продолжила съемки, хотя перспективы маленького Оскара казались более чем сомнительными. Фредди действовал так же, как действуют в подобных ситуациях другие самцы-усыновители: он делился с малышом пищей, позволял тому спать в своем ночном гнезде, защищал от опасностей и старательно искал, когда тот терялся. Некоторые самцы заботятся о приемных детях

больше года, а один самец делал это больше пяти лет (шимпанзе достигают зрелости не раньше 12-летнего возраста). Если не считать грудного вскармливания, эти приемные отцы брали на себя все те обязанности, которые выполняют матери по отношению к своим детям, и резко увеличивали тем самым шансы сирот на выживание. Судя по результатам ДНК-анализа, приемные отцы не всегда связаны с воспитанниками кровным родством. Оскару повезло.

Но не будем спешить с заявлениями о том, что шимпанзе тоже «ошибаются». Давайте лучше откажемся от такого описательно-оценочного языка и от утверждения, что все мы рождаемся, чтобы служить своим генам. Почему бы просто не признать, что происхождение какого-то качества не всегда связано с его нынешним использованием? В процессе эволюции древесные лягушки выработали присоски, чтобы удерживаться на листьях, но могут использовать их и для выживания в унитазе. Передние конечности приматов развивались для того, чтобы их обладатели могли лучше хвататься за ветки, но сегодня я играю ими на пианино, а маленькие обезьянки прочно цепляются ими за шерсть матери. Многие особенности появились в процессе эволюции по вполне определенной причине, однако со временем нашли себе и другие применения. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь называл движение пальцев на клавиатуре рояля ошибкой — так почему же к альтруизму такое отношение? Кто-то может возразить, что за альтруизм приходится расплачиваться, а игра на пианино ничего не стоит, поэтому «ошибочная» терминология допустима. Однако можем ли мы быть уверены в том, что широко распространенная эмпатия и привязанность на всю жизнь не оправдывают себя в долгосрочной перспективе? Никто не доказал мне, что подобное поведение приносит нам вред; я подозре-

ваю, что скорее наоборот. Фридрих Ницше*, подаривший нам знаменитое «Бог умер», интересовался источниками нравственности. Он говорил, что механизм появления чего бы то ни было (не важно, орган ли это, учреждение или религиозный обряд) нельзя путать с выполняемыми этим «чем-то» задачами: «Все существующее, появившись каким-то образом, непрерывно интерпретируется заново, трансформируется и направляется к новой цели».

Такая мысль, освобождающая от сложившихся предрассудков, учит нас никогда не противопоставлять происхождение и возможные применения чего-либо. Компьютеры создавались первоначально как инструменты для вычислений, но это не мешает нам сегодня играть в компьютерные игры. Секс — средство продолжения рода, однако всякий волен (в соответствии со своим желанием) заниматься им ради удовольствия. Не существует закона, по которому определенная способность обязана каждый раз непременно служить именно той цели, ради которой появилась. Это применимо и к эмпатии, и к альтруизму, поэтому нам следует просто заменить слово «ошибка» на «потенциал». Ничто не мешает мне сочувствовать севшему на мель киту и участвовать в операции по его спасению, хотя человеческая эмпатия, безусловно, при возникновении не была ориентирована на китов. Я просто в полной мере применяю врожденную способность к эмпатии.

Ницше был прав: история каждой вещи имеет мало отношения к вещи здесь и сейчас. Я преклоняюсь перед тем,

---

* Фридрих Ницше (1844–1900) — немецкий филолог, философ, усомнившийся в традиционных формах философствования, религии и морали; его взгляды оказали радикальное воздействие на все последующее развитие гуманитарных дисциплин.

как глубоко Прайс, Гамильтон, Триверс и другие ученые исследовали эволюционную историю альтруизма, но не вижу причины превращать их открытия в догму и решать на их основании, как человек *должен* себя вести.

Гедонистическая доброта

Наука утверждает: мы дышим, чтобы снабжать тело кислородом. Ничего об этом не зная, однако, я делал бы в точности то же самое, подобно миллионам других людей до меня и миллиардам животных. Знание о существовании вещества с химической формулой O_2 не является стимулом к дыханию. Точно так же, когда биологи рассуждают о выгодах альтруизма, это вовсе не означает, что действующим лицам обязательно об этом знать. Большинство животных не умеет думать опережающим образом и рассуждать на уровне: «Если я сделаю это для него, то он, может быть, завтра возвратит мне должок». Не владея предвидением, они просто следуют великодушному порыву. Так же и люди. Если оставить в стороне бизнес или, к примеру, услугу незнакомому человеку, то люди редко подсчитывают заранее затраты и выгоды своего поведения, особенно если речь идет о друзьях или родных. Более того, если человек все же просчитывает свои затраты и размер ожидаемого вознаграждения, то это плохой признак: для консультантов по вопросам семьи это сигнал, что брак переживает сложные времена.

Итак, и человеческий, и животный альтруизм объединяет отсутствие каких бы то ни было далекоидущих мотивов. Мало того, иногда человеку трудно подавить в себе альтруистический импульс. Джеймс Риллинг, мой коллега по работе в Университете Эмори, при помощи экспериментов по нейровизуа-

лизации пришел к выводу, что для человека характерна «эмоциональная склонность к сотрудничеству, преодолеть которую можно только при помощи сознательного когнитивного усилия». Подумайте: это означает, что первый порыв человека — довериться и помочь; лишь во вторую очередь мы начинаем взвешивать возможность не делать этого, и для такого решения нам нужна причина. Только одна категория людей лишена этого естественного импульса, вот почему на лекциях я обычно саркастически замечая, что «теория лакировки» прекрасно описывает сознание психопатов. Риллинг показал также, что, когда нормальный человек помогает другим, в его мозгу активируются зоны, связанные с наградой. Делать добро приятно.

Этот эффект «теплого свечения» приводит на память трогательную картину, которую мне довелось наблюдать неслучайное количество раз при работе с макаками-резусами. Поведенческая схема, о которой идет речь, не альтруистична сама по себе, но очень близка к сути вскармливания и воспитания, обычного для всех млекопитающих. Каждую весну в нашем зоопарке появлялись десятки новорожденных макак. Малыши как магнитом притягивали к себе молоденьких самочек, которые всеми правдами и неправдами старались заполучить одного из них в свои маленькие лапки; ради этого они готовы были бесконечно ублажать их матерей при помощи груминга. Каждой самочке приходилось подолгу крутиться вокруг одной из мамаш, пока мать все же не выпускала малыша из рук и не позволяла сделать несколько неуверенных шагов в направлении нетерпеливой няньки. Та подхватывала его и начинала таскать по всему вольеру, переворачивала вниз головой, внимательно рассматривая гениталии, лизала мордочку, расчесывала его со всех сторон — но в конце концов не-

изменно засыпала, крепко прижав малыша к себе. Мы, бывало, заключали пари о том, сколько времени займет этот процесс. Пять минут, десять? На самозваную няньку нападала такая дремота, что создавалось четкое впечатление: заполучив наконец свое сокровище, молодая самка впадала то ли в транс, то ли в экстаз. Выброс окситоцина, известного как гормон любви, в кровь и мозг заставлял ее веки неумолимо опускаться. Такой сон никогда не длился долго, и вскоре нянька уже возвращала малыша матери.

Радость заботы о малыше подготавливает юную самку к самому альтруистическому действию на Земле. Забота о потомстве у млекопитающих — наиболее затратное и продолжительное вложение в благосостояние других существ, известное в природе, оно начинается с обеспечения зародыша питательными веществами и кислородом и заканчивается лишь много лет спустя. Или, как скажет большинство родителей, не заканчивается никогда. Однако, как это ни странно, в спорах об альтруизме материнская забота практически никогда не упоминается. Некоторые ученые даже не хотят признавать ее альтруизмом, поскольку эти действия не укладываются в их схему, где не обходится без жертвы. Они готовы видеть альтруизм лишь там, где действие наносит действующему ущерб, хотя бы сиюминутный. Никто не должен добровольно становиться альтруистом, тем более получать от этого удовольствие. Я называю эту идею «гипотезой травмирующего альтруизма» и считаю глубоко ошибочной. В конце концов, в определении альтруизма ничего не говорится о том, что он должен причинять страдание, говорится только о цене.

Обратите внимание: биологи с легкостью объяснят вам, почему самка млекопитающего заботится о своих детенышах. Как же еще она может продлить род? Мы знаем также,

как сильно женщины хотят детей. Я не хотел бы говорить о скверных вещах, но желание иногда достигает такой силы, что некоторые женщины ради этого идут на убийство, готовы вспороть живот другой женщины. Такие особы крадут младенцев из колясок. Это, конечно, патологические случаи, но они тоже иллюстрируют непреодолимое желание иметь ребенка и объясняют, почему женщина не рассматривает заботу о детях как жертву. А поскольку материнская забота не представляет особой загадки, наука предпочитает сосредоточиться на более странных схемах поведения. Наука обожает загадки и вызовы. И все же я настаиваю на том, что по крайней мере у млекопитающих именно материнская забота есть прототип всякого альтруизма, матрица для всех остальных его форм. Игнорируя этот аспект альтруизма, мы делаем хуже только себе самим. Надо сказать, что ни одна женщина-ученый из известных мне не затрудняется с ответом на вопрос, откуда берется альтруизм. Женщине было бы очень трудно не принять во внимание материнскую заботу, что иллюстрируют работы двух женщин, писавших о сотрудничестве в человеческом обществе. Американский антрополог Сара Хрди предлагает теорию «всей деревней», согласно которой командный дух начинается с совместной заботы о детях; ее проявляют не только матери, но вообще все взрослые члены сообщества. Так же и американский философ Патриция Чёрчленд, хорошо знакомая с нейробиологией, говорит о том, что человеческая мораль вырастает из готовности к заботе о потомстве*. Нервные цепочки, регулирующие телесные функции организма, устроены таким образом, чтобы учитывать и нужды малышей, детеныши вос-

---

* Патриция Чёрчленд (р. 1943) — канадско-американский философ, занимающийся проблемами сознания и этики с акцентом на их нейробиологические основы. Основоположница курсов по нейрофилософии.

принимаются примерно как дополнительная конечность. Наши дети — часть нас самих, поэтому мы защищаем и леем их не задумываясь, так же, как собственное тело. Тот же нейронный механизм обеспечивает основу и для остальных отношений, связанных с заботой.

Это объясняет наблюдаемые различия между полами, которые начинают проявляться уже в начале жизни. Сразу после рождения девочки обнаруживают способность дольше смотреть на лица людей, чем мальчики; те, в свою очередь, способны дольше смотреть на механические игрушки. Позже девочки больше склонны к общению, чем мальчики, они лучше воспринимают эмоциональное состояние окружающих, легче готовы чувствовать тональность голоса, сильнее раскаиваются, обидев кого-нибудь, и скорее умеют поставить себя на место другого человека. Мы узнали также, что окситоцин, впрыснутый в ноздри как мужчины, так и женщины, повышает у человека уровень эмпатии — даже под искусственным воздействием материнского гормона (а окситоцин напрямую связан с деторождением и вскармливанием). В наших собственных исследованиях мы выяснили, что самки шимпанзе чаще, чем самцы, утешают расстроенных сородичей. Они подходят к жертвам агрессии, нежно обнимают их и ласкают до тех пор, пока те не успокоятся и не перестанут кричать. Женский пол по природе своей более заботлив.

Итак, материнская забота слишком очевидна, чтобы привлечь внимание теоретиков альтруизма, и при этом именно она приносит максимальное удовлетворение; это подводит меня к гипотезе «бесскорбного альтруизма». Вообще, природа всегда увязывает необходимые вещи с удовольствием. Поскольку есть необходимо, запах пищи вызывает у нас, как у собаки Павлова, невольное слюноотделение, а трапеза

становится любимым занятием. Размножаться необходимо — и секс становится одновременно наваждением и мощнейшим удовольствием. А чтобы обеспечить воспитание молодняка, природа дала нам привязанности, самая сильная среди которых — привязанность между матерью и ребенком. Как и все остальные млекопитающие, мы заранее запрограммированы на это телом и сознанием. В результате мы едва замечаем, сколько усилий ежедневно требуют от нас отпрыски, и любим шутить на тему о том, как дорого нам достаются дети. Очевидно, на долю дальних родственников и чужих приходится меньше заботы, но удовлетворение никуда не девается, оно присутствует уже в «Размышлениях» римского императора II в. Марка Аврелия («Благодеяние есть деяние, согласное с природой. Так не уставай же, благодетельствуя, благодетельствовать себе»^{*}).⁸ Мы общественные животные, которые полагаются друг на друга, нуждаются друг в друге — поэтому, помогая другим и делясь с другими, получаем удовольствие.

В фильме «Комната Марвина» (1996 г.) к Бесси (ее роль исполняет Дайан Китон) приезжает ее более практичная сестра (Мерил Стрип). Бесси много лет посвятила уходу за отцом, который давно прикован к постели, а сестра ей никогда и ни в чем не помогала. Когда Бесси рассказывает сестре о своих чувствах и говорит, что ей повезло с родителями — ведь в ее жизни было так много любви, — сестра, будучи сосредоточена только на собственных переживаниях, понимает ее неправильно и говорит: «Они так тебя любят!» Бесси поправляет ее: «Нет, я не это имею в виду. Я счастлива, потому что у меня есть возможность очень сильно любить!» Альтруизм может сделать человека счастливым.

---

^{*} Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. Книга 7 (74).

Давнее представление о том, что альтруизм должен приносить боль, заставило Джорджа Прайса прибегнуть к предельному самопожертвованию. Без страданий невозможно стать великим альтруистом, считал он. Именно поэтому Прайс отказался от всякого имущества и перестал обращать на себя внимание. Он не понимал, что небрежение собой контрпродуктивно, это хорошо известно работникам благотворительных организаций. Здесь, как в ситуации с кислородными масками в самолете, прежде чем помогать другим, необходимо позаботиться о себе. Я часто думаю о том, откуда вообще могла взяться идея травматической сущности альтруизма. Она совершенно чужда, например, буддизму, где считается, что сопереживание наполняет человека радостью. Этот эффект не ограничивается способными к саморефлексии взрослыми, но существует и у малышей. Наблюдения показывают, что маленьким детям часто приятнее дарить что-то другим, чем получать подарки. Есть также интереснейшие свидетельства о людях, которые долгое время заботятся о больных супругах или родителях. Психолог Стефани Браун обнаружила, что люди, проявляющие заботу о других, почти не замечают цены, которую им приходится за это платить. Они ощущают единство с объектами своей деятельности и получают такое удовлетворение от своей нужности, что живут дольше, чем те, кому не приходится ни о ком заботиться.

На основании личного опыта — а мне довелось заботиться о жене, жизнь которой из-за рака груди оказалась под угрозой, — я могу утверждать: слово «жертва», которое часто используется в подобных ситуациях, здесь не подходит. Заботиться о любимых — самое естественное для человека поведение. Верующие правы, когда считают единым комплексом заботу о своем теле, своем ребенке и ближнем. Наш мозг

устроен так, что легко размывает грань между самим человеком («Я») и окружающими. Это очень древние нейронные схемы, общие для всех млекопитающих, от мыши до слона. В одном тайландском заповеднике я видел слепую слониху, всюду ходившую вместе со зрячей подругой. Эти две слонихи не были родственницами, но казались иногда сиаемскими близнецами. Слепая слониха во многом зависела от товарки, и та, казалось, это понимала. Стоило последней чуть отойти в сторону, и обе слонихи начинали издавать низкое ворчание, а иногда даже трубить, чтобы слепая слониха могла определить местоположение подруги. Весь этот шум продолжался до тех пор, пока слонихи вновь не сходились. Сойдясь, они всякий раз горячо приветствовали друг друга — хлопали ушами, прикасались друг к другу хоботом, обнюхивались. Тесная дружба явно доставляла обоим удовольствие, а слепой слонихе, кроме того, позволяла жить достаточно нормальной слоновьей жизнью.

Принимая во внимание изначально присущую такому поведению внутреннюю радость, некоторые спешат объявить заботу о родных и близких «эгоистичной», по крайней мере на эмоциональном уровне. Это утверждение, основанное на верной посылке, из которой выводится ложное следствие, стирает вообще всякие различия между эгоизмом и альтруизмом. Получается, как бы я ни поступил — съел ли всю еду один или поделился с голодным незнакомцем, — это называется одним словом — «эгоизм»; такой язык уже вышел из употребления. Как может одно понятие охватывать такие разные мотивации? И, что еще важнее, почему мое удовлетворение при виде накормленного незнакомца следует смешивать с эгоизмом? Почему альтруизм не может, подобно всем прочим естественным человеческим порывам, приносить нам радость? Многие люди обожают баловать родных и друзей,

и самая большая радость, которую мы можем им доставить, — это позволить баловать нас.

Давайте задумаемся, как мы перешли от одних идей к совершенно противоположным: от труднообъяснимой идеи, что «альтруизм — жертва», до современного представления об альтруизме как развитии заложенной у млекопитающих заботы о потомстве, еще и приносящей радость. Поразительно, как много идеологических и религиозных импульсов подогрело дебаты: и экстремальное христианство Прайса, и увлеченность идеей первородного греха Гексли, и анархизм Кропоткина, и необычайно популярное представление, что за всяким альтруизмом скрывается либо лицемерие, либо ошибка. Большинство спорщиков, однако, забывает о том, что человек и другие млекопитающие принципиально иначе приходят к альтруизму, чем, скажем, общественные насекомые. Может быть, именно частое сравнение человеческого альтруизма с альтруизмом муравьев или пчел и сбивает нас с толку. Насекомые лишены эмпатии, тогда как человеческий мозг устроен так, чтобы налаживать связи с другими людьми, испытывать их боль и радость. В результате альтруизм может быть подлинным и приносить удовлетворение, здесь нет никакого противоречия. Если Прайс перешел эту границу и лишил себя здоровья и имущества ради едва знакомых бродяг, то постигшее его позже отчаяние можно понять. Он недооценил радость альтруизма, направленного на близких, и переоценил способность человека быть великодушным по отношению к чужим. Последняя из них развита в очень ограниченных пределах, тогда как первая практически не знает границ.

Глава 3

БОНОБО НА ФАМИЛЬНОМ ДРЕВЕ

Лучший способ уничтожить врага — сделать его другом⁹.

Авраам Линкольн

Посещение одной московской криминалистической лаборатории лишь подтвердило мои подозрения о том, что близкое родство с венцом творения не гарантирует тебе никакого уважения. Лаборатория эта специализируется на судебно-медицинской антропологической реконструкции, в частности, на восстановлении лица неопознанных жертв преступлений по костям черепа. В углу подвала хозяева показали мне грубо изваянное лицо, которое обычно старались держать закрытым. Мне даже не разрешили его сфотографировать. Дело в том, что они решили попробовать свои силы на черепе неандертальца, но получившийся в результате бюст имел такое зловещее сходство с одним из самых влиятельных членов Государственной Думы, что все просто боялись публиковать результаты исследования — а вдруг институт закроют!

Надо сказать, что мы придерживаемся не слишком высокого мнения о своих ближайших родственниках и уж точно

не хотим быть на них похожими внешне. Неандертальцев обычно изображают сутулыми и тупоумными; они шныряют по пещерам и таскают жен за волосы. Последнее открытие, малорослый «хоббит» с индонезийского острова Флорес, считается микроцефалом, возможно, даже «кретином». Ученые видят причину таких параметров скелета в прижизненном заболевании щитовидной железы, вызванном недостатком йода, но большинство обычных людей знают в основном словарное определение кретина как «глупого, недалекого или умственно неполноценного человека». И неважно при этом, что на острове Флорес рядом с останками человека были обнаружены сложные в изготовлении орудия труда.

Антропологи пока размышляют над флоресскими данными, сопровождая это действие характерными для них неприглядными словесными баталиями. Однако положение с неандертальцами проявляется с каждым днем. Стереотипное представление о них как о тупых животных с самого начала не имело особого смысла, учитывая тот факт, что по объему мозга неандертальцы нас превосходили. Внешнее сходство члена российской Думы с этим ископаемым видом человека скорее говорит о нашем собственном родстве с неандертальцами. Выйдя из Африки, древние люди встретились с близкими родичами, уже прожившими на севере четверть миллиона лет. Эти родственники были несравненно лучше приспособлены к холодам и морозам. Возможно, вместо того чтобы покорять их, как гласит общепринятая версия, мы подружились с этими северянами. Мужчинам, наверное, нравились горячие неандертальские женщины, а женщинам — неандертальские мужчины, и наоборот, потому что, по оценкам ученых, до 4% ДНК неафриканских представителей нашего вида получены именно от неандертальцев. Вероятно, скрещивание с ними укрепило нашу иммунную систему.

Наши северные собратья хоронили своих мертвых, искусно изготавливали орудия труда, поддерживали огонь и заботились о больных и слабых — в точности как древние люди. Найденные останки свидетельствуют о том, что шанс дожить до зрелости у них имели даже те, кто страдал карликовостью, параличом конечностей или не мог пережевывать пищу. Наши предки, известные под экзотическими именами Шанидар I, Ромито-2, мальчик из Виндовера и старик из Ла-Шапель-о-Сен, поддерживали сородичей, мало способных что-то дать обществу. Палеонтологи считают, что выживание слабых, инвалидов и умственно отсталых членов общества — принципиально важный рубеж в эволюции сострадания. Общинность как часть истории человечества и ее наследие исключительно важны для темы данной книги; они позволяют предположить, что нравственность возникла раньше современных цивилизаций и религий по крайней мере на сотню тысячелетий.

Но это не единственная дата, которую предлагается существенно отодвинуть в прошлое. Можно с уверенностью предположить, что очень многие действия и умения, начиная от пивоварения и заканчивая художественным творчеством, зародились раньше, чем считается. Южноафриканские кусочки охры с нанесенным на них сложным геометрическим орнаментом вдвое старше пещерных рисунков в пещере Ласко (Франция). Даже дата начала прямохождения постоянно сдвигается в прошлое — к примеру, после обнаружения следов, свидетельствующих о том, что наши предки двигались совершенно вертикально, датировка прямохождения, что теперь стало очевидно, вдвое старше, чем считалось прежде.

Человеку очень нравится считать, что все, что он делает и чем гордится, придумано именно им и, должно быть, недавно. Затем выясняется, что неандертальцы делали то же са-

мое, а до них, возможно, австралопитеки, и так мы движемся в прошлое, доходя до обезьян — вот они-то, возможно, и были первыми. Кто сказал, к примеру, что каменный век начался с нашей родословной ветви? Что касается археологии, то в Кот-д'Ивуаре обнаружено место для колки орехов с камнем-молотом и камнем-наковальней; возраст — более 4000 лет. Но то, какие именно орехи там кололи, размеры орудий (они большие и тяжелые), а также местная экосистема (дождевой лес) указывает, что тут действовали скорее шимпанзе, а не человек. Анализ места раскопок позволяет предположить, что на протяжении тысячелетий человекообразные обезьяны приносили издалека крепкие камни (к примеру, гранит) в лес, чтобы колоть там особенно твердые орехи. Сегодня, как хорошо известно, аналогичной технологией пользуются западноафриканские шимпанзе.

Долгое прощание

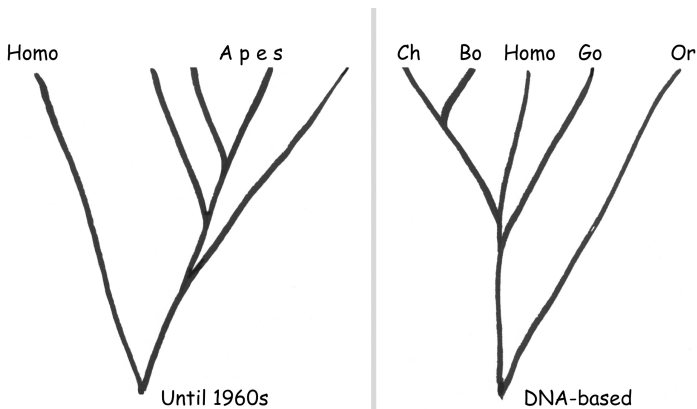
Есть только одна дата, которая, вместо того чтобы отодвигаться все дальше в прошлое, наоборот, подбирается все ближе и ближе к нашему времени. В первой половине прошлого века эволюционные древа в учебниках все еще демонстрировали человеческую ветвь развития, отросшую в гордом одиночестве от общего ствола 25 млн лет назад.

В число наших ближайших родственников — человекообразных обезьян — входят четыре вида человекообразных приматов (шимпанзе, бонобо, горилла и орангутан) и так называемые малые человекообразные: гиббоны и сиаманги. По сравнению с двумя сотнями видов обезьян и полуобезьян это совсем крошечное семейство. Обезьяны с хвостами и вытянутыми мордами отстоят от нас дальше, чем человеко-

образные сородичи. Однако старое древо жизни, размещавшее нашу веточку далеко в стороне от всех прочих приматов, просуществовало недолго. Карл Линней, возможно, предвидел что-то подобное, когда выделил человечество в отдельный род *Homo*. Легенда гласит, что шведский таксономист испытывал сомнения относительно нашего особого статуса, но решил не конфликтовать с Ватиканом. Триста лет спустя появились, помимо анатомических, новые способы сравнения видов: анализ белков крови и ДНК. Эти новые данные еще больше отдалили нас от низших обезьян, но зато отправили в середину компании человекообразных. Поначалу это вызвало настоящий шок, но с ДНК трудно спорить, потому что она позволяет избежать проблемы выбора человеком для сравнения именно тех черт, которые ему нравятся. Мы можем считать прямохождение важной особенностью, но в общей картине природы эта черта, строго говоря, не слишком важна. В конце концов, куры тоже ходят на двух ногах. Сравнение ДНК позволяет опровергнуть представление об уникальности человека. На древе жизни, построенном на базе анализа ДНК, человечеству достается одна-единственная крохотная веточка среди множества других, отделившихся от человекообразных обезьян около 6 млн лет назад.

Если перекрестное скрещивание ближе к концу пути (к примеру, с неандертальцами) подтолкнуло наш вид к успеху, то что-то аналогичное, в принципе, могло произойти и в начале. В ДНК человека и человекообразных обезьян есть признаки ранней гибридизации. После разделения наши предки, вероятно, неоднократно возвращались к обезьянам — точно так же, как сегодня иногда скрещиваются медведи гризли и белые медведи или волки и койоты. Некоторые палеонтологи высказывают сомнения и считают маловероятным, чтобы

наши двуногие предки в течение миллиона с лишним лет вступали в связь с человекообразными обезьянами, передвигавшимися на четырех конечностях. Однако, на мой взгляд, характер передвижения мало что значит в вопросах поиска пары. Это заставляет меня вспомнить еще более загадочное утверждение из той эпохи, когда еще не было известно о гибридизации людей и неандертальцев. Суть его состояла в том, что можно с уверенностью исключить вероятность секса между двумя ветвями гоминин, поскольку они, очевидно, не говорили на одном языке. Читая подобные утверждения, я только хмыкал и вспоминал те времена, когда мы с моей женой-француженкой только-только познакомились. Язык — такой пустяковый барьер!

До 1960-х гг. человечество обладало собственной веточкой на эволюционном древе, отдельной от человекообразных обезьян (слева). Однако древо, построенное на базе анализа ДНК (справа), помещает человека ближе к шимпанзе (Ch) и бонобо (Bo), чем к гориллам (Go) и орангутанам (Or)

Первым предположение о том, что человек мог произойти от человекообразных обезьян, выдвинул французский натуралист Жан-Батист Ламарк в 1809 г. Согласно теории Ламарка,

приобретенные характеристики (такие как удлинение задних конечностей у болотных птиц) могут передаваться следующим поколениям. Задолго до Дарвина Ламарк представил эволюцию человека от четвероруких приматов так:

«Если бы некая порода четвероруких животных, в особенности самых совершенных из них, потеряла в силу обстоятельств или по какой-то иной причине привычку карабкаться по деревьям и хвататься за ветки... и если бы особям этой породы пришлось в течение нескольких поколений использовать для ходьбы только задние конечности и отказаться от использования передних в этом качестве... эти четверорукие животные в конце концов трансформировались бы в двуногих, а большой палец ноги у них перестал бы обособляться от остальных пальцев».

Ламарк дорого заплатил за свою дерзость. Он нажил себе так много врагов, что умер в бедности и стал объектом одного из самых насмешливых и унижительных некрологов, когда-либо зачитанных на заседании французской Академии наук*. Полвека спустя популяризацией происхождения человека от обезьян занялись два активных защитника дарвиновской теории эволюции — Томас Генри Гексли в Англии и Эрнст Геккель в Германии. Они очень старались заставить людей принять идею о том, что все мы — модифицированные человекообразные обезьяны; им удалось убедить в этом по крайней мере научное сообщество, в котором этот факт давно уже не явля-

---

* Согласно иным источникам, написанный Кювье некролог оказался столь резким и оскорбительным, что его чтение было в Академии запрещено.

ется предметом дискуссий. За исключением, конечно, случая в 2009 г., когда Кентский государственный университет (штат Огайо) выпустил пресс-релиз под шокирующим заголовком «Человек не произошел от обезьян».

Чтобы понять это утверждение, нужно знать, что Кентский университет участвовал в исследовании останков *Ardipithecus ramidus*, известного также как Арди, — самки существа, жившего 4,4 млн лет назад в Эфиопии. По возрасту Арди на миллион лет ближе к моменту долгого «прощай!» между человеком и человекообразными обезьянами, чем все предыдущие ископаемые. Одним из признаков сходства Арди и человекообразных обезьян может служить большой палец ноги, который обособлен от остальных. Должно быть, это существо прекрасно лазило по деревьям и спало там, наверху, чтобы укрыться от хищников, как и сегодня делают человекообразные обезьяны. Понятно, что креационисты и сторонники теории Разумного замысла* сочли пресс-релиз с таким провоцирующим заголовком подарком свыше, а некоторые средства массовой информации сделали и вовсе странный вывод: они решили, что смысл этого заголовка в том, что все наоборот и человекообразные обезьяны произошли от человека. Путаница возникла потому, что один ученый из команды, занимавшейся исследованием Арди, хотя своим именем и вызывал ассоциации с бонобо (Оуэн Лавджой — его фамилия образована от слов «любовь» и «радость»), в качестве объекта для сравнения способен был рассматривать только шимпанзе. Именно он заключил, что телосложением Арди слишком отличается от шимпанзе и ее предками не могли быть шимпанзеподобные существа. Но зачем

---

* Теория Разумного замысла — одно из направлений креационизма, в рамках которого утверждается, что вся Вселенная и жизнь произошли от некоего высшего Разума.

вообще было брать в качестве исходной точки современных человекообразных обезьян? У сегодняшних приматов после разделения с нами было ничуть не меньше времени на метаморфозы, чем у представителей нашего собственного вида. Люди часто думают, что человек все это время эволюционировал, а обезьяны оставались такими же, как были, хотя генетические данные свидетельствуют о том, что шимпанзе-то как раз изменились *больше*, чем мы. Человечество просто не знает, как выглядел наш последний общий предок. В дождевом лесу не формируются окаменелости — там все сгнивает чрезвычайно быстро. Именно поэтому у нас так мало останков ранних человекообразных обезьян. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что наш пращур подошел бы под самое общее описание человекообразной обезьяны: крупный бесхвостый плоскогрудый примат с цепкими задними конечностями. Поэтому заявление о том, что мы происходим от человекообразных обезьян, остается вполне приемлемым — вот только речь здесь не идет о современных обезьянах.

Не слишком выступающая вперед челюсть Арди и относительно маленькие плоские зубы сразу же отделили ее от шимпанзе, у которых самцы снабжены длинными острыми клыками. Клыки эти представляют собой смертельное оружие и способны в момент располосовать лицо и кожу противника. Дикие шимпанзе активно пользуются этим оружием в территориальных спорах. Арди в сравнении с ними была относительно мирным существом, возможно, именно благодаря невысокому уровню конфликтов между самцами. Лавджой даже предположил, что Арди и ее современники были моногамны и что это помогало им сдерживать насилие. Доказать подобное утверждение могла бы лишь маловероятная находка останков самца и самки с обручальными кольцами на пальцах; во всех

остальных случаях оно останется чистой спекуляцией. Более того, ничто не свидетельствует о том, что моногамия способствует миролюбию. Единственные моногамные приматы среди наших ближайших родичей — гиббоны — обладают внушительными клыками.

Но что если мы исходим не от буйных шимпанзеподобных предков, а от мягких, обладающих сильной эмпатией обезьян типа бонобо? Телесные пропорции бонобо — длинные задние конечности и узкие плечи — похоже, прекрасно описывают Арди, да и относительно небольшие клыки у них похожи. Почему же бонобо не вошли в круг кандидатов в предки? Что если шимпанзе — не прототип нашего предка, а напротив, буйный отщепенец в относительно мирной наследственной линии? Арди, безусловно, что-то сообщает нам, и хотя что это за информация, ученые пока спорят, но, воинственные тамтамы, под звуки которых развивались все прежние сценарии, слегка приумолкли.

Отношение к типажам наших предков и родственников нередко имеет политические обертоны, а в устах комика Стивена Кольбера (Stephen Colbert) из телепрограммы *The Colbert Report* становится еще и поводом для веселья. Надо сказать, что участие в шоу, основная цель которого — посмеяться над вами лично и над вашими идеями, — хороший опыт. Кольбер попросил меня сравнить бонобо и шимпанзе. Пока я рассказывал про поведение бонобо, на его лице то и дело отражалось явное отвращение: эти приматы, очевидно, были слишком мирными и страстными на его вкус («А как насчет регулярного, правильного секса, такого, каким задумал его Господь?»)*. Но когда я перешел к описанию шимпанзе, он

---

* Игра слов: по-английски *sexu* означает и привлекательный (классный, потрясающий), и сексуальный (эротичный).

одобрительно кивнул; было ясно, что характер этих обезьян пришелся ему по нраву.

Самки бонобо любят тереться гениталиями друг с другом; это занятие интегрирует их и способствует миру в сообществе. Две самки прижимаются одна к другой наружными половыми органами и клиторами и начинают яростно тереться; при этом одна из самок повисает на другой почти как детеныш. Выражение на мордах участниц этого действа и их громкие вскрики позволяют предположить, что обе они при этом испытывают оргазм

Можно сказать, что мир делится на шимпанзефилов и бонобофилов, но все мы хорошо посмеялись, когда Стивен принялся снимать кожуру с банана.

Бонобо, левые и правые

Представьте, что вы писатель и решили предложить своим читателям из первых рук рассказ о политически корректном примате, идоле левых, — о примате, известном гомосексуальными отношениями, главенством женщин и мирным об-

разом жизни. Тема вашего рассказа — бонобо, близкий родственник шимпанзе. Вы отправляетесь на край света, в страну, иронично названную Демократической Республикой Конго (ДРК), чтобы увидеть этих милых обезьянок в естественной среде. Вы надеетесь вернуться оттуда с богатым материалом для новых интереснейших произведений.

Увы, добраться до бонобо вам практически не удастся. Вы видите лишь несколько особей, спокойно сидящих на деревьях и уплетающих орехи. И все. Именно так произошло с Ианом Паркером, который тем не менее умудрился в качестве специального корреспондента *The New Yorker* написать 13 страниц вполне профессиональной прозы. Из его текста читатель узнает о «жарком густом воздухе», о тропических ливнях и грязевых потоках, о звуке падающих фруктов и принимающем автора немце, который по его описанию выглядит довольно холодным и несимпатичным человеком. Возможно, на самом деле Паркер хотел сказать, что работа «в поле» — не приятный пикник, но вместо этого он настаивает, что бонобо совсем не так милы и эротичны, как считается. А учитывая тот факт, что репутация этих обезьян давно уже является костью в горле гомофобов и сторонников учения Т. Гоббса, неудивительно, что правые средства массовой информации с готовностью ухватились за эту публикацию. Наконец-то «миф» о бонобо будет развенчан, и природа вновь предстанет перед нами во всем великолепии окровавленных клыков и когтей. Консервативный комментатор Динеш Д'Суза) обвинил «либералов» в том, что из бонобо они сотворили себе кумира, и призвал их оставаться на одном уровне с ослом.

Все это могло бы показаться забавным, если бы не сознание того, что это не просто политические стычки. Вопрос в том,

что нам *известно* об этих животных. Несомненно, бонобо могут быть агрессивными. Мы знаем о яростных групповых нападениях — в основном самок на самцов. На протяжении ряда лет в зоопарках было документально зафиксировано немало таких случаев, в результате пришлось даже изменить режим содержания бонобо. Поскольку выяснилось, что отделение сына от матери у бонобо разрушает защитные связи, в зоопарках их все чаще держат вместе. В книге «Бонобо — забытый примат» (Bonobo: The Forgotten Ape) я предупреждал: «Все животные по природе своей конкурируют и стремятся к первенству, а сотрудничают только при особых обстоятельствах».

Что касается поведения бонобо в дикой природе, то новых данных здесь почти нет. В ДРК лишь недавно закончилась кровопролитная гражданская война, в которой погибло порядка 5 млн человек. Разумеется, все это время ситуация в стране никак не способствовала приматологическим исследованиям. Можно сказать, что за десять с лишним лет мы не узнали о бонобо ничего нового. Однако до этого ученым удалось собрать богатый полевой материал. Самое важное, пожалуй, — и за последние тридцать с лишним лет в этом смысле никаких новых данных не появилось — это то, что нет ни одного достоверного сообщения об агрессии со смертельным исходом среди бонобо. У шимпанзе, напротив, имеется масса случаев убийства взрослыми самцами других самцов, самцами и самками — младенцев и т. п. Это в дикой природе. Относительно содержащихся в неволе животных мне самому довелось документально зафиксировать случай, когда самцы шимпанзе жестоко изуродовали и кастрировали соперников в борьбе за место в иерархии, в результате чего те умирали. В подобной информации про шимпанзе недостатка нет, и это резко контрастирует с полным отсутствием таких происшествий среди бонобо.

В книге «Демонические самцы» (Demonic Males) Ричард Рэнгем, рассказывая о жестокости у шимпанзе, приводит такое сравнение их с бонобо: «...Мы вполне можем рассматривать их [бонобо. — *Прим. пер.*] как шимпанзе, сделавших три шага к миру. Они снизили уровень насилия в отношениях между полами, в отношениях между самцами и в отношениях между сообществами». Все это не означает, что бонобо живут в сказочном царстве. Можно даже сказать, что «секс ради мира» так сильно распространен у них именно потому, что конфликтов хватает с избытком. Какой смысл был бы заниматься миротворчеством, если бы жизнь бонобо протекала в неизменной гармонии? Сексуальное разрешение конфликтов, как правило, практикуют самки, но самцы иногда тоже прибегают к этому верному средству, как свидетельствуют данные из зоопарка в Сан-Диего:

«Вернон регулярно загонял Калинда в сухой ров... После таких случаев эти самцы интенсивно контактировали почти в 10 раз чаще, чем обычно. Вернон предпочитал тереться мошонкой о ягодицы Калинда, или Калинд предоставлял свой пенис для мастурбации».

Контраст с родственным видом поразителен. Если шимпанзе во время территориальных споров чаще всего убивают сородичей, то бонобо на границах своей территории занимаются сексом. При встрече с соседями они могут повести себя недружелюбно, но проходит совсем немного времени, и самки бросаются на сторону «противника», чтобы спариться с самцами соседской группы или «оседлать» других самок. А поскольку заниматься сексом и войной одновременно трудно, вся сцена очень быстро меняет характер, и едва не начавшееся сражение превращается в мирное общение. Еще немного,

и взрослые разных групп начинают заниматься взаимным грумингом, а дети — вместе играть. Сообщения о таких встречах начинаются с 1990 г. и исходят в основном от японского ученого Такаёси Кано, дольше всех проработавшего с дикими бонобо. Трудясь над книгой, я разговаривал с учеными, занимающимися полевыми исследованиями, такими как Кано, и ученым, принимавшим у себя Паркера, — Готтфридом Хоманном (Gottfried Hohmann). Когда я спросил последнего, как его бонобо реагируют на другие группы, Хоманн ответил: «Начинается все очень напряженно, с криками и погонями, но затем все успокаиваются, и завязываются межгрупповые сексуальные контакты самок с самками и самок с самцами. Груминг тоже имеет место, но остается напряженным и нервным». Согласитесь, это описание мало подходит обезьянам-убийцам, хотя Хоманн и добавил, что группы бонобо смешиваются не всегда и что самцы из разных сообществ не занимаются грумингом друг с другом.

В заповеднике недалеко от Киншасы недавно решили соединить две группы бонобо, которые прежде жили отдельно, чтобы как-то оживить их существование. Никому бы даже в голову не пришло сделать что-нибудь подобное с шимпанзе, потому что единственным возможным результатом было бы насилие, и всем это прекрасно известно. В зоопарках хорошо знают, что шимпанзе из разных стай необходимо любой ценой держать отдельно до тех пор, пока они не познакомятся; в противном случае дело может кончиться кровопролитием. А бонобо в заповеднике вместо этого устроили оргию. Они свободно смешивались и общались, превращая потенциальных врагов в друзей.

Добавим к этому наблюдения чилийского приматолога Изабель Бенке (Isabel Behncke), изучающей игровое поведе-

ние бонобо в Вамбе — там, где Кано и другие японские ученые уже не один десяток лет наблюдают за ними. Изабель глазам своим не поверила, когда увидела, как особи из разных групп играют вместе. Она недавно показывала мне видеозаписи, снятые в лесной чаще. На этих записях взрослого самца окружили молодые бонобо из соседней группы; они тыкали ему в ребра, забирались на плечи, висли на нем целыми гроздьями. Все это делалось в шутку, без малейших признаков опасности или враждебности. Еще Изабель показывала игру между самцом и самкой из другой группы. Самка следовала за самцом и время от времени хватала его за мошонку; оба они долго бегали кругами вокруг дерева, опять же не испытывая заметного напряжения. Склонная к иронии Изабель пошутила, что именно благодаря таким ситуациям возникло выражение «держаться за яйца».

Отчасти разногласия относительно агрессивности бонобо объясняются тем, что они ведут себя как хищники. Такое поведение у них имеет развитые формы, хотя и в меньших масштабах, чем у шимпанзе. Бонобо убивают мелкую дичь — дукеров (лесных антилоп), белок, обезьян низших видов; иногда они охотятся группами. Проблема в том, что охота не имеет почти никакого отношения к агрессивности. Еще в 1960-е гг. Конрад Лоренц * предостерегал ученых от ошибки: он утверждал, что кот, который шипит на другого кота, — это совсем не то же самое, что кот, отслеживающий мышь. Первый выражает шипением страх и агрессию, второй действует под влиянием голода. Мы сегодня знаем, что и нейронные цепи при этом задействуются разные. Вот почему Лоренц определил агрессию

---

* Конрад Лоренц (190–1989) — выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, зоолог, зоопсихолог, один из основоположников этологии — науки о поведении животных.

как внутривидовое поведение. Поэтому же травоядные животные не считаются менее агрессивными, чем плотоядные, — это может засвидетельствовать любой, кому приходилось видеть схватку жеребцов.

Отождествление образа жизни хищников с агрессивностью — старая ошибка; она восходит к тем временам, когда человека считали неисправимым убийцей на основании того факта, что наши предки ели мясо. Представление об «обезьяне-убийце» получило такое широкое распространение, что в первой сцене фильма Стенли Кубрика «2001 год: Космическая одиссея» один гоминин бьет другого бедренной костью зебры, а затем это оружие, триумфально подброшенное победителем в воздух, превращается в космический корабль. Впечатляющий образ, но основан он всего лишь на факте наличия одного отверстия в окаменевшем черепе доисторического детеныша, известного как «ребенок из Таунга». Обнаруживший его ученый поспешил сделать вывод о том, что наши предки были плотоядными каннибалами. Журналист Роберт Ардри в книге «Африканские корни» (African Genesis) развил эту мысль, заявив, что человек — это не падший ангел, а скорее вставшая на ноги обезьяна¹⁰. Сейчас, правда, считается более вероятным, что ребенок из Таунга не был съеден сородичами, а пал жертвой леопарда или орла.

Распространенное мнение о насилии как базовом инстинкте резко контрастирует с нашей стыдливостью в отношении секса, которая заставляет ученых либо вовсе игнорировать половое общение, либо называть его как-то иначе. Мы вообще предпочитаем эвфемизмы — называем туалет «комнатой отдыха», а непреднамеренное обнажение груди — «беспорядком в одежде». Так и бонобо в литературе традиционно называют «очень ласковыми», подразумевая при этом

поведение, за которое человека — если бы все это происходило в общественном месте — немедленно арестовали бы. Две самки прижимаются друг к другу набухшими гениталиями и начинают быстро тереться ими, что обычно называют генито-генитальным контактом, но Хоманн, много раз наблюдавший подобную процедуру, высказывает сомнения: «Но имеет ли это хоть какое-то отношение к сексу? Вероятно, нет. Конечно, они используют гениталии, но что это на самом деле — эротическое поведение или просто жест приветствия, полностью лишенный связи с сексуальностью?»

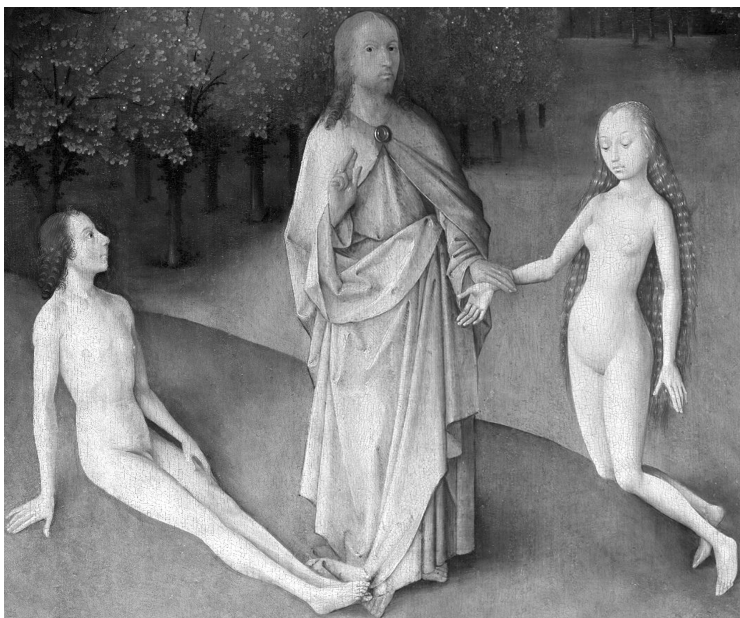
К счастью, суд США разрешил этот эпохальный вопрос в решении по делу «Пола Джонс против президента Билла Клинтона». Там разъясняется, что термин «секс» включает любое намеренное прикосновение к гениталиям, анусу, паховой области, груди, внутренней части бедер или ягодицам. Можно было бы поспорить с этим определением (если кто-нибудь намеренно сядет на меня, прикоснувшись таким образом ягодицами, неужели это обязательно будет сексуальное действие?), но давайте ограничимся гениталиями, которые предназначены, очевидно, именно для секса. Когда бонобо хватают друг друга за тестикулы, трогают клитор или трутся гениталиями, стимулируя друг друга, и при этом громко кричат и демонстрируют другие внешние признаки оргазма, любой врач-сексолог скажет вам, что они «делают это». На память сразу же приходит знаменитый американский сексолог Сьюзен Блок с ее курсом «Путь бонобо: к миру через удовольствие» (*The Bonobo Way of Peace through Pleasure*); вообще слоган кажется удачным, поскольку ни одно другое животное, за исключением нашего собственного вида, не уделяет сексу так много внимания, как бонобо.

Результаты недавнего опыта по выяснению способности к кооперации еще раз подчеркивают резкие различия между шимпанзе и бонобо. Брайан Хейр с сотрудниками поместил в вольер с обезьянами платформу, которую те, работая вместе, без труда могли подтянуть к себе; на платформу положили пищу. Бонобо лучше, чем шимпанзе, справились с задачей. Вид пищи, как правило, пробуждает в обезьянах соперничество, но бонобо наладили сексуальные контакты, поиграли вместе и радостно, сидя рядышком, все вместе съели предложенную пищу. Шимпанзе, наоборот, никак не могли отказаться от соперничества. Согласитесь: если два вида так по-разному реагируют на одни и те же обстоятельства, вряд ли можно сомневаться в том, что темпераменты у их представителей разные.

Еще одно свидетельство можно получить из сравнения осиротевших детенышей разных человекообразных обезьян, проведенного Ванессой Вудс. Как ни печально, и шимпанзе, и бонобо в Африке нередко становятся жертвами охотников. Взрослых животных убивают и продают на мясо, а малыши часто оказываются в заповедниках, где люди с любовью ухаживают за ними до тех пор, пока те не повзрослеют и не смогут сами о себе позаботиться. Вудс провела детальное сравнение детенышей обоих видов и выяснила, что малыши бонобо в моменты возбуждения (к примеру, во время кормежки) склонны к сексуальному контакту, тогда как у крошек-шимпанзе такой склонности нет. Таким образом, различия между видами проявляются уже в раннем детстве.

Короче говоря, если мы наберемся смелости называть секс сексом и сосредоточимся на известных видах внутривидового (в противоположность межвидовому) насилия, мы неизменно будем получать решительные доказательства в пользу того,

Правда ли, что люди — это падшие ангелы? Босх на своем панно «Сад земных наслаждений» изобразил, как Адама и Еву сводит вместе некто, напоминающий Христа. Первые люди здесь выглядят нетрадиционно: они не едят запрещенных плодов, и их не изгоняют из Рая. Но если бы не грехопадение, что ожидало бы их впереди? Райский сад вожделения?

что бонобо — относительно мирный вид и что сексуальное поведение у них выполняет и нерепродуктивные функции и используется, в частности, для приветствия, разрешения конфликтов, при распределении пищи. Часто употребляемые гиперболы (к примеру, «шимпанзе родом с Марса, а бонобо — с Венеры»), конечно, избыточны, но если бы их описывали просто как ласковых существ, то никто бы о них и не услышал. Что бы мы ни обнаружили в последующие годы, когда исследователи бонобо вернутся в Африку, вряд ли можно ожидать возврата к «гоббсовской» модели. Я просто не могу себе представить, чтобы эти приматы превратились из мягких и сексуальных существ в отвратительных жестоких

зверей. Единственный ученый, которому довелось долго наблюдать в лесу и шимпанзе, и бонобо, японский приматолог Такэси Фуруити, сказал об этом лучше всего: «У бонобо всё и всегда мирно. Когда бы мне ни случилось увидеть бонобо, они вечно наслаждаются жизнью».

Райский сад вождения

Еще студентом мне довелось побывать в почившем ныне голландском зоопарке, где держали «карликовых шимпанзе», как раньше называли бонобо. Именно тогда я впервые увидел представителей этого вида. Меня поразили контраст между ними и шимпанзе — контраст во всем: в поведении, манере держаться, внешности. Шимпанзе похожи на мускулистых бодибилдеров, в то время как бонобо казались скорее интеллектуалами. У них были тонкие шеи и руки, похожие на руки пианистов; казалось, место им в библиотеке, а не в спортивном зале, как шимпанзе. В то время о бонобо почти ничего не было известно, и я там же, на месте, решил, что ситуация должна измениться. Прежде мне рассказывали, что эти обезьянки — всего лишь мелкая разновидность шимпанзе, но теперь очевидно, что все не так.

В тот день я стал свидетелем небольшой ссоры самки и самца из-за картонной коробки. Некоторое время ее участники бегали вокруг коробки и колотили друг друга чем попало; затем вдруг схватка прекратилась, и они занялись любовью! Это казалось странным: я привык к шимпанзе, а они не переходят так легко от гнева к сексу. Я решил, что тут простое совпадение или что я пропустил что-то, что объяснило бы внезапную смену настроения; оказалось, однако, что для бонобо — явных поклонников «Камасутры» — уви-

денная мной сцена совершенно обычна. Но узнал я об этом лишь несколько лет спустя, когда сам начал работать с ними.

Я никогда не стремился стать обезьяньим сексологом, но это получилось само собой. Я видел, как они делают это во всех возможных позициях и даже в некоторых таких, которые нам трудно вообразить (к примеру, вниз головой, уцепившись за ветку задними конечностями). На мой взгляд, главное в сексе бонобо — его совершеннейшая легкомысленность и то, насколько хорошо он интегрирован в общественную жизнь этих приматов. Большинство из нас иначе смотрит на свою любовную жизнь; у нас полно комплексов, пунктиков и тормозов. Некоторые даже не могут заниматься этим при включенном свете! Вот почему все подмигивают мне, как только слышат, что я работаю с бонобо, — как будто это увлекательнейшее занятие, гарантирующее мне ежедневное вкушение запретных радостей. Но чем больше наблюдаешь за бонобо, тем больше их секс начинает напоминать рутинную проверку электронной почты, процедуру умывания или просто приветствие. Обычное, будничное занятие. Мы приветствуем друг друга руками — к примеру,жимаем руки или похлопываем друг друга по спине, — тогда как у бонобо принято «генитальное рукопожатие». Сексуальные контакты у них очень короткие и измеряются секундами, а не минутами. Мы связываем секс с продолжением рода и желанием, но у бонобо он выполняет самые разные задачи. Наслаждение всегда является целью, а продолжение рода — всего лишь одна из функций секса. Именно этим объясняется тот факт, что занимаются сексом пары самого разного состава.

Обсуждая многофункциональность секса, трудно не отметить, что некоторым людям она очень нравится, а некото-

рых с такой же силой отталкивает. Отрицательное отношение связано с установившимися взглядами на роль мужских иерархий, территориальности и насилия в эволюции человека; именно поэтому, вне всяких сомнений, антропологи игнорируют бонобо. В нашем прошлом, с их точки зрения, нет места приматам-хиппи. Однако бонобофилия ненамного рациональнее. Зачастую она отражает идеализированные представления людей о наших предках. На лекциях о бонобо я иногда сталкиваюсь с поклонниками свободной любви — им кажется, что у них много общего с этим биологическим видом, — или с теми, которые мечтают быть похожими на бонобо. Некоторые рассуждают о том, что человек, должно быть, прямой их потомок; подразумевается, что нам следует жить по обычаям матриархата и полностью отказаться от сексуальных ограничений.

Наши предки и свободная любовь — эта ассоциация имеет библейский подтекст. Не то чтобы Библия поощряла промискуитет, но в ней сказано, что до грехопадения человек не был в курсе. О приматах иногда говорят, что они ведут непорочную жизнь в чистой, первобытной среде — примерно так мы представляем себе рай. Считается, что у них нет сексуальных ограничений. Существует даже официальная теория на этот счет: французский антрополог Клод Леви-Стросс* предположил, что человеческая цивилизация началась с запрета на инцест. А прежде мы занимались этим с кем попало, не обращая внимания ни на какие кровнородственные узы. Табу на инцест перенесло нас в новую эпоху: из природы в культуру.

---

* Клод Леви-Стросс (1908–2009) — знаменитый французский культуролог, социолог, этнограф, основатель структурализма в этнологии, автор теории происхождения государства, согласно которой запрет кровосмешения — главный фактор развития цивилизации, исследователь мифологии и фольклора.

Но как же ошибался Леви-Стросс! Подавление инбридинга, как называют это биологи, хорошо развито у многих живых существ, начиная от плодовых мушек и грызунов и кончая приматами. Это почти обязательное требование у любого вида, размножающегося половым путем. У бонобо сексуальные отношения между отцом и дочерью невозможны, потому что самки в период созревания покидают стаю, чтобы присоединиться к одному из соседних сообществ. Секс между матерью и сыном тоже полностью отсутствует, несмотря на тот факт, что сыновья держатся рядом и часто кочуют вместе с матерями. Практически это единственные комбинации партнеров, между которыми в стае бонобо никогда не бывает сексуальных отношений. И без всяких табу.

Начиная с Руссо с его «благородным дикарем» доисторического человека часто представляют себе как этакое беззаботное существо, которое живет в идиллическом мире и которому не приходится ни минуты беспокоиться о завтрашнем дне. Судя по всему, Маргарет Мид, американский антрополог, придерживалась именно таких взглядов, когда описывала любовную жизнь обитателей Самоа, а в недавнем документальном фильме британская ВВС распространила эти западные предрассудки на некое «затерянное» амазонское племя. Два антрополога, знакомые с перуанским племенем матсигенка, утверждают, что фильм целиком сфабрикован. Начать хотя бы с того, как члены съемочной группы входят в деревню. Они попросту отошли в сторону от утоптанной дороги, чтобы снять, как им приходится прорубать себе путь сквозь джунгли в поисках этого неуловимого племени. Говорят, что в фильме множество вопиющих ошибок перевода, превращающих невинные замечания («вы пришли издалека, оттуда, где живут *гринго*») в бессмысленно агрессивные заявления («мы убиваем чужа-

ков стрелами»). Когда старый вождь деревни задумчиво говорит «Сексом я буду заниматься в другой день», за кадром звучит перевод: «Я занимаюсь сексом каждый день».

Стоит подумать о происхождении человека, и воображение пускается во все тяжкие. Мы представляем себе наших предков вне культуры, языка и любых технических достижений — и с минимумом сексуальных ограничений. Звучит нереалистично, но за 200 лет до Руссо человечество уже готовилось к подобным фантазиям о происхождении; это очевидно из почти одновременного появления «Утопии» английского гуманиста Томаса Мора и «Сада земных наслаждений» Босха. Мир Мора предполагал существование социального государства, отсутствие частной собственности и разрешение эвтаназии — но свободной любви в нем не было. Более того, добрый секс наказывался в Утопии пожизненным воздержанием. Фантазия Босха, напротив, рисует целую счастливую толпу обнаженных мужчин и женщин, резвящихся на центральной панели «Сада»; они услаждают и нёбо, и гениталии. Что пытался сказать нам художник? Традиционная интерпретация состоит в том, что триптих показывает гибель невинности, за которой следует адское наказание, изображенное на правой панели. Кажется, все просто: секс греховен, а грешникам место в аду. Если это так, то моральная позиция автора «Сада» не слишком отличается от позиции автора «Утопии». Но сегодня мы знаем, с каким трудом раскрывают секреты живописи Босха. Наряду с «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи, созданной примерно в это же время, «Сад земных наслаждений», вероятно, представляет собой самое обсуждаемое произведение искусства, о котором написано больше, чем о любой картине всех времен. Каждому последующему поколению эта работа Босха кажется свежей и часто

говорит больше о самом зрителе, чем собственно об авторе или времени ее создания.

В левой части триптиха, где изображен рай, Господь мягко держит Еву за запястье левой рукой, одновременно правой рукой благословляя ее союз с Адамом. Адам смотрит на Еву, испытывая, как часто пишут, сексуальное возбуждение. Однако в этом случае, говоря здесь как приматолог, я предпочел бы увидеть эрекцию. Но член Адама выглядит неподвижным, как спящая мышь (Google Earth позволяет всем желающим нарушить приватное пространство Адама). Выражение его лица кажется скорее удивленным, как если бы никто до того момента не говорил ему, что предстоит встреча с женщиной. Свидание первой пары происходит в весьма необычной обстановке, в окружении фантастических существ и животных, обнаруженных незадолго до написания полотна (жирафов, дикобразов). В отдалении мы видим какую-то змею, обвиняющуюся вокруг дерева, похожего на ореховое, но на самом деле змея падает с дерева, а Адам с Евой не едят никаких плодов. Таким образом, «Сад земных наслаждений» показывает нам рай без грехопадения и изгнания.

Историкам понадобилось не одно столетие, чтобы понять, что горизонт в центральной части картины продолжает горизонт левой ее части; если так, то, возможно, центральная сцена, на которой больше тысячи обнаженных людей заняты эротическими забавами, — тоже часть райского сада. Может быть, это то, что стало бы с человечеством, если бы Адама и Еву не изгнали? Может быть, способность устоять перед соблазном была бы вознаграждена сексуальной свободой? По словам одного художественного критика, массы людей, катающихся на осликах, верблюдах и четвероногих птицах вокруг бассейнов с купающимися дамами, демонстрируют

«определенное подростковое сексуальное любопытство». Но ведь именно так я и другие ученые описываем бонобо! Этот вид представляется незрелой версией шимпанзе — точно так же, как человека иногда называют вечно юным приматом. *Неотения*, или сохранение подростковых черт во взрослом состоянии, считается отличительным признаком нашего вида. Проявляется это в нашей вечной игривости, в любопытстве и способности к творчеству, а также в изощренной сексуальности. «Сад земных наслаждений» — прекрасная тому иллюстрация, а поскольку в нем полно всевозможных животных, то я готов биться об заклад, что Босх, будь он знаком с бонобо, без колебаний поместил бы несколько особей в резвящуюся толпу. Они вписались бы туда намного лучше, чем шимпанзе.

Некоторые склонны связывать намерения Босха с латинским переводом Библии IV в. (так называемой Вульгатой*), где говорится о *paradisum voluptatis*, или «райском саде вожделения». Босх, несомненно, был знаком с переводом блаженного Иеронима, своего тезки, которого очень уважал и даже дважды изображал. Ранних теологов смущали имеющиеся в Вульгате ссылки на вожделение, радость и наслаждение, но никто не мог отрицать: Господь создал человека в двух вариантах с взаимодополняющими друг друга гениталиями. Его широко известное напутствие «плодитесь и размножайтесь» никак невозможно выполнить без секса и сопровождающих его радостей.

Возможно, Босх воспринимал все это буквально, но на картине он не забыл добавить несколько намеренно провокационных деталей. Согласно популярной гипотезе, он был членом

---

* Вульгата — «общедоступный» латинский перевод Библии, связанный с трудами бл. Иеронима (345 (?) — 420). Название «Вульгата» вошло в обиход с XVI в.

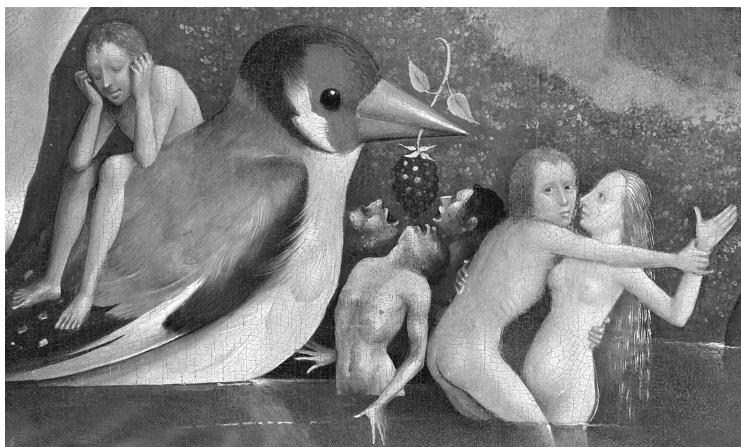

еретической секты, так называемого Братства свободного духа, члены которого стремились вернуться к первоначальной чистоте человечества, включая наготу и промискуитет. Они пытались достичь непорочности Адама до грехопадения и были известны как адамиты. Однако не существует реальных доказательств того, что Босх действительно был адамитом; к моменту его рождения эта секта практически исчезла. Более вероятно, что на него повлиял ранний гуманизм, который гораздо снисходительнее относился к сексу, чем Церковь. Эразм Роттердамский, которого иногда называли «князем гуманистов», даже приезжал в Ден Бос изучать латынь и жил через несколько домов от Босхов, на той же улице. Возникает искушение предположить, что два склонных к сатире моралиста были знакомы.

Эразм писал о сексуальности с предельной ясностью:

«Мне не хватает терпения выслушивать тех, кто говорит, что сексуальное возбуждение постыдно и что любовные стремления рождаются не в природе, а в грехе. Ничто не может быть дальше от истины. Как будто брак, функция которого не может быть исполнена без этих позывов, не опровергает осуждения такого рода. А у других живых существ откуда берутся эти стремления? От природы или от греха?»

Сильное заявление для XVI в.! Все это — часть яростных моральных и религиозных споров, характерных для Северного Возрождения. В работах Босха можно разглядеть проницательные комментарии к тем дебатам. Безусловно, распространен взгляд на Босха как живописца возмездия и наказания (повелитель чудовищ.... первооткрыватель подсознания»), как называл его психоаналитик Карл Юнг), но следует также

На средней панели «Сада земных наслаждений» теснится множество обнаженных фигур людей, а также птицы, лошади и фантастические животные. Все они свободно вкушают различные плоды. Вот щегол держит в клюве ягоду ежевики, а люди играют с ней в древнюю голландскую детскую игру «укуси пирожок». Остальные заняты любовными играми или просто мечтают

понимать, что среди претерпевающих адские мучения фигур на правой панели триптиха «Сад земных наслаждений» мы не видим никого из счастливых любовников центральной части. Там присутствуют ссылки на похоть и секс, но большинство изображенных пороков имеет отношение к азартным играм, к жадности, сплетням, лени, чревоутодию, гордыне и т. п. Все это выглядит так, как если бы художник говорил нам: да, мир полон страданий и грехов и грешники будут наказаны, но не сто́ит искать корни греха в чувственной любви.

Сестричество — мощная сила

Вернон, самец бонобо из зоопарка Сан-Диего, был предводителем маленькой группы обезьян, в которую входила одна самка — Лоретта, его партнерша и подруга, — и пара под-

ростков. Это единственный известный мне случай, когда у бонобо в какой бы то ни было группе предводительствовал самец. В то время я считал такую ситуацию нормальной: в конце концов, у большинства млекопитающих доминируют именно самцы, да и у бонобо самцы заметно крупнее и мускулистее самок. Но Лоретта тогда была относительно молода, к тому же в группе она была единственной самкой. С появлением второй баланс сил изменился.

Первое, что сделали Лоретта и вторая самка при встрече, — занялись сексом; при этом на мордах обеих сияли широкие улыбки, они громко кричали и вообще не оставляли у зрителей никаких сомнений в том, что человекообразным обезьянам знакомо сексуальное наслаждение. Со временем подобные лесбийские встречи становились все более частыми и явно знаменовали конец правления Вернона. Несколько месяцев спустя типичная сцена кормления бонобо выглядела так: самки занимались сексом и ели вместе, а Вернону, если он хотел что-то получить, приходилось выпрашивать еду с протянутой лапой. Какой контраст с группами шимпанзе, в которых любой здоровый самец командует любой самкой!

Доминирование самок типично и для диких бонобо. Фуррути рассказывает:

«Когда самки приближались к самцам, которые устроились на кормовой площадке покушать, самцы уступали припозднившимся самкам лучшие места. Более того, самцы обычно дожидались на краю кормовой площадки, пока самки закончат есть. При возникновении открытого конфликта объединившиеся самки иногда гоняли самцов, но самцы никогда не создавали агрессивных союзов

против самок. Даже альфа-самец вполне мог уступить средне- или низкоранговой самке».

Одна из точек зрения на необычное устройство общества у бонобо заключается в том, что появилось оно в результате эволюции и его цель — обезопасить молодняк. Самцы шимпанзе иногда убивают детенышей собственного вида, да и человек в этом отношении не намного лучше. Насилие и смерть могут ждать ребенка в семье, а могут прийти и в виде гораздо более масштабного события. Вспомните, как царь Ирод «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже» (Мф 2:16). У бонобо же не происходит ничего подобного ни в малом, ни в большом масштабе. Причина в том, что, во-первых, доминирующее положение помогает матерям защищать своих детенышей. Во-вторых, необузданный секс предполагает, что каждый взрослый самец может быть отцом каждого новорожденного. Не то чтобы самцы бонобо сознавали собственное отцовство, но что может быть хуже, чем убийство своего потомства? Такое поведение наверняка станет объектом отрицательного отбора — именно поэтому промискуитет защищает молодых животных. Это заметно, в частности, по поведению рожениц бонобо. Вместо того чтобы держаться в отдалении от больших групп, как благоразумно делают матери-шимпанзе, они после рождения малыша сразу же возвращаются в свою группу. Матери-бонобо ведут себя так, как будто бояться им совершенно нечего.

На этом фоне достойно внимания единственное имеющееся сообщение о серьезном насилии среди диких бонобо. Хоманн и его жена Барбара Фрут оказались свидетелями мрачного случая во время реализации проекта «Ломако-форест». Жертвой стал молодой самец по имени Фолькер. Матерью

Фолькера была Камба, альфа-самка сообщества Айенго, где он родился. Самцы у бонобо всегда «держатся за юбку» матери и вырастают маменькиными сыночками. Стоило Фолькеру оказаться в сложной ситуации — повздорить с другими самцами или попасть под горячую руку самкам, — как мать вступалась за него и выручала. Взрослея, Фолькер постепенно повышал свой рейтинг среди самцов, карабкаясь с помощью матери по социальной лестнице. Он также подружился с одной самкой по имени Эми. Однако вскоре после того, как Эми родила первенца, произошло неожиданное. Большая группа бонобо кормилась на дереве гарцинии, усеянном тысячами блестящих сладких плодов:

«Фолькер прыгает на ветке, где сидит Эми с малышом. На мгновение самка, кажется, теряет равновесие, но затем цепляется попрочнее и сталкивает Фолькера с ветки. Самец спрыгивает на землю, за ним — вопящая Эми. Спуск Фолькера и Эми провоцирует общую реакцию; остальные взрослые самки и самцы дождем сыплются с дерева, и за несколько секунд лес превращается в поле битвы. Подробности заслоняет густая растительность, но пугающий шум вопящих бонобо указывает на то, что это не шуточное, а настоящее сражение».

Организованная атака пятнадцати, если не больше, обезьян была целиком и полностью нацелена на Фолькера, которого они принялись волочить по земле взад и вперед. Через некоторое время его нашли на том же участке; он отчаянно цеплялся за дерево всеми четырьмя лапами, морда была искажена панической гримасой. Все бонобо были страшно возбуждены и шумели, шерсть у них стояла дыбом; одновременно

они издавали предупреждающее тьяканье, будто информируя людей-наблюдателей о том, что приближаться им не следует. Морды бонобо выражали эмоции, которых прежде Хоманну и Фрут видеть не приходилось. Удивительнее всего было то, что Эми, довольно низкоранговая самка, смогла спровоцировать столь массовую атаку, а Камба при этом держалась в стороне и не вмешивалась. В обычных обстоятельствах Камба первой бросилась бы на защиту своего сына, но в тот раз спряталась на самой верхушке дерева, где ее и обнаружили ученые.

Исследователи считают, что Фолькер, возможно, угрожал малышу Эми. Может быть, он попытался отнять его, как иногда делают самцы шимпанзе? Если так, то Фолькер явно недооценил защитных инстинктов сообщества. Самец, пытающийся захватить малыша, очевидно, достоин самого сурового наказания. Внезапная вспышка насилия позволяет предположить существование в обществе бонобо более глубокого слоя, обычно скрытого за фасадом вудстокского типа*. Он напоминает нравственный принцип, суть которого — защита интересов самых слабых и уязвимых. При нарушении этого принципа на его защиту встают так массово и так яростно, что даже высшие эшелоны сообщества, такие как альфа-самки, не осмеливаются выступить против.

Высокая степень солидарности у бонобо стала возможной благодаря среде обитания, позволяющей сообществу быть более сплоченным, чем, скажем, у шимпанзе. Шимпанзе в поисках рассредоточенной по большому пространству пищи приходится разбиваться на маленькие группки, а нередко и проходить значительные расстояния в одиночку. Бонобо живут иначе. Они держатся вместе и всегда дожидаются отставших, а на заходе

---

* Вудсток (разг.) — фестиваль рок-музыки, проходил в августе 1969 г. в США; ознаменовал начало сексуальной революции.

солнце устраивают настоящий «закатный хор», цель которого — собрать всех сородичей и построить ночные гнезда высоко на деревьях. Очевидно, им нравится быть вместе. Доступ к громадным фруктовым деревьям, а также к многочисленным съедобным травам нижнего этажа леса помогает обеспечивать существование их тесного сообщества, ядром которого является «вторичное сестричество». Я называю его «вторичным» потому, что связь между самками в нем не основана на родственных узах. Будучи мигрирующим полом, самки бонобо оказываются при взрослении в неродственных группах.

Привязанность к детенышам, разумеется, типична для всех млекопитающих. Однако один поразительный случай может показать лишний раз, насколько сильна она у бонобо. Моя коллега Эми Пэриш познакомилась в зоопарке с несколькими самками бонобо. Эти самки обнимали ее как свою — чего, надо сказать, никогда не делали со мной, поскольку человекообразные обезьяны всегда различают пол человека и ведут себя с ним соответственно. Лоретта, к примеру, вполне могла сексуально домогаться меня с той стороны рва (повернув ко мне свои набухшие гениталии и бросая быстрые взгляды на свою промежность), но, будучи мужчиной, я никогда не смог бы стать частью гинекократии, которой и является общество бонобо. Эми, напротив, однажды даже перебросили хорошую пищу, как если бы она, по мнению угощавшей, была голодна. Несколько лет спустя Эми, навещая своих подруг-бонобо, решила показать им своего новорожденного сына. Старшая самка коротко глянула на малыша через стекло и сразу же убежала в соседнее помещение — а через несколько секунд вернулась с собственным младенцем на руках. Она поднесла его вплотную к стеклу, чтобы два малыша могли посмотреть друг другу в глаза.

Мозг, настроенный на эмпатию

Сравнивая общество бонобо с нашим, я нахожу слишком много различий, чтобы согласиться с теми, кто готов принять его за образец для подражания. Я не думаю, что принятая у бонобо свободная любовь подошла бы нам. С одной стороны, эволюция снабдила нас собственным способом защиты детенышей, по существу, противоположным способу бонобо. Вместо того чтобы делить отцовство, люди влюбляются и часто ограничивают свое влечение одним человеком, по крайней мере, на какой-то период времени. При помощи института брака и нравственно обязательной супружеской верности многие общества пытаются полностью прояснить вопрос отцовства. Конечно, эти попытки очень несовершенны, всегда хватает и флирта, и неуверенности; тем не менее они увели нас в совершенно ином направлении. Как правило, самец человека — мужчина — делится ресурсами со своими детьми и их матерью и помогает заботиться о детях — неслыханное событие у бонобо и шимпанзе. Самое главное, мужчина обеспечивает женщине и детям защиту от других мужчин.

Если речь идет о сходстве между человеком с его ближайшими родичами среди человекообразных обезьян, то проще всего сравнивать мужчин с самцами шимпанзе. Самцы шимпанзе вместе охотятся, объединяются против соперников и вместе защищают территорию от враждебно настроенных соседей; в то же время они борются за статус в группе и соперничают из-за самок. Это противоречие между, с одной стороны, общностью целей, а с другой — неизменным соперничеством хорошо знакомо и мужчинам; возьмите любую спортивную команду или корпорацию. Мужчины там вовсю

состязаются между собой и в то же время понимают, что нуждаются друг в друге — ведь иначе их общая команда пойдет ко дну. В книге «Вы просто не понимаете» (You Just Don't Understand) лингвистка Дебора Таннен рассказывает о том, как мужчины используют конфликты для повышения собственного статуса и реально получают удовольствие от споров с друзьями. Если ситуация заходит слишком далеко, они разряжают ее шуткой или извинением. Так, бизнесмены могут кричать и даже запугивать друг друга на совещании — и тут же шутить и смеяться все вместе в перерыве в комнате отдыха.

Размытая грань между конфликтом и сотрудничеством не всегда понятна женщинам (для них «подруга» и «соперница» означают совершенно разные вещи), но для меня это вторая натура — ведь я вырос в семье, где было шестеро мальчишек, зато девочек не было вовсе. Надо сказать, мой интерес к процедуре примирения после драки у шимпанзе объясняется отчасти тем, что я не могу рассматривать агрессию исключительно как зло — а именно такой была преобладающая точка зрения в те времена, когда я только начинал свои исследования. На агрессивное поведение даже навешивали ярлык «асоциальное», а я никак не мог этого понять. Для меня потасовки и драки всегда были способом уладить отношения, а деструктивными они становились только в том случае, если у сторон отсутствовали сдерживающие начала или если после схватки никто не пытался навести мосты. Большую часть времени самцы шимпанзе прекрасно ладят друг с другом и во многом лучше, чем самки, умеют снимать напряжение в отношениях даже со злейшими соперниками при помощи долгих сеансов груминга. Копить обиды для самцов нехарактерно.

Но я вижу признаки сходства и с бонобо, особенно когда речь заходит об эмпатии и социальных функциях секса. Не то чтобы человек пользовался сексом так же свободно и публично, как они, но внутри человеческой семьи секс служит примерно тем же социальным клеем, как он примиряет бонобо. Я считаю их очень чуткими, гораздо более чуткими, чем шимпанзе. Стоит одной особи хотя бы слегка пораниться, и его тут же окружают сородичи, готовые осмотреть и вылизать рану или хотя бы разобрать шерсть и утешить бедняжку грумингом. Роберт Йеркс в книге «Почти человек» описал, как его бонобо заботился о серьезно заболевшем товарище, и отметил, что если бы он подробно описал поведение этой обезьяны, то его, по всей вероятности, обвинили бы в «идеализации приматов»¹¹.

Лишь недавно стало известно, как в мозгу бонобо встроена такая чувствительность. Первый намек дала особая группа нейронов, так называемые веретенообразные клетки. Предполагается, что эти клетки задействованы в механизмах самосознания, эмпатии, чувства юмора, самоконтроля и других человеческих привилегий. Первоначально их находили только у людей, но, как обычно бывает в науке, позже они были обнаружены и в мозгу человекообразных обезьян, в том числе бонобо. Затем пришло время исследований, в которых сравнивались конкретные зоны мозга у шимпанзе и у бонобо. Оказалось, что области, связанные с восприятием чужого страдания, такие как мозжечковая миндалина и передняя часть островковой доли мозга, у бонобо заметно крупнее. В мозгу этой обезьяны также хорошо развиты нейронные пути, позволяющие сдерживать агрессивные импульсы. Рассказывая об этих нейробиологических различиях, Джеймс Риллинг с коллегами делает

вывод о том, что мозг бонобо имеет физиологическую основу эмпатии.

«Мы предполагаем, что эта нейронная система поддерживает у бонобо не только повышенную эмпатическую чувствительность, но и такие поведенческие схемы, как секс и игра, задача которых — снижать напряжение и таким образом уменьшать дистресс* и тревожность до уровней, совместимых с просоциальным поведением».

Когда я впервые встретился с бонобо, об этом еще ничего не было известно, но теперь-то понятно, что я был прав: бонобо не такие, как остальные человекообразные обезьяны. Французы называют их «шимпанзе с левого берега» — как из-за необычного образа жизни, так и потому, что обитают они на южном берегу реки Конго, текущей на запад. Эта могучая река надежно отделяет их от шимпанзе и горилл, живущих на северном берегу. Тем не менее у бонобо и с гориллами, и с шимпанзе были общие предки, причем их общий с шимпанзе предок жил менее 2 млн лет назад. Вопрос на миллион долларов: на кого был похож этот предок — на бонобо или на шимпанзе? Иными словами, который из двух видов человекообразных обезьян ближе по внешности и поведению к тому примату, от которого происходим мы сами? На данный момент наиболее вероятным представляется вариант, по которому шимпанзе и бонобо нам равно близки, поскольку их ветви развития разделились много позже того момента, когда от их общего предка отделился человек. Согласно общепринятой оценке, ДНК у нас с ними общая на 98,8%, хотя другие расчеты дают для этого показателя «всего лишь» 95%.

---

* Дистресс — стресс, связанный с резкими отрицательными эмоциями и оказывающий разрушительное влияние на здоровье.

Недавняя публикация генома бонобо подтверждает, что у человека есть общие с бонобо гены, которые отсутствуют у шимпанзе, — и наоборот, есть общие с шимпанзе гены, которых у бонобо нет. Более детальные сравнения ДНК еще впереди, но уже сейчас ясно: довод о том, что об эволюции человека нам может рассказать только шимпанзе, лишился всяких оснований. Бонобо способен рассказать не меньше. Наш вид мозаично схож и с теми, и с другими высшими приматами или, как я уже говорил, человек — «биполярная обезьяна». В хороший день мы можем быть милы и ласковы не хуже бонобо, а в дурной — не уступим шимпанзе по деспотичности и жестокости. Как вел себя наш общий предок, неясно, но изучение бонобо, вероятно, даст нам необходимую информацию. Дело в том, что бонобо никогда не покидали влажного дождевого леса, тогда как шимпанзе в свое время переселились в полукрытое редколесье, а наши предки вообще покинули лес. Так что бонобо, скорее всего, испытывали наименьшее эволюционное давление. У них было меньше стимулов к изменению, а потому они могли сохранить больше первоначальных черт. Американский анатом Гарольд Кулидж пришел к такому же мнению, когда в 1933 г. заключил по результатам многочисленных вскрытий, что бонобо напоминают «общего предка шимпанзе и человека сильнее, чем любой из ныне живущих шимпанзе».

Глава 4

БОГ УМЕР ИЛИ ПРОСТО ВПАЛ В КОМУ?

Бесполезно разубеждать человека в том,
в чем он никогда не был убежден.

Джонатан Свифт

Однажды тихим воскресным утром я прогулялся из своего дома в Стоун-Маунтин (штат Джорджия) до дороги (а мы живем на вершине холма), чтобы взять из ящика газету. Рядом остановился кадиллак, и из него вышел крупный мужчина в официальном костюме. Он протянул мне руку и одновременно с крепким рукопожатием объявил гулким радостным голосом: «Ищу заблудшие души!» Я иногда бываю излишне доверчивым, но соображаю медленно, так что не сразу понял, о чем он говорит, и даже обернулся, подумав, что он, наверное, потерял собаку, но потом опомнился и пробормотал что-то вроде: «Я не слишком религиозен».

Разумеется, это было ложью, потому что я вовсе не религиозен. Тот человек, какой-то пастор, был ошарашен — правда, скорее моим акцентом, нежели ответом. Должно быть, он понял, что обратить европейца в свою веру — задача непро-

стая, поэтому вернулся в машину и укатил, не забыв, правда, оставить мне свою визитку на случай, если я передумаю. Столь многообещающее утро теперь заставило меня почувствовать, будто я непременно попаду прямиком в ад.

Я был воспитан в католичестве. И был не просто формальным католиком, как моя жена Катерина — во времена ее молодости многие католики во Франции почти не бывали в церкви, появляясь там только на три главных события: на крестины, венчание и отпевание, причем только на второе — по собственному сознательному выбору. Напротив, в южных районах Нидерландов — «ниже рек», как тогда говорили, — католицизм во времена моей молодости играл важную роль. Он определял нашу индивидуальность, отделял от живущих «выше рек» протестантов. Каждое воскресное утро мы надевали лучшие одежды и шли в церковь, а в школе изучали катехизис; мы пели, молились и исповедовались, и на каждой официальной церемонии непременно присутствовал священник или епископ, кропивший всех и вся святой водой (мы, дети, радостно подражали ему дома, размахивая ершиком для унитаза). Мы были католиками до мозга костей.

Но я давно уже не католик. В общении равно с религиозными и с нерелигиозными людьми я теперь пользуюсь одним-единственным четким критерием — и определяется он не тем, во что конкретно верит человек, а лишь уровнем его догматизма. Я считаю, что догматизм угрожает нам гораздо сильнее, чем религия как таковая. Особенно же мне любопытно, как может человек перестать верить, но сохранить при этом связанные с ней зачастую шоры. Почему сегодняшние «новые атеисты» так одержимы отрицанием существования Бога, что готовы неистовствовать в средствах массовой информации, носить футболки, декларирующие отсутствие у них веры,

и призывать к воинствующему атеизму?¹² Что может атеизм предложить такого, за что стоило бы так яростно сражаться?

Как сказал один философ, быть воинствующим атеистом — все равно что «яростно спать».

Утрата веры

Мальчишкой я был слишком подвижен, чтобы высидеть спокойно мессу от начала до конца. Для меня посещение церкви было чем-то вроде аверсивной дрессировки*. Я рассматривал происходящее там как кукольное представление с полностью предсказуемым сюжетом. Единственное, что мне по-настоящему нравилось, — это музыка. Я до сих пор очень люблю слушать мессы, страсти**, реквиемы и кантаты и не до конца понимаю, зачем Иоганн Себастьян Бах вообще брался писать светские произведения — ведь они откровенно хуже. Но помимо умения ценить великолепную церковную музыку Баха, Моцарта, Гайдна и других, за что бесконечно благодарен, я ничего не приобрел в церкви. Я никогда не чувствовал никакого влечения к религии, никогда не говорил с Богом и не ощущал с ним особой связи. В 17 лет я уехал из дома в университет, после чего быстро потерял все остатки религиозности. Никакой церкви. Едва ли это было сознательным решением — по крайней мере я не помню своих мучительных размышлений по этому вопросу. В то время меня окружали другие бывшие католики, но мы редко говорили на религиоз-

---

* Аверсивная дрессировка — отучение животного от нежелательного поведения путем отрицательного подкрепления, при котором нежелательные действия сопровождаются неприятными раздражителями.

** Здесь: страсти — форма оратории, посвященной крестным страданиям Христа.

ные темы — исключая, разумеется, шутки над папами, священниками, обрядами и т. п. Лишь позже, переехав в другой город на севере страны, я обратил внимание на сложные отношения, возникающие у некоторых людей с церковью и религией.

Значительная часть послевоенной голландской литературы написана бывшими протестантами, обиженными на своих родителей за суровое воспитание. «Все, что не предписано, запрещено» — таким было основное правило реформатской церкви. Настойчивые призывы к бережливости, обязательный черный цвет одежды, постоянное сражение против искушений плоти, частое чтение Библии за семейным столом и суровый Бог — все это несложно найти в тогдашних голландских книгах. Я пытался их читать, но мне никогда не удавалось далеко продвинуться — все это действовало слишком угнетающе! Церковная община внимательно следила за каждым и никогда не медлила с обвинениями. Мне приходилось слышать шокирующие рассказы из реальной жизни о венчаниях, с которых жених и невеста выходили в слезах (выслушав вдохновенную проповедь о наказании, ожидающем грешников). Даже на похоронах огонь неугасимый и сера могли быть призваны на голову усопшего, лежащего в свежевырытой могиле, — так, чтобы его вдова и остальные точно знали, что его ждет. Жизнеутверждающе, не правда ли?

В противоположность таким порядкам, если наш местный священник приходил в дом, он всегда мог рассчитывать на сигару и стаканчик местной можжевелевой водки — все знали, что духовенство любит хорошо пожить. Религия налагала кое-какие ограничения, особенно в репродуктивной сфере (контрацепция считалась недопустимой), но ад упоминался куда реже, чем рай. Южане гордятся своим жизнелюбием и считают, что нет ничего плохого в том, чтобы иногда

получать от жизни что-нибудь приятное. На взгляд северянина все мы, должно быть, представлялись аморальными типами, для которых в жизни нет ничего важнее пива, секса, танцев и хорошей еды. Это объясняет историю, услышанную мной однажды от индуса, который женился на голландке-кальвинистке с севера. Родители девушки представления не имели об индуизме, но считали: зять-индуист — это ничего, главное, что не католик. Для них многобожие значило меньше, чем еретический и греховный образ жизни, якобы проповедуемый ближайшей к их собственным верованиям церковью.

Южноголландское отношение к жизни видно на полотнах Питера Брейгеля¹³ и Босха, некоторые из них заставляют вспомнить карнавалы, предшествовавшие началу Великого поста. Карнавал в Ден Босе, который на это время переименовывается в Утелдонк*, проводится с размахом; он же празднуется в соседней католической части Германии, Кёльне или Аахене, откуда происходило семейство Босхов (фамилия его отца, ван Акен, отсылала именно к этому городу). Босху, должно быть, была прекрасно знакома шутовская карнавальная атмосфера, когда сословные различия исчезали за безликими масками. Как и известный Марди-Гра в Новом Орлеане, наш карнавал, по существу, представляет собой гигантскую сцену, где каждый может примерить на себя любую роль и вдохнуть глоток социальной свободы. «Сад земных наслаждений» достигает того же результата, изображая всех и каждого в чем мать родила. Я убежден, что у Босха это признак свободы, а не распущенности, как кажется некоторым**.

---

* По традиции все коммуны во время карнавала в Нидерландах меняют названия.

** Нагота и в древнерусской культуре имеет амбивалентное значение: она может символизировать грех и непристойность и вызывать смеховую реакцию, а может быть знаком чистоты.

Возможно, религия, от которой человек отказывается, определяет отчасти, каким будет его атеизм. Если религия не имела особого значения в жизни человека, то и отступничество не станет катастрофой и пройдет практически без последствий. Отсюда общая апатия моего поколения бывших католиков, которые в детстве постоянно выслушивали критику Ватикана из уст людей старшего поколения; кроме того, мы выросли в культуре, где религиозная догма разбавлялась любовью к жизненным удовольствиям. Культура тоже имеет значение: католики, выросшие в папистских анклавах выше рек, рассказывали мне, что их воспитание было таким же строгим, как и в соседских семьях реформистов. Религия и культура взаимодействуют так тесно, что католик из Франции совсем не похож на католика из южных Нидерландов, а тот, в свою очередь, — на католика из Мексики. Никто из нас не пополз бы на ободранных в кровь коленях вверх по ступеням собора, чтобы испросить прощения у Пресвятой Девы Гваделупской. Я слышал также, что американские католики акцентируют внимание на понятии вины в таких формах, которые я лично понять абсолютно не могу. Вероятно, дело не столько в религии, сколько в культуре, поэтому бывшие католики юга оглядываются на свое религиозное прошлое с гораздо меньшей горечью, чем бывшие протестанты севера.

Два голландских социолога, Эгберт Рибберинк и Дик Хаутман, говорят о себе так: первый из них «слишком верующий, чтобы быть атеистом», второй «слишком неверующий, чтобы быть атеистом». Эти ученые различают два типа атеизма. Атеисты одной группы не хотят очень уж подробно разбираться в своих взглядах и еще меньше желают защищать их. Они считают, что и вера, и ее отсутствие — частное дело человека, уважают выбор каждого и не видят необходимости беспоко-

ить других рассказом о своем выборе. Атеисты второй группы относятся к религии с негодованием и выступают против ее привилегий в обществе. Они не считают, что свое неверие следует держать при себе. Эти атеисты, заимствуя терминологию у гей-движения, говорят о том, что нужно «раскрываться», как будто нерелигиозность — это какая-то запретная тайна, которой они теперь хотят поделиться со всем миром. По существу, разница между двумя типами атеизма заключается в том, насколько частным делом они считают отношение к религии.

Такой подход к вопросу секуляризации мне нравится больше, чем обычный, при котором просто подсчитывается, сколько людей верит в Бога, а сколько не верит. Возможно, когда-нибудь он поможет мне подтвердить тезис о том, что активный атеизм отражает давнюю травму. Чем строже религиозное воспитание, тем сильнее стремление пойти против религии и заменить прежние постулаты новыми.

Последовательный догматизм

В США значение религии принимает угрожающие размеры, подобно слону. Отсутствие веры — едва ли не самый серьезный порок для политика, который рассчитывает победить на выборах; это хуже, чем гомосексуализм, отсутствие семьи, третий брак или неподходящий цвет кожи. Неприятно, конечно, и вполне объясняет, почему атеисты сегодня так громко заявляют о своих правах на место под солнцем. Они пытаются потыкать слона, чтобы посмотреть, не подвинется ли он немножко, не освободит ли местечко. Но и без слона им места нет, ибо какой смысл в атеизме, если нет религии?

Американское телевидение тоже не остается в стороне и иногда, будто для того, чтобы дать зрителям отдохнуть от этой

неравной борьбы, вносит в нее комическую нотку в своей непревзойденной манере. Так, в студию передачи «Фактор О’Рейли», идущей на канале Fox News, был приглашен Дэвид Силверман, президент Американской атеистической организации. Темой обсуждения стали рекламные щиты, на которых религия объявлялась «надувательством». Во время интервью Силверман, сохраняя соответствующее выражение лица, утверждал, что беспокоиться не о чем, поскольку эти рекламные щиты всего лишь говорят народу правду: «Все мы знаем, что религия — это надувательство!» Однако католик Билл О’Рейли выразил свое несогласие с этим тезисом и по-своему пояснил, почему религия *не является* надувательством. «Вот прилив, вот отлив. Все слажено и устроено. Вы никогда этого не объясните». Я, честно сказать, впервые услышал, как приливы и отливы используют в качестве доказательства бытия Божия. Вообще, вся передача напоминала комедийную зарисовку, когда один улыбающийся актер говорит верующим, что они слишком глупы и потому не видят, что религия — чистый обман, но обижаться на правду глупо, а другой утверждает, что периодический подъем и отлив воды в океанах доказывает вмешательство сверхъестественной силы, как будто гравитационных сил и вращения планеты для этого недостаточно.

Лично я в подобных «обменах мнениями» вижу лишь свидетельство того, что верующие в защиту своей веры готовы сказать что угодно и что некоторые атеисты превратились в проповедников. В первом нет ничего ни нового, ни удивительного, а вот истовость атеистов не перестает меня удивлять. Зачем «яростно спать», если нет необходимости обуздывать внутренних демонов? Может быть, некоторые атеисты втайне жаждут религиозной убежденности, как пожарные иногда ока-

зываются тайными поджигателями, а гомофобы — скрытыми гомосексуалистами? Возьмите хотя бы Кристофера Хитченса, покойного британца — автора книги «Бог не любовь». Его бесил догматизм религии, хотя сам он перешел от марксизма (он был троцкистом) сначала к православному, затем к американскому неоконсерватизму, а от него — к «антитеистической» позиции, которая во всех проблемах мира обвиняет религию¹⁴. Таким образом, Хитченс круто изменил взгляды с левых на правые: если когда-то он протестовал против войны во Вьетнаме, то потом стал едва ли не глашатаем войны в Ираке; если когда-то защищал Бога, то потом выступал исключительно против. В конце жизни он готов был Дика Чейни* поставить выше матери Терезы.

Некоторые люди жить не могут без догмы, но не в состоянии решить, в чем же эта догма должна заключаться. Они становятся серийными догматиками. Хитченс признавал: «Бывают дни, когда мне остро не хватает прежних убеждений, как может не хватать ампутированной конечности», — подразумевая таким образом, что вступил в новый период жизни, отмеченный сомнениями и рефлексией. Тем не менее заканчивалось все очень просто: у него «отрастала» новая догматическая «конечность».

У догматиков есть одно преимущество: они плохо умеют слушать. И если в одном месте собирается несколько разных догматиков, возникает великолепный, блестящий спор. Примерно так же глухари собираются на току, чтобы продемон-

---

* Ричард Брюс (Дик) Чейни (р. 1941) — американский политический деятель, республиканец; работал в администрациях четырех президентов США. Критик администрации Барака Обамы, выступает за возвращение разрешения пыток в США. В 2006 г. был претендентом на всемирное звание «Самый глупый человек года».

стрировать самкам великолепие своего голоса и оперения. Слушая подобные дискуссии, можно поверить в «теорию» спорщиков»; согласно ей разум развился, чтобы блеснуть красноречием в споре, а не для постижения истины. Университеты один за другим устраивают дебаты между религиозными и антирелигиозными «интеллектуальными гигантами», и эти дебаты привлекают толпы слушателей. Одна подобная дискуссия имела место в 2009 г. на крупной научной конференции в городе Пуэбла (Мексика). Сам я принимал участие в работе другой, более серьезной секции, но вместе с 4000 других людей присутствовал в зале, когда аудиторию разогревали перед настоящей словесной войной. На вопрос, верят ли они в Бога, руки подняли около 90% присутствующих. Сама дискуссия была организована в откровенно антиинтеллектуальном стиле. На сцене устроили боксерский ринг (веревки на стойках, красные боксерские перчатки в углу), а участники выходили на сцену по одному под воинственную музыку. Состав спорщиков оригинальностью не отличался. Помимо Хитченса там были Динеш Д’Суза, Сэм Харрис, философ Дэн Деннетт и раввин Шмули Ботич.

Я бы очень удивился, если бы хоть один человек из присутствовавших в зале изменил в результате этой дискуссии свое отношение к религии — из верующего стал неверующим или наоборот. В ходе представления мы узнали, с одной стороны, что религия — источник всяческого зла и сильно уступает науке в качестве средства познания окружающего мира, а с другой — что без религии не было бы ни нравственности, ни надежды для тех, кто боится смерти. Без Бога правила морали становятся «всего лишь эвфемизмом для обозначения личного вкуса», восклицал раввин, потрясая руками над головой, как будто подбрасывая тесто для пиццы. Остальные

говорили бесцветным, почти угрожающим тоном, как будто каждому, кто посмеет проигнорировать их послание, уготованы всяческие беды. Бог — не тема для шуток.

У меня же при виде этого цирка так и остался нерешенным вопрос по поводу атеистов-проповедников. Несложно понять, почему все религии стараются обратить людей в свою веру. Это крупные организации, денежные интересы и успех которых напрямую зависит от числа сторонников. Они строят соборы вроде того, что я посетил в Пуэбла, и часовни, такие как дель-Росарио с богатейшей позолоченной лепниной (а золото там в 23,5 карата). Я никогда не видел такого ослепительного интерьера, оплаченного, вероятно, несколькими поколениями бедных мексиканских земледельцев. Но зачем атеисту становиться мессией? И зачем выбирать мишенью лишь одну из религий, противопоставляя ее тем самым всем остальным? Харрис, к примеру, постоянно нападает на ислам, объявляя его главным врагом Запада, причем критика его касается лишь черт, которые критиковать легче всего. Покажите слушателям несколько фотографий неадекватных действий верующих, расскажите об инфибуляции* — и кто станет оспаривать ваше отвращение к религии? У меня все это тоже вызывает тошноту, но если Харрис хочет показать, что религия не обеспечивает нравственности, то зачем выбирать именно ислам? Разве операции на гениталиях не распространены в США, где новорожденным мальчикам нередко делают обрезание, не спрашивая на то их согласия? Чтобы обнаружить в моральном ландшафте страшные места, необязательно ехать в Афганистан.

---

* Инфибуляция — операция на гениталиях, делающая невозможным совершение полового акта. Женская инфибуляция представляет собой зашивание влагалища, мужская — крайней плоти.

Если одни религии хуже других, то, очевидно, какие-то должны быть лучше. Я с удовольствием выслушал бы мнение атеиста о том, какой должна быть хорошая религия, или о том, почему разные религии предписывают разное моральное поведение. Может быть, религия и культура так переплетены между собой, что единой универсальной морали вообще не существует? Но вместо размышлений на эти темы аудиторию просто разжигают при помощи демонстрации чуждых этой культуре обычаев — а это очень просто, не сложнее, чем смутить человека демонстрацией распиленного бензопилой трупа.

Да еще навязший в зубах миф о том, что наука во всех мыслимых сферах превосходит религию и что наука отвлекает от религии и наоборот, как в игре с нулевой суммой. Такой подход унаследован нами от американских полемистов XIX в., объявивших во всеуслышание, что, если бы все зависело от религии, мы до сих пор верили бы в то, что Земля плоская. Но это заявление — чистая пропаганда. Рассуждения о шарообразности нашей планеты берут начало от Аристотеля и других древних греков, и каждый серьезный ученый «темных веков», разумеется, знал о них. У Данте в «Божественной комедии» земля сферическая, а на внешних створках «Сада земных наслаждений» Босха изображен промежуточный подход: плоская земля плавает в прозрачном пузыре в окружении черного космоса. Заявляют также, что религия — убежденная противница теории эволюции, забывая при этом, что Римско-католическая церковь никогда формально не осуждала теорию Дарвина и не включала его произведения в Индекс (список запрещенных книг). Ватикан признал эволюцию состоятельной теорией, не противоречащей христианской вере. Правда, признание это состоялось довольно поздно, но приятно созна-

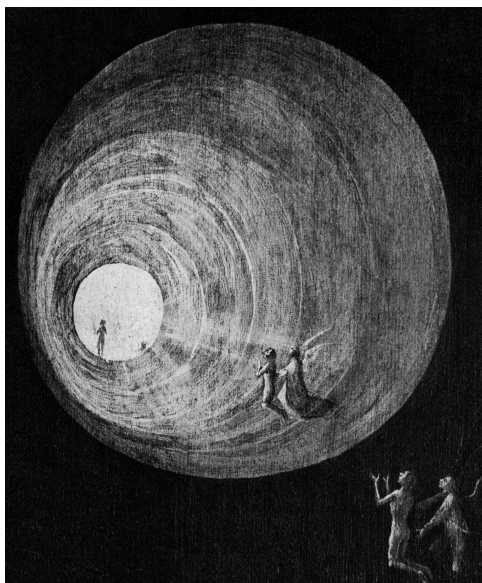
вать, что сопротивление теории эволюции почти полностью ограничивается протестантами-евангелистами американского Юга и Среднего Запада.

Отношения между наукой и религией всегда были сложными: существовали и конфликты, и взаимное уважение, и покровительство науки со стороны Церкви. Первыми копировальщиками книг, на которых воздвигалось здание науки, были раввины и монахи, а первые университеты выросли из церковных и монастырских школ. Папство активно способствовало созданию и развитию университетов. В Париже, в одном из первых университетов, студенты даже выбривали себе тонзуру на голове, чтобы показать верность церкви, а древнейший документ в архиве Оксфордского университета — Хартия папского легата 1214 г. Учитывая эту неоднозначность отношений науки и религии, историки в большинстве своем подчеркивают их диалог или даже сотрудничество.

Однако неоатеисты упорно сталкивают их друг с другом. Их аудитория готова уписаться от восторга, когда лектор запускает в зал старую утку про плоскую Землю. При этом нельзя сказать, что выступления сторонников религии звучат намного лучше. Они тоже стараются взять что попроще и вольно обращаются с фактами. Так, в Пуэбла Д'Суза утверждал, что предсмертные переживания научно доказывают существование загробной жизни. Известно, что, побывав на грани жизни и смерти, некоторые пациенты рассказывают о том, как вылетали из собственного тела или попадали в световой туннель. Подобные переживания и правда кажутся странными, но Д'Суза забыл рассказать о новых нейробиологических данных о небольшом участке мозга, известном как ВТС, или височно-теменное соединение. Эта область мозга собирает информацию от множества органов чувств (зрительных,

тактильных и вестибулярных) и создает на ее основе единый образ собственного тела и его места в окружающем мире. В нормальных условиях данные всех органов прекрасно согласуются между собой, образ получается цельным, и мы знаем, кто мы такие и где находимся. Однако при повреждении или искусственном стимулировании ВТС при помощи электричества образ тела искажается. Ученые могут намеренно заставить человека почувствовать себя парящим над собственным телом или глядящим на него сверху — а то и показать ему копию самого себя, тенью сидящего рядом («Я выглядел моложе и свежее, чем выгляжу теперь. Мой двойник дружелюбно улыбнулся мне»). Учитывая галлюциногенные свойства анестетиков и действие кислородного голодания на мозг, наука, судя по всему, уже очень скоро сможет дать предсмертным переживаниям вполне материалистическое объяснение.

Раввин Ботич, защищая религию, тоже прибег к сомнительным доказательствам. Он рассказал, что многие семьи заботятся о детях с синдромом Дауна и что они никогда не стали бы этого делать, если бы не религия. Они просто избавились бы от «дефективных» отпрысков, сказал он. Шаткость этого утверждения, как уже говорилось в предыдущей главе, связана с тем, что археологические данные говорят о другом. Род человеческий обладает настолько мощным воспитательным инстинктом, что оставить ребенка без внимания или вовсе отказаться от него очень нелегко, в каком бы состоянии этот ребенок ни был. Я не говорю, что такого не случается, но задолго до возникновения любой из современных религий и неандертальцы, и ранние люди заботились о больных и слабых. То же можно сказать и о наших родичах-приматах. Примеров множество, но я ограничусь двумя, свидетелями которых я был лично.

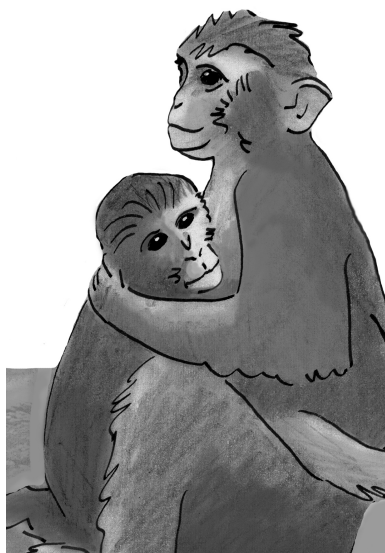
На картине «Восхождение в эмпирей» Босха (из цикла «Блаженные и проклятые») изображен световой туннель. Обычно подобный образ связывают с предсмертными переживаниями, которые с древнейших времен служили основой для мифологии и религии

Макака-резус Азалия родилась с тремя копиями одной хромосомы, в точности как при синдроме Дауна у людей. Кроме того, родилась она у самки, уже перешагнувшей порог того возраста, в котором макаки обычно беременеют. Азалия выросла в зоопарке в большой группе обезьян и все время сильно отставала и в двигательном развитии, и в социальных навыках. Она частенько совершала немыслимые нарушения обычаев: так, она запросто могла пригрозить альфа-самцу. Вообще, макаки-резус сурово наказывают всякого, кто нарушает правила, но Азалии все сходило с рук, как будто остальные обезьяны понимали, что никакая взбучка не изменит ее состояния. Мы, люди-наблюдатели, любили Азалию за ласковый

нрав, и, кажется, члены обезьяньей стаи тоже ее любили. Она умерла естественной смертью в возрасте трех лет.

И второй пример. Японская макака Мозу в парке Дзиго-кудани в японских Альпах ходила с большим трудом, а лазить не могла вообще, потому что у нее от рождения не было ни кистей, ни стоп. Зимой — а зимы в том районе суровые — ей приходилось брести по глубокому снегу, тогда как ее сородичи легко прыгали с ветки на ветку. Японские документалисты часто снимали Мозу, она стала настоящей звездой экрана. Будучи полностью интегрированной в стаю, она прожила долгую жизнь и вырастила по крайней мере пятерых детенышей. Я видел Мозу высоко в горах и обратил внимание на то, что большую часть времени она проводила с сородичами, вдали от людей, так что вряд ли можно было объяснить выживание такой обезьяны дополнительным питанием, которое она получала от туристов. Правда, нет данных и о том, что другие обезьяны активно ей помогали; тем не менее история Мозу показывает, что особи, страдающие физическими недостатками, в обществе приматов могут полноценно жить и иметь потомство. Точно так же и человеческая жизнь до возникновения религии необязательно представляла собой сражение всех против всех. Так что влияние религии проявляется не столько в том, что она заставляет нас делать что-то, чего мы иначе не стали бы делать, сколько в поддержании и развитии некоторых естественных склонностей. Очевидно, ее вклад намного скромнее, чем имел в виду раввин.

Догматики бьют в свои барабаны так ярко, что совершенно не слышат друг друга. С другой стороны, слушатели не в курсе, что это шоу путешествует по миру практически в неизменном виде, с одними и теми же оппонентами, которые раз за разом повторяют одно и то же, изображают удив-

Макака-резус Азалия, как дети с синдромом Дауна, родилась с тремя копиями одной из хромосом. Она сильнее зависела от окружающих, чем другие малыши-макаки. На рисунке старшая сестра держит ее как младенца в том возрасте, в котором со здоровыми макаками так уже не обращаются. Несмотря на умственную отсталость, она была прекрасно интегрирована в обезьянье сообщество и принята остальными его членами

ление и ловят друг друга на слове. Одиноким голосом разума в Пуэбла звучал голос Дэна Деннетта, который говорил о религии не как о чем-то отвратительном, а скорее как о явлении, которое необходимо изучать в качестве формы человеческой социализации, более того, человеческой природы. Ясно, что религия создана человеком, поэтому вопрос стоит так: а какая от нее польза? Рождены ли мы, чтобы верить, и если да, то почему? Деннетт, в отличие от неоатеистов, с которыми его частенько путают, не слишком убежден в том, что религия иррациональна или что мир станет лучше, если ускорить ее конец. Он замечает: «В этом смысле я все еще агностик»¹⁵.

Помет в часах с кукушкой

Мой первый опыт прозелитизма был почти неправдоподобно комичным. В то время я жил в комнате на четвертом этаже университетского общежития в Гронингене*. Однажды утром я услышал стук в дверь и, открыв ее, увидел перед собой двух молодых американских мормонов в пиджаках и галстуках. Мне было интересно узнать побольше об их вере, и я пригласил их войти. Они тут же установили в комнате опорную стойку, доску и разместили на ней вырезанные из фетра фигурки и этикетки с текстами, иллюстрировавшие историю американца с обычной фамилией, которому довелось узреть Господа в столпе света. Позже ангел привел его к священным текстам, начертанным на золотых пластинах. И все это произошло всего лишь чуть больше века назад.

Я слушал их небылицы и только собирался задать вопрос о том, как этот самый Джозеф Смит (Joseph Smith)** сумел убедить других в своей необыкновенной встрече, как нас грубо прервали. Я тогда часто оставлял окно открытым, чтобы мой ручной галчонок Тянь мог свободно влетать в комнату и вылетать обратно. Вне помещения он был совершенно свободен, но к сумеркам всегда возвращался; я кормил его и запира́л в комнате на ночь. Пока молодые люди терпеливо пересказывали мне явление Бога в пещере, Тянь влетел в комнату и начал присматривать себе место для посадки. Как обычно, он выбрал самую высокую точку, которой оказалась голова одного из мормонов, стоявшего перед своей доской. Тот

---

* Гронинген — город на севере Нидерландов.

** Джозеф Смит (1805–1844) — американский религиозный деятель, основатель Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и движения Святых последних дней (основная ветвь которого — мормонизм).

меньше всего ожидал увидеть большую черную птицу, сажающуюся прямо на него. Увидев панику на его лице, я поспешил объяснить, что это всего лишь Тяня, ручная птица, имеющая кличку, и что он никого не обидит. Никогда не видел, чтобы два человека так быстро собирались: не прошло и минуты, а гости уже выскочили за дверь и бросились к лифту. А пока они, торопливо хватая вещи, обменивались короткими фразами, я ясно услышал что-то про «дьявола».

С раннего детства я выкармливал Тяня самыми жирными червяками, каких только мог найти, поэтому он вырос очень крупным для своего вида. Он был очень любопытным и общительным типом и любил летать над моей головой во время прогулок в парке. При этом, разумеется, птица была черной, шумной и похожей на ворона, чем и напомнила мормонам существо, способное украсть у них души. В результате они так и не ответили на мой вопрос; у них также не было возможности объяснить мне, как Смиту удалось перевести текст на золотых пластинах, написанный «переделанным египетским письмом», посмотрев на «камешки с дырочкам» на своей шляпе. Смит был достаточно умен, чтобы заранее посочувствовать будущим скептикам: «Если бы я не пережил всего этого, я бы и сам ни за что не поверил».

Так почему люди поверили Джозефу Смиту? При жизни новоявленный пророк часто становился объектом насмешек и вызывал враждебность (он был убит толпой линчевателей в возрасте 38 лет), но сегодня Церковь Иисуса Христа Святых последних дней насчитывает 14 млн последователей. Очевидно, что верующие не ищут доказательств, поскольку единственную материальную вещь, которая могла бы помочь в этом вопросе, — комплект золотых пластин — пришлось вернуть ангелу. Люди верят просто потому, что *хотят* верить.

Это относится ко всем религиям без исключения. Вера развивается под влиянием конкретных личностей, историй, обрядов и ценностей. Она удовлетворяет эмоциональные нужды человека, такие как потребность в безопасности и моральном авторитете, а также желание принадлежать к какому-нибудь сообществу. Теология здесь вторична, а доказательства значат еще меньше. Я согласен с тем, что вещи, в которые адепты религии просят человека поверить, часто абсурдны, но атеистам ни за что не удастся уговорить людей отказаться от веры при помощи насмешек над достоверностью священных книг или сравнения их Бога с Летающим макаронным монстром. Конкретное содержание верований едва ли имеет значение, если конечной целью является ощущение социальной и моральной общности. Позаимствовав название романа Эми Тан, можно сказать, что критиковать веру — все равно что спасать тонущую рыбу*. Бессмысленно вытаскивать верующих из озера и втолковывать им, как для них будет лучше, если при этом легкомысленно оставить их на суше, где они мечутся и бьются, пока не испустят дух. Ведь они оказались в озере неслучайно.

Если принять, что вера возникает под влиянием ценностей и желаний, то можно сразу же увидеть здесь не только большую разницу с наукой, но и нечто общее; дело в том, что наука опирается на факты в значительно меньшей степени, чем считается. Не поймите меня превратно, наука добивается прекрасных результатов. Там, где речь идет о понимании физической реальности, она не имеет себе равных, но зачастую она так же, как религия, основывается на том, во что нам *хочется*

---

* Эми Тан (р. 1952) — американская писательница китайского происхождения. Автор имеет в виду ее книгу «Спаси тонущую рыбу» (Saving Fish from Drowning) (2005).

верить. Ученые тоже люди, а людям свойственны качества, которые психологи называют «предвзятостью подтверждения» (confirmation biases; мы обожаем доказательства, подтверждающие наши собственные взгляды) и «предвзятостью несоответствия» (disconfirmation biases; мы отбрасываем доказательства, которые могут поколебать наше мнение)*. Тот факт, что ученые систематически противятся новым открытиям, еще в 1961 г. был описан на известных страницах журнала *Science*, редакция которого добавила к названию статьи озорной подзаголовок: «Происхождение этого сопротивления еще предстоит изучить по религиозным и идеологическим источникам».

В качестве аналогии можно назвать пример с искажением вкуса. Человек так хорошо помнит пищу, которой однажды отравился, что начинает давиться при одной мысли о ней. Подобная реакция очень полезна для выживания, но нарушает догмы бихевиоризма. Бихевиоризм, основанный Б. Скиннером, утверждает, что всякое поведение формируется под воздействием системы поощрений и наказаний, которые работают тем лучше, чем меньше интервал между действием и его последствиями. Так что, когда американский психолог Джон Гарсия сообщил, что крысы отказываются есть отравленную пищу уже после одного-единственного случая отравления, хотя тошнота наступает лишь через несколько часов, никто ему не поверил. Ведущие ученые позаботились о том, чтобы его статья не попала ни в один из основных научных журналов.

---

* В русской психологической лексике, похоже, нет точных аналогов для этих терминов. Существует предложение объединить термином «предвзятость подтверждения» оба смысла: и охотное принятие аргументов, подтверждающих мнение субъекта, и отрицание аргументов, способных подорвать сложившееся мнение.

Автор получал отказ за отказом, и самым позорным из них стало письмо, в котором говорилось, что описываемые им события не более вероятны, чем обнаружение птичьего помета в часах с кукушкой. Сегодня «эффект Гарсия» признан всеми, но первая реакция на него хорошо показывает, как сильно ученые ненавидят неожиданности.

У меня в жизни тоже был аналогичный случай. Произошло это в середине 1970-х гг., и речь шла о том, что шимпанзе после драки, мирясь, целуют и обнимают своих противников. На сегодняшний день стратегии примирения наблюдаются у многих приматов, но тогда одной из моих студенток потребовалось защищать результаты этого исследования перед комиссией психологов, и чего только она не наслушалась. Мы наивно полагали, что эти психологи, прежде работавшие только с крысами, не могут основательно рассуждать о приматах, однако ученые твердо стояли на своем и утверждали, что примирение у животных невозможно. Это противоречило их взглядам, ведь зоопсихология полностью исключала из рассмотрения эмоции, социальные отношения и вообще все, что делает животных интересными. Я попытался переубедить их, пригласив в зоопарк, где работал; там они могли бы увидеть своими глазами, что делают шимпанзе после драки. Однако на это предложение последовал поразительный ответ: «Какой смысл смотреть на реальных животных? Нам проще остаться объективными без этого постороннего влияния».

Говорят, один древний лидийский царь как-то пожаловался, что «людские уши не так доверчивы, как их глаза». Только здесь все было наоборот: исследователи боялись, что глаза скажут им что-то такое, чего они не хотели слышать. Ученые, как и прочие представители рода человеческого, отвечают на новые данные проверенной стратегией «дерись

или беги»: они рады привычному и избегают неизвестного. Я вспоминаю об этом всякий раз, когда слышу утверждения неоатеистов, что отрицание бытия Божьего делает их по определению проникательнее верующих и более рационально мыслящими. Им нравится представлять себя свободными от эмоций мыслителями: «Только факты, мадам, ничего кроме фактов». Коллега-биолог Джерри Койн, называющий себя «гну-атеистом» (да, именно «гну», как в названии антилопы, что по-голландски означает «дикое животное»), в колонке *USA Today* назвал веру и науку совершенно несовместимыми «в точности по той же причине, по которой несовместимы рациональность и иррациональность». Затем он попробовал изобразить над головами ученых ореол святости:

«Наука использует в своей деятельности надежную информацию и разум. Сомнение оценивается высоко, авторитет отвергается. Ни одно открытие не считается “достоверным” — это понятие всегда приблизительно, — если оно не повторено и не проверено другими. Мы, ученые, всегда спрашиваем себя: “Как можно проверить, не ошибаюсь ли я?”»

О, как бы мне хотелось работать с такими коллегами, каких описал Койн! всю свою жизнь я провел в академической среде и могу сказать, что для ученого услышать о своей ошибке столь же приятно, как найти таракана в кофе. Типичный ученый — это тот, кто в начале карьеры делает интересное открытие, а всю оставшуюся жизнь заботится о том, чтобы все остальные уважали его вклад и никто бы в нем не усомнился. Трудно вообразить что-то более скучное, чем компания пожилого ученого, которому не удалось этого добиться. Среди уче-

ных процветает мелкая ревность, они долго цепляются за свои взгляды уже после того, как те устаревают, и расстраиваются всякий раз, когда появляется новая информация, которой они не ждали. Оригинальные идеи вызывают насмешки или вообще отвергаются как невежественные. Не так давно пионер нейробиологии Майкл Газзанига пожаловался в интервью:

«Люди и идеи, которые “были когда-то первыми”, оказывают сильнейшее тормозящее действие на пути нового. Они пересказывают свою историю снова и снова, а тем временем новые наблюдения с трудом пробиваются наверх. Старая шутка, что человеческие знания прибывают с каждым похороном, оказывается очень верной!»

Вот это больше похоже на известных мне ученых. Авторитетность ученого при оценке фактов перевешивает последнее, по крайней мере до тех пор, пока жив носитель авторитета. Можно привести множество исторических примеров, таких как неприятие волновой теории света, теории брожения Пастера, теории дрейфа материков; нелишне вспомнить, как было воспринято объявление Рентгена об открытии излучения, которое поначалу вообще объявили мистификацией. Бывает в науке и обратное, когда ученые, игнорируя факты, предпочитают держаться за неподтвержденные, но общепринятые представления и методы (такие как тест Роршаха с кляксами или насаждение идеи об эгоизме всего живого). Исследователи превозносят «достоверность» и «красоту» теорий и оценивают их в соответствии с тем, как, по их мнению, устроен или должен быть устроен окружающий мир. Более того, наука настолько перегружена оценками, что Альберт Эйнштейн вообще отрицал сведение ученых занятий лишь

к наблюдениям и измерениям, полагая, что наши представления об окружающем мире порождаются в равной мере теорией и наблюдением. Когда меняются теории, методы и результаты наблюдений приводят в соответствие с ними.

Если вера заставляет человека принять полный набор мифов и ценностей, не задавая лишних вопросов, то и ученые ведут себя в этом отношении не намного лучше. Мы тоже берем на вооружение определенный взгляд на мир, не оценивая и не взвешивая критически каждое предположение из тех, что положены в его основу, и часто пропускаем мимо ушей все, что не укладывается в готовую схему. Иногда мы, подобно психологам из комиссии моей студентки, намеренно отказываемся от возможности узнать больше. Но даже если ученые едва ли более рациональны, чем верующие, а само представление о беспристрастном разуме основано на гигантской ошибке (мы не в состоянии даже *думать* без эмоций), все же между наукой и религией существует одно очень серьезное различие. Дело не в отдельных приверженцах того или другого, а в общей культуре. Наука — это коллективное предприятие, правила которого позволяют целому продвигаться вперед в любых обстоятельствах, даже если его отдельные части тормозят движение.

Дарвинисты заслуживают премии Дарвина*

Лучше всего наука умеет устраивать состязание идей. Она запускает что-то вроде естественного отбора, так что лишь самым жизнеспособным теориям удастся выжить и воспро-

---

* Премия Дарвина — ежегодно присуждаемая премия за самую нелепую или глупую смерть или лишение способности иметь потомство, что, как саркастически замечено, вносит вклад в улучшение генофонда человечества.

изводиться. Представим, к примеру, следующую ситуацию. Я, скажем, уверен, что жизнь продолжается посредством крошечных гомункулов, сидящих в спермиях. Вы же, наоборот, считаете, что это делается посредством смешивания особенностей обоих родителей. Тут-то и появляется безвестный моравский монах с мешочком гороха. При помощи перекрестного опыления он наглядно показывает, что признаки передаются потомству от обоих родителей, не смешиваясь при этом. Они могут быть доминантными, рецессивными, гомозиготными или гетерозиготными. Какая нелепая сложность!

Теория с гомункулом была красивой и простой, но, к сожалению, не могла объяснить, почему отпрыск так часто походит на мать. Смешение признаков тоже выглядело прекрасно, но со временем неизбежно привело бы к полному исчезновению всякого разнообразия, поскольку вся популяция постепенно сошлась бы к чему-то среднему. Работу монаха сначала встретили критикой, потом отбросили и забыли. Наука оказалась просто не готова к ней. К счастью, через несколько десятков лет эти идеи, объясняющие наследственность, были открыты заново. Научное сообщество сравнило теории, пригляделось к фактам, прислушалось к аргументам и начало постепенно склоняться к предложенному монахом объяснению. А поскольку его эксперименты удалось успешно повторить, то сегодня Грегор Мендель считается основателем генетики.

В противоположность описанному религия статична. Она меняется, когда меняется общество, но это редко происходит под давлением фактов. Отсюда потенциальный конфликт с наукой — такой, к примеру, как нескончаемая драка по поводу эволюции. В данном конкретном случае, надо сказать, спорным оказывается вопрос относительно пустяковый, по крайней мере для биолога. То, в каком родстве состоит человек

с остальной природой, едва ли составляет суть эволюционной теории, но для религиозных очернителей это главный камень преткновения. Возражений против эволюции растений, бактерий, насекомых или других животных почти не слышно: все сводится к нашему собственному драгоценному виду. Если мы не созданы Богом, говорят приверженцы религии, значит, наше существование лишено цели. Чтобы до конца понять эту одержимость проблемой происхождения человека, следует вспомнить, что иудеохристианская традиция возникла там, где ничего или почти ничего не знали о других приматах. Кочевникам пустыни были знакомы только антилопы, змеи, верблюды, козлы и т. п. Неудивительно, что между человеком и животным они видели зияющую пропасть и признавали существование души только у себя. Их потомки были потрясены до глубины души, когда в 1835 г. в Лондонском зоопарке впервые были показаны живые человекообразные обезьяны. Публика чувствовала себя оскорбленной и не могла скрыть отвращения. Королева Виктория назвала обезьян «болезненно и раздражающе похожими на человека».

В социальных и гуманитарных науках идея исключительности человеческого рода сохраняется и сегодня. Эти науки так сопротивляются всяким сравнениям человека с другими животными, что их беспокоит даже словосочетание «с другими». Напротив, естественные науки, менее связанные с религиозностью, неудержимо движутся к признанию все большего и большего единства человека и животного. Карл Линней уверенно поместил *Homo sapiens* в отряд приматов; молекулярная биология выяснила, что ДНК человека и человекообразной обезьяны почти полностью совпадают; нейробиологии пока не удалось найти ни одного участка человеческого мозга, для которого не нашлось бы соответствия в мозгу обе-

зьян. Именно эта преемственность вызывает споры. Если бы мы, биологи, могли обсуждать эволюцию, вообще не упоминая человека, никто бы не стал ломать копыта по поводу этой теории. Реакция была бы примерно такая же, как относительно наших дискуссий, считать ли утконоса млекопитающим или как работает хлорофил. Кому какая разница, кроме ученых?

До переезда в США я почти ничего не знал о скептицизме в отношении эволюции и уверенно относил его к числу других малопонятных национальных особенностей, таких как любовь к оружию или презрительное отношение к футболу. Но я в очередной раз убедился, что отрицание эволюции не более по-американски, чем обычный яблочный пирог, когда в 2011 году слушал ответы претенденток на конкурсе «Мисс США». Сорок девять из 51 претендентки на вопрос, следует ли преподавать эволюцию в школах, желая, видимо, подстраховаться, уклонились от ответа. Эволюция пока не доказана, говорили они, к тому же существует много религиозных взглядов и других научных теорий, так что знакомить учеников нужно со всеми точками зрения. Мисс Алабама даже сказала, что эволюцию вообще не надо изучать. Однако в данном случае божья справедливость восторжествовала, и титул завоевала Мисс Калифорния, которая не только одобрила эволюцию, но и сказала, что буквально «помешана на науке».

Не менее 30% американцев воспринимают Библию как реальное слово Божие. Вдвое больше, однако, тех, кто считает Библию либо боговдохновенным текстом, который не следует понимать буквально, либо книгой, содержащей жития святых и моральные предписания¹⁶. Это важно знать тем, кто пытается популяризировать эволюционную теорию. Их главной целевой аудиторией является (или должно являться) именно это «небуквалистское» большинство, поскольку оно спо-

собно прислушаться к аргументам. Но, разумеется, не в том случае, когда дискуссия начинается с пощечины. К несчастью, разговоры о несовместимости науки и религии не проходят бесследно. Из них религиозные люди узнают, что, какими бы свободномыслящими и далекими от догматизма они ни были, науки они в любом случае не достойны. Сначала они должны отвергнуть свою веру, все, что им дорого. Настойчивость неотеистов в их пуризме представляется мне очень религиозной. Не хватает только чего-то вроде церемонии крестин, на которой верующие публично каялись бы, прежде чем получить доступ в «рациональную элиту» неверующих. По иронии судьбы монах-августинец, выращивавший в монастырском саду горох, вряд ли был бы допущен в это избранное общество.

Наиболее известным публичным защитником теории эволюции в США являлся Стивен Джей Гулд*. В лучшую свою пору он был настолько популярен, что в одиночку тащил целый журнал *Natural History*, от которого после его смерти осталась лишь бледная тень. Гулда всегда было интересно читать; особенно увлекательными оказывались его экскурсии в историю науки, которую он, казалось, знал как свои пять пальцев. Не обязательно соглашаться со всеми его заявлениями и приводимыми фактами — а я ни в коем случае не могу во всем с ним согласиться, — чтобы признать, что он был лицом теории эволюции и ее активнейшим пропагандистом. Гулд писал с таким заразительным энтузиазмом, что тысячи молодых американцев пришли в науку под его влиянием.

Защищая эволюцию, он не забывал постоянно предупреждать об опасности расизма и генетического детерминизма, которые в прежние времена связывались с ней в общественном

---

* Стивен Джей Гулд (1941–2002) — американский палеонтолог, биолог-эволюционист, историк и популяризатор науки.

сознании. Гулд также яростно выступал против мысли о том, что любое поведение человека заслуживает эволюционного объяснения. «Дарвиновский фундаментализм», как он это презрительно называл, утверждает, что все, что мы делаем, управляется генами и служит только передаче наследственности. Гулд писал, что Дарвин и сам сомневался в том, что естественный отбор играет такую уж всеобъемлющую роль. Я тоже уже упоминал многочисленные формы и разновидности альтруизма, которые в рамках генетического детерминизма не находят объяснения. Можно, конечно, отмахнуться от них, назвав их «ошибками», но это, в сущности, ничего не объясняет. И альтруизм — не единственный тип поведения, имеющий мало эволюционного смысла. Вспомните хотя бы курение, мастурбацию, банджи-джампинг*, пьянство, запуски фейерверков и скалолазание. Неадаптивное поведение у особей нашего вида настолько распространено, что мы умудряемся над ним смеяться. Поэтому «премия Дарвина» была изобретена для тех, кто «улучшил вид, так или иначе устранив себя из генетического пула».

Сказанное не означает, что нам следует оставить всякие попытки объяснить человеческое поведение через эволюцию. Другого варианта у нас просто нет. В самом деле, я предсказываю, что через 50 лет портрет Дарвина будет висеть на каждой кафедре психологии. Тем не менее сегодня в этой области по-прежнему полно поистине сказочных историй, начиная с утверждения о том, что облысение по мужскому типу воспринимается противоположным полом как признак мудрости (что-то в этом роде приходится порой говорить мужчинам с редкой шевелюрой), до «Естественной истории изнасилова-

---

* Банджи-джампинг — прыжки с большой высоты с эластичным тросом вокруг щиколотки или талии; в русских развлечениях на воде такое самодельное приспособление в XX в. и по сию пору называется «тарзанкой».

ния» (*The Natural History of Rape*); эта книга (название подлинное) нанесла эволюционной психологии больше вреда, чем любая другая*. Основная ошибка, разумеется, кроется в представлении о том, что если какая-то особенность обусловлена генетически, как облысение, то она обязательно должна быть полезной. Болезнь Альцгеймера, муковисцидоз и рак груди тоже наследуются генетически, но вряд ли кто-то возьмется утверждать, что они полезны для здоровья.

Однако в случае с сексуальным насилием у нас нет даже генетической основы, которую мы могли бы изучать. Не существует никаких свидетельств того, что склонность к сексуальному насилию может наследоваться. Но это не остановило Рэнди Торнхилла и Крэйга Палмера, когда им захотелось порассуждать об эволюционных преимуществах, которые оно будто бы дает. Экстраполировав сексуальное поведение насекомых на человека, авторы дошли до утверждения: мужчины насилюют ради того, чтобы как можно шире распространить свои гены. Хуже того, авторы избавили себя от необходимости приводить реальные факты, заявив, что самые важные события должны были происходить в доисторические времена. Понятно, что заглянуть в столь далекое прошлое не представляется возможным, поэтому авторам осталось лишь травить байки. Кстати говоря, они так и не ответили на вопрос, почему, если цель всякого насилия — продолжение рода, жертвами его в каждом третьем случае становятся люди, не способные к деторождению (к примеру, дети и пожилые женщины).

---

* Имеется в виду книга Рэнди Торнхилла и Крэйга Палмера *A Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion* (2000) («Естественная история изнасилования: Биологические основы сексуального принуждения»), в которой утверждается, что изнасилование входит в биологическую программу всех животных, в том числе и человека, имеет важный адаптационный смысл и является инстинктом передачи своих генов следующим поколениям.

Я готов согласиться с Гулдом в том, что квазиэволюционное гадание по поводу любого явления в поведении человека лишено смысла. Однако сам Гулд скептическими высказываниями заработал себе множество врагов. В 1997 г. на страницах *New York Review of Books* развернулась целая баталия между ним и записными эволюционистами. Стоило видеть, как люди с непомерно раздутым самомнением осыпали друг друга намеками на какие-то порочащие обстоятельства, пересказывали слухи, оскорбляли друг друга (одного из участников дискуссии назвали «комнатной собачкой» второго) и вообще вели себя так, как будто никогда прежде друг о друге не слышали. Язвительность, очевидно, не помогла им сплотить ряды. Креационисты потирали руки от удовольствия и не забывали использовать этот некрасивый спор в собственных интересах. Результат не замедлил сказаться: даже в таком неожиданном месте, как конкурс красоты, о теоретических разногласиях в лагере эволюционистов знали все! Следовало бы, пожалуй, номинировать этих дарвинистов на премию Дарвина.

Однако тот спор может показаться пустячным по сравнению с реакцией на другое откровенно высказанное суждение Гулда. Будучи сам атеистом, он объявил науку и религию совместимыми задолго до того, как неоатеисты пришли к выводу, что они не совместимы ни в каком случае. После безвременной кончины в 2002 г. Гулд стал настоящей мишенью для всех, кому не по душе толерантность.

Нечтоизм

В своем эссе, ставшем впоследствии знаменитым и опубликованном в том самом году, когда произошла вышеописанная

схватка между союзниками-эволюционистами, Гулд вспоминал о случайной встрече за завтраком в Ватикане с несколькими священниками. Те выразили обеспокоенность по поводу новой, недавно появившейся разновидности креационизма, известной как теория Разумного замысла, и спросили Гулда, почему эволюция до сих пор подвергается стольким нападениям. В своем эссе палеонтолог рассуждал о глубочайшей иронии ситуации, когда ему, бывшему иудею, пришлось уверять католических священников в том, что с эволюцией все в порядке, и что противостоит ей крохотный сегмент американского общества.

В этом сочинении Гулд хотел намекнуть читателю, что степень враждебности между наукой и религией сильно преувеличена. Говорить о «религии вообще» очень трудно, поскольку в категорию религии попадает очень многое, от монотеизма до политеизма и от жестких канонов веры до спиритуализма. Буддизму, к примеру, очень даже симпатична идея эволюционирующих организмов, поскольку она прекрасно согласуется с представлениями о том, что жизнь существует в единстве и постоянном изменении¹⁷. Но даже внутри таких религий, как христианство или ислам, культурное разнообразие настолько велико, что традиции и идеи, давно существующие в одном месте, в другом часто отвергаются. Индонезийские сунниты имеют с иранскими шиитами примерно столько же общего, как шведские лютеране с баптистами американского Юга. Гулд, значительно лучше многих представлявший себе эти материи, позаимствовал из папских документов понятие «магистерийум» (в смысле «учение»), чтобы наглядно показать, что наука и религия представляют собой отдельные области знания. Они занимаются разными проблемами. Гулд назвал эти области

«непересекающимися магистериями» и поименовал это воззрение НОМА*.

По существу мы имеем дело с двумя разными комплексами вопросов, один из которых относится к физической реальности, а другой — к человеческому существованию. Поняв, как мало может наука рассказать нам о втором предмете, французский биолог Матьё Рикар отказался от многообещающей научной карьеры и стал буддийским монахом. Я встречался с ним несколько раз и могу сказать: в этом человеке нетрудно разглядеть то внутреннее спокойствие, которым могут похвастать очень немногие люди. По результатам фМРТ-сканирования мозга во время медитации ему даже преподнесли титул «счастливейший человек в мире» (что он воспринял с типично галльской небрежностью). Нейробиологи считают уровень возбуждения, отмеченный в левой части префронтальной коры его мозга (связанной с положительными эмоциями), максимальным из всех наблюдаемых. Сам же Матьё, хотя и формулирует свои мысли по-прежнему с точностью ученого, науку забросил давно и считает, что она лишь «внесла громадный вклад в удовлетворение пустяковых потребностей». Это напоминает слова Льва Толстого, который жаловался, что стоит ему спросить ученых о смысле жизни и о том, что нам с ней делать, как получаешь в ответ «бесчисленное количество точных ответов на вопросы, которых не задавал».

---

* Магистерия, по определению Гулда, — «область жизни, в которой определенный способ познания обладает адекватными инструментами для осмысленной дискуссии и принятия решений». Принцип НОМА формулируется следующим образом: магистерия науки находится в мире эмпирики (теория). Магистерия религии находится в мире духовных ценностей и поисков смысла. Эти магистерии не пересекаются между собой и оставляют место дополнительным магистериям (например, искусству).

Однако мало кто из ученых готов последовать примеру Матфея. Вместо того чтобы обратиться лицом к религии, большинство из нас считает себя агностиками или атеистами. Но не надо заблуждаться: наука не отвечает на вопросы о смысле и цели. Даже ученые, подтвердившие недавно существование «частицы Бога», знали заранее, что этим они не смогут ответить на вопрос о нашем происхождении и еще менее вероятно — на вопрос о том, существует ли Бог. Нет, главное для ученых — что та самая жажда знаний, кровь и плоть нашей профессии, заполняет духовную пустоту, которую у большинства других людей заполняет религия. Подобно охотникам за сокровищами, для которых процесс поиска не менее важен, чем его результат, мы видим перед собой великую цель — приподнять хоть чуть-чуть завесу невежества — и чувствуем себя едиными в такой усиллии, ощущаем себя частью всемирной сети. Это означает, кстати, что мы пользуемся и другим очень важным преимуществом религии: являемся частью сообщества единомышленников. На недавнем семинаре отошедший от дел астроном даже прослезился, обсуждая место человечества в космосе. Он молчал минуты две — аудитория успела уже заскучать, — а потом объяснил, что этот вопрос занимал его с самого детства. Картины происходившего за миллиарды световых лет от нас и, соответственно, за миллиарды лет до нас до сих пор имеют над ним власть и заставляют заново осознавать, насколько тесно мы связаны со Вселенной. Он вряд ли назвал бы это ощущение религиозным опытом, но по описанию очень похоже.

Подобные трансцендентные чувства удастся испытать многим ученым, и в этом они похожи на представителей других творческих профессий, таких как художники и музыканты. У меня, к примеру, такое случается практически ежедневно.

С одной стороны, невозможно посмотреть в глаза человекообразной обезьяне и не увидеть в них себя. Существуют, конечно, и другие животные с фронтально ориентированными глазами, но при взгляде на них не испытываешь чувства узнавания, как с человекообразными обезьянами. Из глаз примата на вас смотрит не столько животное, сколько личность, не менее цельная и своенравная, чем вы сами. Это знакомо любому специалисту по высшим приматам. Практически каждый может рассказать, как первый же контакт «глаза в глаза» радикально изменил его представления не только об изучаемом предмете, но и о собственном месте в мире. Именно это впечатление, судя по всему, расстроило королеву Викторию. Посмотрев на обезьяну, как в зеркало, она почувствовала, как метафизическая почва заколебалась под ее августейшими ногами. Дарвин, увидевший в том же зверинце тех же самых орангутана и шимпанзе, сделал совершенно иные выводы. Он пригласил любого, кто убежден в неоспоримом превосходстве человека, прийти и взглянуть на них. Там, где королева почувствовала угрозу, Дарвин увидел несомненную связь.

При виде великолепного ландшафта или заката над океаном большинство людей чувствует себя крохотной пылинкой в огромной Вселенной — то же испытывает всякий раз ученый, когда смотрит в микроскоп или телескоп, анализирует песни китов, роет землю в поисках костей динозавров или бегает за шимпанзе по лесу. Шимпанзе легко ныряют в подлесок, в то время как их двуногие собратья мучаются с большими ножами для резки кустарника и пытаются уследить за каждым поворотом, расслышать каждый крик и подробно описать каждый опыт. Когда я гостил у своего покойного друга Тосисады Нисида — японского приматолога, известного своими экспедициями в Танзанию, меня поразила его привычка про-

бовать на вкус каждый лист или плод, который на его глазах ели дикие шимпанзе. Он говорил, что хочет знать, какова на вкус пища шимпанзе, но для меня это был символический акт — признание полного единства с родственным видом. Так же можно сказать про ситуацию, когда молодой британский приматолог Фиона Стюарт сделала то, чего никто и никогда не делал прежде: устроилась ночевать на дереве в гнезде шимпанзе. Раньше гнезда обезьян всегда изучали с земли, разглядывали в бинокль, но Фиона решила провести в гнезде ночь. Она выяснила, что у такой ночевки есть явные преимущества перед ночевкой на земле: сон там глубже, а насекомые кусают меньше. Другие ученые плавают на моторных лодках вслед за дельфинами, дают каждому дельфину имена и учатся узнавать их по торчащим плавникам. Или летают на сверхлегких летательных аппаратах впереди клина молодых журавлей, приучая их к воздуху. Все эти поступки объясняются страстным интересом к миру природы — интересом, который часто формируется еще в детстве. Специализированные и очень конкретные знания о крохотной частичке природы позволяют нам приобщиться к ее величию и сложности, свойственным всему универсуму, невзирая на масштабы и бесконечность времени. Мы с благоговением смотрим на тайны, которые пытаемся разгадать и которые с каждой разгадкой становятся все глубже.

Поэтому я прекрасно понимаю, почему видный клеточный биолог Урсула Гудинаф написала книгу под названием «Священные глубины природы» (*The Sacred Depths of Nature*), или как Эйнштейн умудрялся верить в Бога Спинозы. Барух Спиноза, философ XVII в. из Амстердама, собрал крупицы скептической мысли, присутствовавшие в Нидерландах со времен Босха и Эразма, и сплавил их в некое безличное

Божество. Бог Спинозы — это не традиционный всеведущий старичок на небе, а абстрактная сверхъестественная сила, неразрывно связанная с природой. Таким образом, Спиноза заложил основы рационалистического мировоззрения, в рамках которого Священное Писание представляет не слово Божие, но лишь мнение смертных людей. Учение Спинозы было принято в штывы, а сам он изгнан из общины евреев-сефардов.

Эйнштейн выбрал для себя Бога Спинозы, но не испытывал враждебности и по отношению к религии. Говоря о распространности религии, он утверждал, что любая вера кажется ему «предпочтительнее, чем отсутствие какого бы то ни было трансцендентального взгляда на жизнь»¹⁸. Как и у Гулда, здесь главное — толерантность. Догматизм затмевает разум, и не важно, о каком именно догматизме идет речь — о слепоте тех, кто настаивает на буквальном толковании Библии, или об излишней категоричности некоторых атеистов. Недавняя иллюстрация на эту тему — «дворцовый переворот» против Пола Куртца, написавшего знаменитый на весь мир «Гуманистический манифест» (Humanist Manifesto 2000) и основавшего Центр исследований*. Легендарный 85-летний философ в одночасье стал персоной нон грата в собственной организации за то, что отказался поддержать «День богохульства» и другие столь же нелепые способы глумления над религией. Вот как сам Куртц объяснил ситуацию:

«Они хотели проявить жесткость по отношению к религии. Ну, мне не нравится Бог. Я считаю, что это миф.

---

* Пол Куртц (1925–2012) — американский философ, известный деятель светского гуманистического движения. Соавтор Второго гуманистического манифеста (1973), автор книги «Гуманистический манифест 2000: призыв к новому планетарному гуманизму» (2000).

Я не думаю, что существуют реальные свидетельства его существования. Но, с другой стороны, многие люди верят в Бога. А я, хотя и верю критике религии, не испытываю к ним ненависти. Они не кажутся мне отвратительными людьми. Так что есть разница в том, как относиться к религии. Многие из моих коллег, которых я называю бывшими алтарными мальчиками, так ненавидят религию, что не могут не выражать своей ненависти».

Определение, данное Куртцем воинствующим атеистам, — бывшие алтарные мальчики, — намекает на уже упоминавшийся серийный догматизм, который переходит все границы нетерпимости. Однако любым движениям против чего бы то ни было уготована судьба птицы додо — разве что им удастся заменить то, что они так не любят, чем-то лучшим. В любом случае они должны предложить жизнеспособную альтернативу. Но ни одно светское движение не сможет обойти пресловутые вопросы Льва Толстого. В Голландии, где сегодня усиливаются светские настроения, даже пущено в оборот специальное слово «итсизм» (ietsism, где -изм — стандартное окончание, а iets в переводе с голландского — «нечто»). Типичный итсист не верит в Бога как Личность и не принадлежит ни к одной из традиционных религий, но считает, что между небом и землей должно быть нечто еще, что не видно с первого взгляда. Обязано быть нечто.

Враг науки — не религия. Есть бесконечное количество форм и разновидностей религии, и есть масса верующих здравомыслящих людей, признающих лишь избранные догматы своей религии и не имеющих ничего против науки. Подлинный враг — это подмена мысли, рефлексии и любознательно-

сти догмой. Дебаты по поводу существования Бога в Пуэбла с обеих сторон велись лицемерно и бесчестно с интеллектуальной точки зрения. Откуда берутся убеждения более сильные, чем я переживал за всю жизнь? В чем их секрет? Убеждения никогда не выводятся непосредственно из фактов или логики. Они формируются посредством человеческой интерпретации. Один французский философ очень точно сказал: «Строго говоря, уверенной определенности не существует; существуют только уверенные люди».

Поэтому разрешите мне закончить эту главу цитатой из книги американского романиста Джона Стейнбека, которая иллюстрирует противоположную возможность: ищущий, всегда готовый удивляться, пытливый человеческий разум, открытый миру. Именно он во все века вел нас вперед, несмотря на интеллектуальную косность, столь свойственную человеку. Стейнбек говорит о науке и религии как о равноценных формах холистического знания. Вероятно, он согласился бы с Гудинаф в том, что мембрана, разделяющая, по Гуду, два магистерия, является «полупроницаемой». Подобно очень многим мембранам человеческого тела, она пропускает определенные субстанции в обоих направлениях. В конце концов, наука вполне способна влиять на нашу социальную и моральную позицию — в тех, к примеру, случаях, когда предостерегает от излишнего вмешательства в окружающую среду или изобретает таблетку, способную даровать женщинам сексуальную свободу. И наоборот, экзистенциальные вопросы питают собой науку, как, например, в дебатах о том, как должны сочетаться в лечении пациентов медицинские соображения и гуманность. «Должны ли мы сохранять жизнь каждому человеку так долго, как только возможно?» — на этот вопрос наука ответить не в состоянии. Во многих областях человеческой деятель-

ности трудно различить, где кончается наше мировоззрение и начинается наука, и наоборот. Необходимо отойти от примитивного бинарного противопоставления двух сущностей и принимать во внимание весь массив знаний человечества в целом. Стейнбек попробовал сделать это в следующем абзаце из «Моря Кортеса», документальной повести о научной экспедиции вдоль Тихоокеанского побережья Америки:

«Странная вещь: большая часть чувства, которое мы именуем религиозным, большая часть мистических откровений — едва ли не самых ценных, востребованных и желанных реакций нашего вида, — на самом деле представляют собой понимание и попытку объяснить другим, что человек в родстве со всем на свете, что он связан неразрывно со всей реальностью, и известной, и непознаваемой. Сказать просто, но глубокое понимание этой истины породило Иисуса, бл. Августина, св. Франциска, Роджера Бэкона, Чарльза Дарвина и Эйнштейна. Каждый из них в свое время и своим голосом заново открыл и подтвердил с изумлением знание о том, что все вещи суть одна вещь, а в одной вещи заключены все остальные — планктон, сияющее свечение моря, и вращающиеся планеты, и расширяющаяся вселенная, все связывает воедино эластичная нить времени. Очень полезно переводить взгляд с приливной заводи на звезды, а затем вновь на приливную заводь».

Глава 5

ПРИТЧА О ДОБРОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Если кто-нибудь страдает в моем присутствии, я сам начинаю испытывать физические страдания, и мои ощущения часто вытесняются ощущениями других. Если кто-нибудь поблизости закашляется, у меня стесняется грудь и першит в горле.

Монтень

Слонов часто недооценивают. Я и сам, признаюсь, был таков, особенно в том, что касается целенаправленного использования орудий труда. Ну, полагал я, разве что слон может взять хоботом палку и почесать этой палкой себе спину. Я видел также, как они умеют бросать грязь. Происходило это всякий раз, когда галки в зоопарке, где я работал, дружно рассаживались на ограде слоновника и начинали по-весеннему распеваться. Эти птицы напоминают мне воронов из басни Лафонтена. Может быть, они думают, что умеют петь — в конце концов, врановые относятся к певчим птицам, — но музыкальность, следует признать, — дело вкуса. Слоны же неизменно начинали бросать в них грязью, пытаясь избавиться от нарушителей спокойствия.

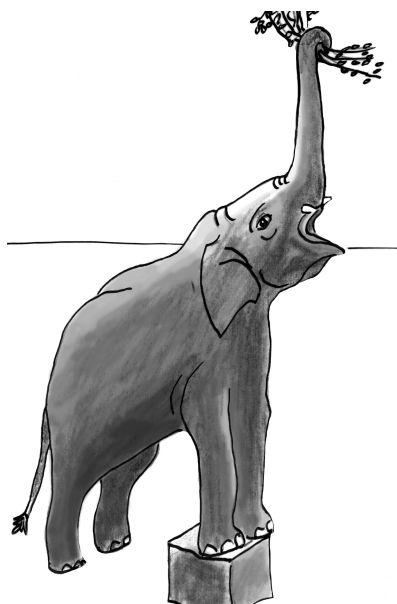

Долгое время я считал эти действия максимумом того, на что способны слоны, ведь экспериментаторам не удавалось добиться от них чего-то большего. Ученые пробовали класть перед толстокожими животными длинные палки, помещая пищу вне пределов их досягаемости и пытаясь определить, смогут ли они воспользоваться палкой, чтобы достать еду. С приматами этот метод прекрасно работал, но слоны не хотели браться за палки. Пришлось сделать вывод, что они просто не понимают задачи. И никому не пришло в голову, что, может быть, все наоборот: это мы, экспериментаторы, не понимали слонов.

В отличие от руки примата хватательный орган слона в то же время является органом обоняния. Слоны пользуются хоботом не только для того, чтобы достать пищу, но и для ее обнюхивания и ощупывания — на слоновьем хоботе, особенно на его чувствительном кончике, полно нервных окончаний. Эти животные обладают несравненным обонянием и всегда точно знают что почем. Зрение имеет вторичное значение. Но стоит слону поднять палку, и его носовые проходы блокируются. Даже если ему удастся дотянуться палкой до пищи, орудие станет препятствием для ощупывания и восприятия запаха. Это все равно что попросить человека достать что-то с завязанными глазами. Исключая разве что игру в жмурки, мы не любим этим заниматься, и не без причины.

Во время недавнего визита в Национальный зоопарк Вашингтона Престон Фердер и Дайана Рейсс показали мне, на что способен молодой слон Кандула, если правильно поставить задачу. Ученые подвесили над ним несколько веток с фруктами, как раз так, чтобы он не смог их достать. Слону дали несколько предметов, которыми он имел возможность воспользоваться, включая палки, квадратный ящик и не-

сколько толстых деревянных разделочных досок. Палки Кандула проигнорировал, но через некоторое время начал ногами подталкивать ящик и целенаправленно двигать его в одну сторону. Ему пришлось пнуть ящик много раз, пока он не оказался непосредственно под нужной веткой. Тогда молодой слон поднялся передними ногами на ящик и дотянулся до подвешенной еды хоботом.

Чтобы дотянуться до подвешенных высоко над головой зеленых ветвей, Кандуле приходилось перетаскивать в нужное место ящик и становиться на него передними ногами, что он и делал

Пока Кандула жевал заслуженную добычу, Престон и Дай-ана объяснили мне, что во время экспериментов стараются, как могут, усложнить слону задачу. Иногда они помещали ящик в другую часть двора, убирая с глаз долой, и теперь Кандула, чтобы достать соблазнительное лакомство, должен был вспомнить уже придуманное решение и уйти от цели

в поисках своего орудия. Мало кто из животных способен на это, но Кандула всегда уходил без колебаний и притаскивал ящик из самых дальних уголков вольера. А когда ящик совсем убрали, он начал собирать толстые деревянные доски и укладывать их одну на другую, чтобы таким образом оказаться поближе к лакомству.

Кандула демонстрировал все признаки понимания причинно-следственных связей, эвристическое поведение, которое служит признаком высокого интеллекта. Ясно, что ученым следует сначала попытаться взглянуть на мир глазами другого существа — даже если для этого придется вообразить себя с хоботом вместо носа, — прежде чем утверждать, что эти существа способны только кидать грязь.

Благо другого

Вспоминается время, когда мы с Дайаной пытались понять, узнают ли слоны себя в зеркале. Мы с ней и с Джошуа Плотником, моим тогдашним студентом, проводили исследование в зоопарке Бронкса в Нью-Йорке. Прежде не наблюдалось никаких признаков того, что слоны понимают увиденное в зеркале. Может быть, они думали, что там, в зеркале, другой слон — точно так же, как обезьяны видят в зеркале другую обезьяну? В тот момент считалось, что только люди, высшие приматы и дельфины узнают собственное отражение.

В предыдущих экспериментах, однако, самому крупному наземному животному Земли показывали довольно скромное по размерам зеркало. Его помещали на уровне земли снаружи от клетки, возле решетки. В этом зеркале слон мог увидеть в лучшем случае четыре ноги за двумя рядами железных прутьев, поскольку зеркало удваивало решетку. Был сделан неуте-

шительный вывод: слоны не узнают себя в отражении. Пришлось задуматься, нельзя ли проверить это как-нибудь иначе. Мы поместили весьма дорогостоящее зеркало, способное не разбиться от движений слона, размером 2,5 x 2,5 м внутри открытого слоновника так, чтобы они могли пощупать его, обнюхать и посмотреть, что находится сзади, прежде чем рассматривать свое в нем отражение. Исследование предмета — обязательная первая стадия, это верно и для шимпанзе, и для детей. И вот одна азиатская слониха по кличке Хэппи узнала себя. Стоя перед зеркалом, она то и дело потирала белый крест на лбу. Но узнать об этом пятне она могла только одним способом: связав себя со своим отражением. Именно так, кстати говоря, проверяют самораспознавание у детей, которые обычно овладевают этим искусством еще до двухлетнего возраста. Для слонов же вступление в элиту животного мира, способную узнавать себя, много значило. Журналисты, конечно, не смогли не сослаться в заголовках своих статей на слова детской песенки «She's Happy, and she knows it!» («Она счастлива и знает это!»). Слоны оказались умнее, чем считалось раньше, но даже не это главное: эксперимент наглядно продемонстрировал ограниченность отрицательных результатов. Если вы не видите, как животное того или иного вида использует орудия или, скажем, узнает себя в зеркале, это вовсе не значит, что такого не может быть. Не исключено, что животное действительно не способно выполнить задание, но вполне вероятно, что дело обстоит другим образом: возможно, это ученые не в состоянии правильно организовать эксперимент. Случается, животному дают не те орудия или неподходящее зеркало. Знание такого рода отражено в знаменитом девизе экспериментальной психологии: «Отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия».

Это утверждение никогда не вредно повторить лишний раз. Если я гуляю по лесу в Джорджии и никак не могу ни увидеть, ни услышать хохлатого дятла, имею ли я право сделать вывод, что этой птицы в лесу нет? Разумеется, нет. Может быть, я ее просто не заметил. Мы ведь знаем, как великолепно дятлы умеют прыгать вокруг древесного ствола, скрываясь от глаз. Крупные птицы, размером не меньше ворона, они скользят сквозь лес как призраки, и в прежние времена лесорубы называли их «Боже всемогущий». Однако большую часть времени они не показываются на глаза, их напоминающие хохот крики и барабанная дробь слышны только в определенное время года. Так что если после многочисленных прогулок по лесу мне так и не удалось их заметить, это означает всего лишь, что у меня нет данных. Может быть, «Боже всемогущий» здесь и не живет, но головой я бы ручаться не стал.

В этой связи меня всегда поражает, почему в вопросе о когнитивных возможностях приматов так много негативных утверждений, основанных всего лишь на паре прогулок по лесу. Совсем недавно, к примеру, было объявлено, что человекообразные обезьяны не способны к просоциальному поведению. Они во многом напоминают нас, но, бедняжки, эгоистичны, как карманный воришка. Их заботит лишь собственное благо. Эксперимент «тест на просоциальный выбор», который я сейчас опишу, якобы показал, что шимпанзе равнодушны к интересам других. Не важно, что они часто и спонтанно помогают друг другу — делятся пищей, с риском для себя защищают друзей, помогают члену группы выбраться из браконьерской ловушки или берут под свою опеку неродных по крови сирот. Более того, не важно, что они при необходимости помогают собрату достать необходимое орудие или открывают дверь, чтобы тот мог добраться до пищи.

Все замечательно, говорит ученое сообщество, но, пока высшие приматы не пройдут самый главный тест на великодушие, мы не поверим ни единому слову. Отсюда постоянно звучащие утверждения о том, что социальное поведение шимпанзе основано «исключительно на личной выгоде»¹⁹, что человеческое сотрудничество представляет собой «гигантскую аномалию» в животном царстве и что просоциальные тенденции развились как «исключительная особенность человека» уже после того, как наши предки отделились от предков человекообразных обезьян²⁰.

Такой негативный взгляд на высших приматов держался лет десять, до тех пор, пока моя команда не подвергла испытанию шимпанзе, за которыми я наблюдаю в этот самый момент. Я сижу за письменным столом в кабинете, окна которого выходят на полевую станцию Национального центра по изучению приматов имени Йеркса под Атлантой. Шимпанзе живут в буквальном смысле под моим окном. Я занимаю этот кабинет больше двух десятилетий, так что каждого шимпанзе из тех, кому сейчас за двадцать, знал детенышем. В их число входят и нынешний альфа-самец Соко, и альфа-самка Джорджия, которых я любил щекотать еще малышами. Они хрипло хохотали и просили еще. В эту же группу входила Пеони, бывшая альфа-самка, которая к концу жизни не могла обойтись без посторонней помощи; более молодые приносили ей питьевую воду, помогали карабкаться за пищей и т. п. Неудивительно, что эти шимпанзе считают меня и мой кабинет-башню частью своей территории. Если я привожу гостей, все в порядке, но те, кто приходит сюда сам, не всегда встречают радушный прием. Однажды я приехал после дождливого периода, превратившего всю территорию в грязевую ванну, и обнаружил свое окно заляпанным кусочками сухой глины. Я ничего не мог по-

нять, пока мне не объяснили, что в кабинете проводили уборку и присутствие посторонних обезьянам не понравилось.

Но никто ведь не оценивает интеллектуальные способности детей по их поведению на игровой площадке! Так и о разумности шимпанзе нельзя судить только по наблюдениям. Полевая работа нужна и полезна, но для оценки когнитивных способностей необходимо ставить перед приматами специальные задачи. Мы проводим множество таких тестов, исходя при этом из следующих двух принципов. Во-первых, обращаем внимание на то, что шимпанзе *могут* делать, а не на то, что они *не могут*. Получая отрицательные результаты, просто на них не задерживаемся. Во-вторых, стараемся проводить простые и интуитивно понятные эксперименты. Именно здесь может пригодиться опыт и хорошее знакомство со спонтанным поведением обезьян — то, что я вижу каждый день, поднимая глаза от стола. Мы придумываем интересные и несложные для шимпанзе задания. Так, вместо того чтобы испытывать их готовность подражать человеку, предпочитаем смотреть, как они обращаются друг с другом. Представители нашего вида интересуют шимпанзе далеко не так сильно, как нам бы хотелось, а вот друг другу они всегда уделяют внимание. Шимпанзе часто садятся лицом к лицу с собратом, чтобы не упустить ни малейшего движения, ощущать запах изо рта, они даже кладут лапу на конечность того, кто выполняет какое-то задание, и получают таким образом кинестетическую информацию. Человекообразные обезьяны не слишком хорошо умеют подражать человеку, но мы выяснили, что они обожают подражать друг другу — так сказать, обезьянничать с обезьянами, и это очень значимое наблюдение.

Дружественный подход к шимпанзе сослужил нам хорошую службу и при разработке нового теста на просоциальный

выбор. В старом тесте, который шимпанзе так и не сумели пройти, использовался аппарат, который выдавал еду либо одному из двух подопытных, либо обоим. Человекообразной обезьяне предоставлялся выбор — потянуть рычаг и получить пищу или потянуть другой рычаг, чтобы машина выдала пищу и самому испытуемому, и партнеру. Это означает, что, если бы подопытный сделал добро товарищу, ему самому это ничего не стоило бы. Но шимпанзе дергали за оба рычага с равной частотой, как если бы им было все равно.

Очевидно, однако, что в этой ситуации сложно сказать, насколько хорошо испытуемые понимали принцип действия аппарата. Знали ли они, какое значение их выбор имеет для партнера? Мы в этом сомневались. У меня в группе обсуждение планируемых экспериментов обычно проходит за утренним кофе. Я возглавляю небольшую группу из дюжины аспирантов, уже защитивших диссертации ученых и технических специалистов. Кто-то из команды предлагает эксперимент и подробно объясняет его схему, а все остальные набрасываются на него с критикой; автору идеи объясняют, почему что-то в эксперименте может не сработать, предложат альтернативные варианты, напомним другие исследования на эту тему и т. д. Один и тот же эксперимент обсуждается в нашем коллективе много раз, иногда месяцами, до тех пор, пока не будет разработан такой, который подходит для человекообразных обезьян. Просоциальный проект тоже прошел этот путь. Сначала мы подробно разобрали схемы предыдущих исследований и заметили, к примеру, что испытуемые-партнеры нередко размещались на значительном расстоянии друг от друга и разделяла их не одна стеклянная перегородка, а несколько. Принцип получения пищи для себя, скорее всего, обезьяны понимали без труда, но могли ли они понять, что при этом получает

партнер? Взглянули на изображения аппаратуры и были поражены ее сложностью. Если мы сами не в состоянии понять, как это работает, то можно ли ожидать этого от шимпанзе? Следовало устранить эти недостатки.

Вики Хорнер знает шимпанзе вдоль и поперек, изучала их жизнь и в природе, и в неволе. Именно она взялась модифицировать схему эксперимента, исключив из нее полностью всякие устройства и аппараты. Мы поместили пару шимпанзе рядом, разделив их лишь одним барьером из крупной сетки, и упаковали порции получаемой ими пищи — нарезанных бананов — в промасленную бумагу. Съесть такую награду бесшумно очень трудно — примерно настолько же, насколько трудно незаметно развернуть конфету на концерте классической музыки. Мы хотели иметь полную уверенность в том, что шимпанзе знают о получаемой партнером пище. Я хорошо помню день, когда наконец был утвержден окончательный план эксперимента и предварительно устроена «генеральная репетиция», на которой в главных ролях выступили сами экспериментаторы. Мы вообразили себя обезьянами и сыграли весь эксперимент, от начала до конца. Все прошло удачно, поэтому было принято решение перейти от слов к делу. Наши шимпанзе живут в просторном вольере с травой и деревянными конструкциями для лазанья. Мы подзываем предполагаемых участников эксперимента по именам в помещение, а там уже разделяем, как планировали. Все делается на добровольной основе, но, поскольку речь идет о еде, обезьяны идут с готовностью. Однако у нас возникают некоторые специфические проблемы, с которыми человеческие психологи никогда не сталкиваются. К примеру, если у самки набухли гениталии и она готова к спариванию, то самцы, для которых она сразу становится «товаром повышенного спроса», могут попро-

сту блокировать вход в здание и не пустить ее. Или они могут устроиться снаружи и непрерывно колотить по железным дверям все время, пока самка будет оставаться внутри. Мотивированный самец способен произвести ужасающее количество шума, что, очевидно, никак не способствует концентрации внимания. Или, к примеру, молодой шимпанзе, не захотев разлучаться с матерью, может прийти и тоже лишить нас возможности испытывать ее одну. Кроме того, существуют простуды и болезни, ссоры, плохая погода и прочие отвлекающие факторы. А поскольку нам, чтобы получить убедительные результаты, обязательно нужно проверить несколько шимпанзе по нескольку раз, становится понятно, что такое исследование вполне может затянуться на год.

Тем не менее все наши усилия окупились, потому что нам впервые удалось продемонстрировать, что шимпанзе небезразлично благо других. Настойчивость Вики, новая схема эксперимента и наше с шимпанзе взаимопонимание сыграли свою роль. В самом первом тесте участвовали две неродственные самки, Пеони и Рита. Мы устроили их в отдельных вольерах и выдали Пеони ведро, наполненное цветными фишками. Это были небольшие одинаковые кусочки пластиковой трубки, различавшиеся только по цвету: половина из них была зеленого цвета, другая половина — красного. Мы попросили Пеони доставать из ведра по одной фишке и давать нам. Какую бы фишку она ни достала, она всегда получала награду. Единственная разница состояла в том, что получала при этом Рита. Красные фишки были «эгоистичными», потому что награду за них получала только Пеони, а зеленые — «просоциальными», потому что лакомство получали обе самки, и Пеони, и Рита. После многократного повторения процедуры Пеони начала выбирать зеленые фишки два раза из трех.

В некоторых других парах шимпанзе мы наблюдали даже девять просоциальных фишек из десяти, но в среднем желание помочь партнеру примерно соответствовало тому, что мы наблюдали у Пеони. Шимпанзе делали это без особой охоты, но наверняка не случайно. С другой стороны, если в том же эксперименте участвовала только одна обезьяна, цвета фишек чередовались без всякой системы. Иными словами, для просоциального поведения обязательно был нужен партнер.

Перед лицом ожидающего партнера активный испытуемый-шимпанзе (справа) лезет в коробку с пластиковыми фишками двух цветов. После того как актер выбрал фишку, мы ставим ее на стол между двумя завернутыми в бумагу порциями лакомства. При этом награду получает либо только испытуемый (выбран «эгоистичный» цвет), либо оба партнера одновременно («просоциальный» цвет). Со временем шимпанзе начинают проявлять склонность к просоциальному выбору

Партнер, очевидно, понимал, что происходит, и пытался повлиять на выбор активного участника эксперимента, устроя его: колотил по разделяющей сетке, плевался водой,

громко ухал или, наоборот, выпрашивал угощение с протянутой лапой. Делалось все это в основном после выбора «эгоистичных» фишек. Однако такое давление оказывалось контрпродуктивным и не только не повышало, но даже снижало частоту просоциальных выборов. Было очень похоже, что активный участник как бы говорил партнеру: веди себя прилично, иначе ничего не получишь. Испытав таким образом 21 пару шимпанзе, мы исключили фактор страха, потому что наиболее просоциально вели себя самые высокоранговые особи, которым бояться было совершенно нечего. И Пеони, и Джорджия всегда проявляли великодушие.

Великодушные Пеони нас несколько не удивило. Она всегда отличалась милейшим характером, была готова помочь и ободрить каждого. Этим же, кстати говоря, объясняется та любовь и уважение, которыми она пользовалась ближе к концу жизни. С Джорджией — совсем другая история. Она задира и смутяня. После наступления половой зрелости эта самка нередко провоцировала драки между самцами, занимаясь на виду у всех сексом с самыми низкоранговыми из них, или принималась задевать чужих детенышей, вызывая шумные ссоры с участием половины стаи. Я никогда не считал Джорджию великодушной, но в наших тестах она показала себя таковой. Может быть, эта особь, незаметно для нас, и раньше любила благотворительность? И ее восхождение к вершинам иерархии объяснялось не только кнутом, но и пряником? Вообще, у самок такие стратегии заметить сложнее, чем у самцов, которые не могут не хвастаться и из каждой стычки или доброго дела устраивают настоящее представление.

Большинство специалистов по шимпанзе восприняли результаты нашего исследования с облегчением. До этого они с недоверчивым изумлением наблюдали, как накапливаются

негативные данные. Некоторые даже собирали в дикой природе фекалии и образцы шерсти, чтобы потом при помощи анализа ДНК доказать, что сотрудничество среди шимпанзе не ограничивается кровными родственниками. Взаимопомощь среди неродственных особей — обычное дело. Но нашлись и недовольные. Один экономист, к примеру, возразил нам, что, поскольку самим шимпанзе помощь сородичу ничего не стоила, происходящее нельзя считать подлинным альтруизмом. Другой указал на то, что шимпанзе *не каждый раз* проявляли великодушие. Поскольку один раз из трех они действовали вопреки интересам партнера, то считать их добрыми никак нельзя; сам он называл обезьян «скупыми».

А теперь вспомните: целое десятилетие считалось, что человек не похож на других представителей животного мира именно потому, что шимпанзе, как утверждалось, не помогают друг другу даже тогда, когда им самим это ничего не стоит. Мы доработали методику, избавились от сложной аппаратуры — и увидели, что шимпанзе все же помогают друг другу. Так что нынешние утверждения коллег о том, что это, мол, не считается, — немного перебор. Ясно, что нужны дополнительные исследования, но ясно и то, что предыдущие истины теперь под сомнением. Кстати, дети, подвергнутые тесту на просоциальный выбор, тоже не всегда оказываются великодушны: в одном из исследований они помогали друг другу в 78% случаев. Так что разница с шимпанзе лишь в степени великодушия.

Следует заметить, что, как только на кону оказывается особый статус человечества, критерии волшебным образом сдвигаются. Однако сегодня трудно отрицать просоциальность других представителей животного царства. Помимо уже упомянутых исследований появился еще один дополнительный фактор — вездесущие видеокамеры. Прежде нам

приходилось полагаться на отчеты полевых экспедиций — вспомним хотя бы рассказ Джейн Гудолл о том, как Мадам Би в старости ослабела и не могла уже взбираться на фруктовые деревья. Старая шимпанзе терпеливо ждала, пока ее дочь с фруктами в лапах спустится с дерева и положит один из них рядом с ней; после этого мать и дочь спокойно обедали вместе. Мы верили подобным рассказам без всяких дополнительных доказательств, но теперь у нас в Интернете выложены десятки интереснейших видеосюжетов. Так, ролик «Битва в парке Крюгер» на YouTube посмотрел не один миллион человек; там стадо буйволов спасает теленка из львиных когтей. Или сюжет «Героический пес», где пес, рискуя собственной жизнью, оттаскивает другую полумертвую собаку с оживленной автострады в Сантьяго (Чили). Или истории еще об одной собаке, которая отказалась покинуть раненого собрата после недавнего цунами в Японии; об африканских слонах, спасающих слоненка из грязевой ямы; о китах-белухах в китайском зоопарке, вытащивших женщину-дайвера, которая перестала дышать на дне аквариума с ледяной водой. Одна белуха осторожно взяла ее в рот, как собака берет щенка, после чего оба кита начали подталкивать человека к поверхности.

Утверждения о том, что только человек способен заботиться о благе других, быстро теряют убедительность в наши дни, когда любой пользователь компьютера может увидеть на мониторе наглядные свидетельства обратного.

Благодарность Джорджии

Заметим, однако, что нельзя доверять всему, что вы видите на YouTube. Вот, к примеру, еще один видеосюжет — синхронное движение золотых рыбок. Четыре рыбки плавают

в неглубоком бассейне вместе, как эскадрилья истребителей, точно выдерживают дистанцию и поворачивают совершенно синхронно. Кажется, ими управляют невидимые руки волшебника, зависшего над бассейном. Это видео вызвало общественное возмущение, когда кто-то предположил, что рыбкам скормили маленькие железные гранулы — и тогда ими можно управлять при помощи магнитов под бассейном (видимо, поэтому он такой мелкий). Не отрицая обвинений, автор сюжета заявил, что его рыбки были здоровы и счастливы.

Начнем с того, что все это представление вообще маловероятно, потому что карповые не отличаются склонностью плавать плотными косяками. Они умеют только собираться в одном месте. А шансы научить координации действий живые существа, которые в нормальных условиях не привыкли почти ничего делать вместе, практически равны нулю. Так, двух дельфинов можно без труда научить одновременно выпрыгивать из воды именно потому, что дельфины и в природе это делают. Самки дельфинов плавают синхронно с детенышами, вместе ныряют и вместе выныривают. Самцы объединяются в группы и распугивают соперников, плавая совершенно синхронно и демонстрируя таким образом прочность уз. Но попробуйте заставить двух домашних кошек одновременно прыгнуть через кольца, и вы наверняка потерпите неудачу. Кошки — охотники-одиночки.

В своих исследованиях по кооперации действий мы избегаем всякой дрессировки. Мы просто хотим знать, насколько хорошо животные понимают идею эксперимента. Есть ли у них общие цели? Видят ли они усилия партнера? Один из моих студентов Малини Сучак ставит эксперимент, в котором шимпанзе должны действовать сообща. Вместо того чтобы тестировать животных парами, как принято, мы ста-

вим эксперимент в открытом вольере, на виду у всей колонии. Это вынуждает приматов привлекать к действиям сородичей, как делают дикие шимпанзе, собираясь охотиться на обезьян попроще. Движущиеся цели в трехмерном пространстве ловить трудно, поэтому охота у шимпанзе проходит удачнее, если в ней участвуют два или три охотника. Мне доводилось видеть, как они гоняют обезьян высоко в кронах деревьев; завершается все возбужденными криками. Это значит, что жертва поймана. Охота и совместная мясная трапеза — фундамент общественного устройства шимпанзе. Считается, что они же были мощным стимулятором человеческой эволюции. Охота наших предков на крупного зверя требовала еще более тесного сотрудничества.

Аппарат Малини установлен на внешней ограде. К настоящему моменту шимпанзе уже усвоили, что в одиночку они не в состоянии ничего получить. Сидя рядом, Рита смотрит вверх на свою мать Бори, которая спит в гнезде, построенном на верхушке высокой конструкции для лазанья. Затем Рита залезает на самый верх, чтобы потыкать Бори в бок, пока мать не спускается вниз вместе с ней. Рита направляется к аппарату и постоянно оглядывается, убеждаясь, что мать следует за ней. А иногда у нас возникает впечатление, что обезьяны незаметно для нас договорились между собой. Две особи вдруг выходят из ночного убежища и бок о бок направляются прямо к аппарату, как будто точно знают, чем сейчас будут заниматься.

Шимпанзе — большие мастера общения при помощи незаметных для наблюдателя взглядов и телодвижений. Они умудряются объяснить сородичу, что собираются сейчас сделать, без речи и даже без явно выраженных жестов. Активное использование языка тела помогает им читать и человеческие сигналы. Шимпанзе так хорошо все это чувствуют, что под-

час понимают мое настроение и намерения лучше меня самого. Они как бы видят нас насквозь. Я также часто замечал, как тонко чувствуют шимпанзе людей с враждебным языком тела — к примеру, тех, кто настроен против них. В нашем присутствии такие люди, понятно, не передразнивают шимпанзе, как это делают иногда посетители зоопарков (не улюлюкают, демонстративно не почесываются и т. п.), но шимпанзе тем не менее реагируют на них как на врагов. Джорджия, например, всякий раз норовит незаметно набрать в рот воды из крана и смешаться с остальными, чтобы никто не заподозрил опасности, и водяной фонтан возникает в самый неожиданный момент. Но и уважение со стороны человека тоже не остается незамеченным. Когда я показывал свое хозяйство ветерану полевых экспедиций Тосидаде Нисида, обезьяны вообще никак на него не реагировали. Он стоял рядом со мной, слегка склонившись в одну сторону, ходил тихо и без резких движений, как обычно делал в лесу, и шимпанзе, судя по всему, считали, что этот человек не принесет им вреда.

Однажды Джорджии пришлось провести 18 месяцев отдельно от группы. Причиной ее удаления стала нестабильность отношений в обезьяньем сообществе. Самцы воевали, да и самки тоже, причем так яростно, что мы реально опасались за жизнь некоторых подростков. Низкоранговые матери с трудом вырывали своих отпрысков из лап молодых похитителей, которые пользовались покровительством более высокоранговых особей. Малыши у человекообразных обезьян сосут мать до четырех лет, поэтому насильственное разделение их — всегда повод для беспокойства. Чтобы успокоить группу, нам пришлось удалить несколько особей. Некоторых навсегда, но большинство удаленных мы постепенно вернули в группу. Джорджия оказалась последней. Несмотря на дурную репута-

цию этой самки, я настаивал на ее возвращении. Она родилась здесь, у нее были хорошие отношения с большинством членов группы, и мне казалось, что со временем она может успокоиться и стать образцовой гражданкой. Я помню, с каким недоверием остальные отнеслись к моему оптимизму, но после продолжительных споров ей было разрешено вернуться.

Вообще, со многими животными такие номера не проходят. Макаки-резус, к примеру, всегда плохо принимают члена группы после долгого отсутствия. Выглядит все так, как будто позиция, которую занимала прежде эта особь, уже занята. У этих обезьян в стае царит строгая иерархия, так что если особь ранга 10 исчезает, а затем возвращается, хотя бы через несколько месяцев, то позиция ранга 10 уже занята, да и все остальные освободившиеся при этом позиции тоже. Макаки встречают вернувшегося сородича почти с такой же яростной враждебностью, как чужака. У шимпанзе подобных проблем не возникает. Их иерархическая структура достаточно свободна, они живут в так называемых сообществах деления-слияния, в которых постоянно формируются и распадаются группы разной численности. В природе шимпанзе могут месяцами не видеть некоторых членов сообщества.

Возвращение Джорджии превратилось в настоящий триумф. Не обращая внимания на царящее в группе возбуждение, толчки и щипки, она сохраняла спокойствие и держалась так, будто ее не было всего несколько дней. Она обнималась и занималась грумингом с каждым, кто был не против, и исподтишка наблюдала, как самцы ссорятся за право сесть рядом с ней. Ее мать и сестра с готовностью таскали и защищали Лайзу, четырехлетнюю дочь Джорджии, а сама она вновь интегрировалась в группу так быстро, что к концу недели практически невозможно было определить, что эта особь долго отсутствовала.

Она сверху вниз смотрела на самок, которых прежде превосходила по рангу, и вообще вела себя очень самоуверенно.

Когда я подошел взглянуть на нее и Лайзу, произошло событие, которое помню до сих пор. В дни юности Джорджия любила поиграть, и у нас с ней были прекрасные отношения, но, повзрослев, она стала меня сторониться. Отношения наши стали по большей части нейтральными. Однако теперь Джорджия подошла ко мне и посмотрела прямо в глаза неожиданно дружелюбным взглядом. Таким образом она ко мне обращалась. Когда я взял ее за лапу, самка несколько раз пропыхтела что-то в быстром ритме; эти звуки у шимпанзе демонстрируют, наверное, самое-самое сердечное расположение к собеседнику. Она обратилась ко мне так всего один раз: больше такого никогда не происходило ни до, ни после. И это было не просто приветствие, потому что я много раз навещал Джорджию во время ее вынужденного изгнания, но ничего подобного не случалось. Поскольку произошло это сразу после ее возвращения в группу, позволительно с уверенностью предположить, что два события между собой связаны. Может быть, она заметила, как я рад ее возвращению. А может быть, она заметила даже больше и поняла, что ее судьба решалась непросто и что я ее защищал. Как уже говорилось, шимпанзе невероятно чувствительны к голосу и языку тела. Мы никогда не узнаем наверняка, как обстояло дело, но я уверен, что она благодарила меня за возвращение в родную стаю.

Я считаю этот случай выражением *благодарности*, и у нас имеется множество свидетельств подобного поведения. Один такой случай связан с другой самкой шимпанзе, которую я в свое время научил кормить малыша из бутылочки. Из-за недостатка молока эта самка уже потеряла нескольких детей и очень хотела обрести хотя бы приемного детеныша.

Потеря отпрыска всегда вызывала у нее глубокую депрессию; она часто уединялась и кричала без видимых причин. Тогда же ей удалось воспитать приемного малыша; мало того, благодаря своему особому умению она смогла в последующие годы родить и выкормить еще нескольких маленьких шимпанзе. Для животного, которое умеет пользоваться орудиями, дать малышу бутылочку не так уж сложно. Так вот: до конца жизни эта самка при виде меня — а мы встречались не так уж часто, не чаще одного раза за пару лет — приходила в безумное возбуждение и вообще вела себя так, будто я был давно пропавшим членом семейства. Судя по всему, это было связано с тем, что я помог ей обзавестись потомством. Еще одна иллюстрация к теме благодарности присутствует в рассказах немецкого ученого Вольфганга Кёлера, пионера исследований, связанных с орудиями труда у человекообразных обезьян*. Два шимпанзе оказались вне запертого убежища во время сильной грозы, и, когда Кёлер наткнулся на них, они уже промокли до костей и дрожали от холода. Он открыл для них дверь убежища. Но вместо того чтобы ринуться побыстрее в сухое место, оба шимпанзе первым делом обняли профессора в знак признательности.

Благодарность помогает нам воздать другому должное. Она обеспечивает непрерывный обмен услугами и очень важна в обществе, основанном на взаимности. Фома Аквинский** так высоко ценил благодарность, что относил ее к числу производных добродетелей, поскольку благодарность неразрывно

---

* Вольфганг Кёлер (1887–1967) — немецко-американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии. Среди предметов исследовательского интереса Кёлера были и антропоиды.

** Фома Аквинский (1225 (?) — 1274) — учитель Церкви, богослов и наиболее авторитетный католический философ.

связана с основополагающей добродетелью — справедливостью. Благодарность рождает теплое чувство к подателю благ и подсказывает, что следует ответить тем же. Иначе почему мы стараемся сделать это? Из чувства долга? Но ведь гораздо проще, если память об оказанных услугах заранее настраивает нас позитивно по отношению к благодетелю, считать это платой. Вот почему Роберт Триверс, создатель теории реципрокного (взаимного, взаимовыгодного) альтруизма, считал благодарность ее критической частью*.

Но мы не полагаемся целиком на изустные предания, подобные изложенным выше. Нам удалось измерить обмен услугами. Много раз в течение года я регистрировал все утренние сеансы груминга между нашими шимпанзе, а во второй половине дня создавал ситуацию, в которой они могли поделиться пищей. Я нарезал ветки с листьями в лесу около станции (а шимпанзе обожают молодые побеги ежевики и сладкую камедь) и связывал их в большие пучки ветками жимолости. Две больших вязанки молодых побегов мы забрасывали в обезьяний вольер. Завладеть ими мог взрослый представитель группы любого ранга, а шимпанзе уважают право собственности. Вскоре вокруг каждого из счастливых обладателей собирался кружок просителей с протянутыми лапами; все они скулили и хныкали. В таком кружке в позе просителя можно было увидеть даже самого высокорангового самца; так же, согласно сообщениям полевых исследователей, происходит и в природе, когда шимпанзе собираются вокруг добытой на охоте обезьяньей туши. В конце концов лакомство получит каждый — либо непосредственно от обладателя, либо через кого-нибудь из родственников или приятелей.

---

* В точном смысле слова реципрокный альтруизм (грубо говоря, по схеме «ты — мне, я — тебе», «услуга за услугу») трудно называть альтруизмом: последний предполагает полное бескорыстие.

Я отследил около 7000 актов передачи пищи в ходе множества подобных трапез, и мои данные показали связь между доступом к пище и утренним грумингом. К примеру, в тот день, когда Соко ухаживал за Мей (делал ей груминг), его шансы на получение от нее нескольких вкусных веточек заметно повышались по сравнению с днями, когда он не ухаживал за ее шерстью. Это позволяет уверенно предположить, что шимпанзе помнят и ценят оказанные им услуги.

Взаимность работает и в отрицательном смысле, как предсказывал еще Триверс, говоривший о роли *моралистической агрессии*. Мы злимся на тех, кто с готовностью принимает услуги, но почти ничего не дает взамен. Точно так же шимпанзе может пойти против своего собственного союзника, если тот откажется поддержать его в схватке с кем-то третьим. Шимпанзе протягивает лапу стоящему рядом хорошему приятелю и пытается привлечь его к себе, уговорить встать плечом к плечу против общего противника. Но приятель уходит. Обманутый в этом случае вполне может отказаться от схватки, к которой готовился, и броситься вместо этого с громким воплем вдогонку за так называемым другом. Все это происходит к тому же в шумной и беспорядочной обстановке — нет ничего хаотичнее и тяжелее для нервной системы, чем большая драка шимпанзе, — но такая реакция помогает поддерживать взаимность оказания услуг. Кроме того, шимпанзе умеют мстить. Если кому-то из них случается проиграть драку компании противников, то побежденный может дожидаться подходящего случая и свести счеты. Встретив кого-то из противников, когда тот будет в одиночестве, он затеет с ним драку. Я знавал самцов, которые вели себя в этом весьма последовательно: проиграв схватку четырем оппонентам, они обязательно в ближайшие же дни выбирали время и устраивали четыре

неприятные встречи с каждым из противников в отдельности. Но гораздо чаще шимпанзе, потерпевшие поражение от компании, дожидались случая, когда один из мучителей проигрывал схватку кому-то еще — и присоединялись к победителю, считая это идеальной возможностью для мести.

Меня всегда поражает, насколько общество шимпанзе сосредоточено на взаимности: зуб за зуб, ты — мне, я — тебе. Эти человекообразные обезьяны строят на этом настоящую социальную экономику; в обмен идет все, от пищи до секса и от груминга до поддержки в драке. Создается впечатление, что каждый шимпанзе аккуратно подсчитывает и регистрирует все оказанные ему услуги и формирует по ним ожидания и даже обязательства; отсюда такая резкая негативная реакция на обманутое доверие. Я настолько привык к тому, как все это устроено у наших ближайших родственников, что был очень удивлен, когда выяснилось, что у других высокоразвитых общественных животных дело обстоит иначе. Произошло это, когда мы с Джошуа Плотником (тем самым, что прежде проводил эксперимент с зеркалом) исследовали в тайландском заповеднике сотрудничество слонов. Мы не могли при этом применить обычную методику, при которой животным просто предлагают непосильный одному груз, так чтобы сдвинуть его они могли только вместе. Со слонами нам пришлось бы тогда взять как минимум груженую фуру! Вместо этого мы позаимствовали методику у одного из японских коллег. Там груз нужно было подтягивать за два конца веревки, свободно его охватывающей. Стоило потянуть за один конец — и веревка просто выдернулась бы, став бесполезной. Только если тянуть за оба конца веревки одновременно, груз сдвинется. Вес груза при этом практически не имел значения, зато принципиальную роль играла синхронность действий.

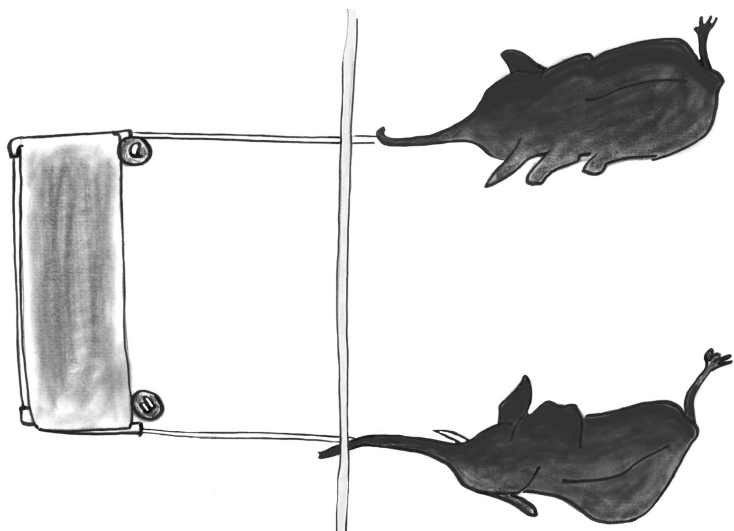
Оказалось, что слоны выполняют такое задание без труда. Они просто подходили бок о бок к двум концам веревки, брались за них и тянули. Пока все было в порядке. Но затем мы начали усложнять задание, чтобы посмотреть, насколько хорошо они понимают нужду в партнере. Порой задерживали одного из участников и смотрели, хватит ли у второго здравого смысла подождать. Слоны демонстрировали впечатляющее терпение и ждали до 45 секунд. Иногда мы убрали веревку с одной стороны, лишая одного из слонов возможности тянуть. Тогда и второй не считал нужным пробовать, как будто понимал, что тянуть одному бесполезно.

Некоторые слоны пытались хитрить и придумывали «незаконные» способы, обходя наши ограничения. К примеру, одна молодая слониха подходила к своей веревке и уверенно наступала на нее ногой, спокойно ожидая, пока подойдет второй участник эксперимента. Так ей вообще не нужно было тянуть. Нога удерживала конец веревки на месте, а второй партнер делал всю работу. После выполнения задания она, правда, не забывала залезть хоботом в ведро с лакомством.

Мы решили, что это признак не только ума, но и способности к мошенничеству. Занятно, но второй слон никогда не протестовал и никогда не отказывался тянуть. Я не уверен, что такое прошло бы с шимпанзе, и именно это мы с Малини стараемся выяснить в следующем эксперименте по изучению совместных действий животных. Возможно, слоны, в отличие от человекообразных обезьян, не имеют понятия о вкладе каждого в общее дело. Или дело в том, что усилие от них тут требуется совсем небольшое? Каждый слон получал за работу два пучка кукурузных стеблей — пустяк для такого крупного животного, — но и требовалось для этого всего лишь потянуть за веревку. Может быть, и усилие, и награда слишком незна-

чительны, чтобы беспокоиться о том, что кто-то отлынивает от работы.

Вид сверху. Два слона тянут за веревку, чтобы подтащить к себе лоток с пищей. Они должны потянуть одновременно; в противном случае веревка просто выскочит из проушин, оставив их с пустыми хоботами

Тем лучше для нас. Со слонами и без того работать опасно, а уж с рассерженным слоном никто из нас не хотел бы иметь дело!

Телесная эмпатия

Когда Майкл Джексон показывал своего девятимесячного ребенка с балкона четвертого этажа отеля, демонстрируя его публике, свесив через перила балкона, и неловко держал при этом брыкающегося мальчишку в одной руке высоко над землей, в толпе фанатов раздавались не только восторженные, но и испуганные крики. Люди боялись, что певец уронит малыша,

голова которого почему-то к тому же была закрыта полотенцем. Сцена выглядела дико и была выходкой знаменитости в своем амплуа, которую специалисты по борьбе с насилием над детьми единогласно осудили.

Но почему такое поведение нас задевает? Ведь это не наш ребенок! Мы реагируем на происходящее таким образом из-за способности, на которую до недавнего времени наука практически не обращала внимания: благодаря эмпатии. И я в данном случае не имею в виду эмпатию как сочувствие, которое побуждает нас помогать другим. Здесь речь идет о более общем и фундаментальном чувстве, определяющем наше отношение к окружающим. Когда французский философ XVI в. Монтень говорил о стеснении в груди и першении в горле при звуках чужого кашля, он точно описывал эмпатию — за несколько столетий до появления этого термина. Эмпатия — это выражение связи на телесном уровне. Если бы мы прочли о том, как Джексон обращался с младенцем, в газетах, то, возможно, просто пожали бы плечами над его неосмотрительным поступком, но мы наблюдали эту сцену своими глазами по телевизору. Все видели, как высоко расположен балкон, и обратили внимание на то, как неловок отец и как сильно брыкается малыш. Самоотождествление заставило каждого из нас почувствовать, будто мы сами держим младенца и ощущаем сопротивление его тельца. Нам пришлось пережить эту ситуацию на телесном уровне, а потому шок оказался гораздо сильнее, чем мог случиться от любого словесного описания.

Тело реагирует автоматически. Так, фильм «Король говорит!»* был бы чудовищно скучным, если бы зрители

---

* «Король говорит!» («The King's Speech», дословно «Речь короля») — художественный фильм о том, как король Великобритании Георг VI избавился от заикания с помощью логопеда (историческая драма).

не могли идентифицировать себя с героем. Кому какая разница, как будет произнесено то или иное слово: быстро, медленно или вообще никак? Только самоидентификация с королем позволяет каждому из нас на себе ощутить его проблему — так, как если бы он сам страдал дефектом речи. Зритель сидит на краешке кресла и готов произносить за героя слова, как бы подталкивая к действию, — точно так же, как мать при кормлении малыша с ложечки сама совершает жевательные движения, а на школьном представлении беззвучно проговаривает за ребенка каждое слово, которое он должен произнести со сцены. Такой чудесной способностью — вселяться в чужое тело — обладает каждый человек без исключения.

Говоря языком нейробиологии, мы активируем в собственном мозгу нейронную репрезентацию моторной активности, аналогичной той, что видим или ожидаем у других. Тот факт, что мы делаем это неосознанно, был проверен на восприятии человеческих лиц с различным выражением, появляющихся на экране компьютера. Даже если время, когда показывается картинка, слишком мало для сознательного восприятия (испытуемые при этом уверены, что разглядывают пейзажи), лицевые мышцы все же приходят в движение; настроение испытуемого тоже меняется в зависимости от выражения демонстрируемого лица. Нахмуренное лицо вызывает грусть, улыбка — радость. Шведский психолог Ульф Димберг, проводивший это исследование, рассказывал мне о том, как трудно было опубликовать первые результаты и какое противодействие они встретили в начале 1990-х. Сегодня, задним числом, после многочисленных подтверждений наблюдений Димберга, это кажется абсурдным. Но в то время эмпатию рассматривали как сложное умение, контролируемое корой мозга. Считалось, что мы *принимаем решение* проявить эмпатию и делаем это на основе сознательной

симуляции: мы будто умышленно ставим себя на место другого человека и представляем, как чувствовали бы себя в его положении. Эмпатию рассматривали как когнитивный навык. Сегодня мы знаем, что этот процесс и проще, и автономнее. Дело даже не в том, что мы его не контролируем (дыхание тоже осуществляется автоматически, но мы его все-таки контролируем), просто наука рассматривала эмпатию в совершенно неверном свете. Эмпатия появляется на основе бессознательных телесных связей, в которых задействованы лица, голоса и эмоции. Человек не может решить, быть ему эмпатичным или не быть; он эмпатичен по определению.

Правда, мы действительно способны поставить себя на место другого человека даже при отсутствии всяких телесных сигналов (скажем, когда читаем в книге о переживаниях героя), но суть эмпатии составляет не это. Чтобы разобраться в ней, посмотрим, как все начинается. Вот малышка разревелась в голос, оттого что ее подружка упала и плачет; вот маленький мальчик смеется от души вместе со взрослыми над рискованной шуткой, явно недоступной пониманию ребенка. Эмпатия берет начало в телесной синхронизации и общности настроений. Сложные ее формы, основанные на воображении и проецировании, вторичны и вырастают уже из этого.

Примерно в то же время, когда проводилось упомянутое знаковое исследование, ученые в Парме (Италия) открыли зеркальные нейроны. Эти нейроны активируются не только при любом действии (к примеру, человек протянул руку за чашкой), но и при виде другого человека, протягивающего руку за чашкой. Зеркальные нейроны не делают различий между нашим собственным действием и действиями остальных; таким образом они как бы позволяют одному организму ощутить себя в шкуре другого. Неудивительно, что их от-

крытие было объявлено таким же прорывом в психологии, как открытие ДНК — в биологии. Эти нейроны объединяют людей на телесном уровне — вот почему мы все почувствовали тревогу, увидев, как Джексон держит своего малыша над пропастью, и почему при просмотре фильма «Король говорит!» у всех в зале шевелятся губы.

Такое открытие прекрасно согласуется с самыми ранними описаниями эмпатии, связанной с эстетическим восприятием. Почему, скажем, мы с удовольствием смотрим балет? Был бы он так же приятен эстетически, если бы по сцене в той же хореографии прыгали резиновые покрышки? Была бы опера столь же захватывающей, если бы актеры не пели, а выражали свои чувства игрой на банджо или аккордеоне, исполняя серенады и желая передать чувство ревности? Сомневаюсь. Наблюдая балет, мы вселяемся в тела танцоров, делаем каждый шаг и пируэт вместе с ними. Один танцор бросает другого в руки третьего, и на мгновение мы с вами тоже зависаем в воздухе. Поскольку зрители во время представления «живут» на сцене, неудачный прыжок тоже вызывает мгновенную реакцию. Если бы эмпатия имела когнитивный характер, можно было бы ожидать паузы (пока зрители думают: «Как такое могло случиться?» или «Она не ушиблась?»), но мы охаем и ахаем даже раньше, чем балерина успевает опуститься на пол.

Опера создает аналогичные связи посредством человеческого голоса. С рождения (и даже раньше) мы знаем, что голос может быть носителем радости, боли, ярости и т. п. Голос воздействует непосредственно на центральную нервную систему человека. Он, как никакой искусственный инструмент, достигает нашей души. Мы не просто воображаем себе страдания героини-сопрано; мы на самом деле чувствуем их, и мурашки

пробегают по нашей коже. Я, как оперный герой-любовник, всякий раз к концу хорошего представления чувствую себя эмоционально опустошенным.

Визуальное искусство воздействует таким же образом. При взгляде на статую раба работы Микеланджело — человека в натуральную величину, который из всех сил пытается высвободиться из мраморного блока, — у каждого зрителя возникает напряжение в мышцах. Стоя перед картиной Караваджо «Неверие апостола Фомы», где Иисус наблюдает, как его сомневающийся ученик тычет пальцем в открытую рану на груди Христа, мы морщимся от боли, которую такой поступок должен был бы вызвать. Работы Босха тоже полны физиологических сцен, возбуждающих в человеке эмпатию, жалость или ужас. Самого Босха при жизни называли мизантропом, но его искусство без эмпатии зрителей попросту не имело бы смысла. Мы страдаем вместе с грешниками, которых протыкают ножами, мучаемся вместе с висящими на деревьях полумертвыми страдальцами, с теми, кого пожирают голодные псы, кого растягивают на арфе, кому втыкают флейту в анальное отверстие, кого принуждают к рабскому труду или жарят в конце концов на сковороде. Странно, но пытка тоже требует эмпатии — ведь нельзя намеренно причинять боль, если не понимаешь, что больно, а что нет. Тот факт, что Босх пробуждает у зрителей столько эмоций, объясняется просто: мы не можем не чувствовать себя в роли действующих лиц изображенных сцен. Художник хочет, чтобы зритель поверил: на месте этих страдальцев могли быть мы сами; более того — на мгновение они и есть мы.

Телесная эмпатия приложима даже к абстрактному искусству. В статье итальянца Витторио Галлезе, одного из первооткрывателей зеркальных нейронов, и американского исто-

рика искусств Дэвида Фридберга говорится, что зритель неосознанно отслеживает на полотне движения художника. Точно так же, как у пианиста, слушающего фортепианный концерт, активизируются моторные области мозга, отвечающие за движения пальцев, у человека, разглядывающего картину Джексона Поллока, появляется «ощущение телесной вовлеченности в движения, о которых говорят физические следы творческих действий автора работы — мазки кисти или капли краски».

На картине Босха «Страшный суд» две старые карги поджаривают людей над огнем на вертеле и на сковородке. Визуализация мучений грешников намного эффективнее, чем любой устный рассказ. Мы чувствуем связь с человеческими телами на подсознательном уровне и буквально ощущаем жар, царящий в адской кухне.

Эти процессы ни в коем случае не ограничиваются нашим биологическим видом. В околонучной шумихе, сопровождающей открытие зеркальных нейронов, часто забывают, что обнаружены они были вовсе не у людей, а у макаков. И до сих пор мы больше и подробнее знаем об обезьяньих нейронах, отвечающих за то, как обезьяна видит или обезьяна делает, чем об аналогичных нейронах человеческого мозга. В большинстве исследований мозга человека данные по обезьянам просто экстраполируются на *Homo sapiens*; дело в том, что достоверно подтвердить их наличие можно только при помощи введенных в мозг электродов, а это делается редко. Зато во всем, что касается обезьян, прямых доказательств у нас достаточно. Вероятно, зеркальные нейроны помогают приматам подражать, например, когда обезьяна открывает шкатулку так же, как это делает выдрессированная особь, или когда в природе детеныш извлекает из плода семечки так же, как это делала на его глазах мать. Все приматы — откровенные конформисты. Они не просто подражают; они обожают также, когда подражают им. В одном эксперименте двое ученых работали с обезьянами капуцинами, которым был выдан пластиковый мяч для игры. Один экспериментатор копировал все движения обезьян с мячом, другой этого не делал. К концу игры обезьяны предпочли того из экспериментаторов, кто им подражал. Точно так же случается, и с подростками: если отправить их на свиданье с указанием подражать своему избраннику/избраннице (например, брать стакан или класть локти на стол), то такие нравятся в итоге больше, чем не подражающие.

Несложно понять, как телесные связи помогают эмпатии. Разговаривая с грустным человеком, мы тоже приобретаем печальное выражение лица, слегка обмякшую позу и можем даже поплакать за компанию. С другой стороны, разговор с энер-

гичным, веселым человеком сподвигнет нас посмеяться и почувствовать себя счастливым. Такую же заразительность в передаче настроений можно увидеть и у животных, хотя вопрос этот изучен недостаточно — все из-за того же несчастного табу на признание существования эмоций у животных. Б. Скиннер недооценивал эмоции, особенно у животных; он говорил, что «“эмоции” — это прекрасный пример надуманных причин, которыми мы любим объяснять поведение». Скиннер обладал громадным влиянием — его школа напоминала религиозное учение, — но теперь оно, к счастью, исчезает. Исследователям мозга удалось наконец разубить гордиев узел скепсиса по отношению к эмоциям животных. Мозжечковая миндалина в мозгу человека, к примеру, активизируется, когда мы смотрим на изображения открытых ран и жестокости, напоминающие, в частности, сцены ада на картинах Босха. Электрическая стимуляция той же мозжечковой миндалины у крыс заставляет их бежать без оглядки, испражняться и забиваться в угол. Тут уж достаточно очевиден вывод о том, что у крыс и людей один и тот же участок мозга отвечает за одно и то же эмоциональное состояние — страх. Применяя эту же схему исследования к любви, радости, злости и т. п., современная нейробиология свободно исследует эмоциональную жизнь животных.

Меня никогда не привлекал взгляд на животных как на машины, дающие определенную реакцию на определенный раздражитель. Это настолько обедненное представление о животных, что я толком не знаю, как приступить к его опровержению. Даже Скиннер изменил свою точку зрения, как сообщила нам страдающая аутизмом Темпл Грандин, специалист по поведению животных. 18-летней студенткой ей довелось встретиться со Скиннером, и встреча эта прошла непросто.

Так, Грандин в самом начале пришлось объяснить профессору, что не стоит класть руку ей на колено. Она задала вопрос о том, насколько полезно было бы больше узнать о мозге. Скиннер ответил: «Нам не нужно знать о мозге, у нас есть выработка инструментального условного рефлекса». Мне такой ответ представляется поразительным: как может ученый отказаться от знаний о чем бы то ни было? Разве знание — не абсолютная ценность? Если, конечно, оно не угрожает любимой теории! Неужели Скиннер, подобно многим другим, страдал предвзятостью несоответствия? Помня, насколько ее собственные проблемы связаны с функционированием мозга, Грандин вежливо возразила. Она утверждает, однако, что ближе к концу жизни Скиннер на собственном опыте убедился в том, что условные рефлексы — это еще не все, и прозрел. На тот же вопрос о том, полезны ли знания о мозге, он тогда ответил: «Пережив инсульт, я думаю, что да».

Нейробиология сообщает об эмпатии два принципиально важных факта. Первый: не существует четкой разделительной линии между эмоциями человека и животных. Второй: эмпатия передается от тела к телу. Вы колете руку женщины иглой, и центр боли в мозгу ее мужа возбуждается от одного только вида этой процедуры. Его мозг реагирует так, как будто вы воткнули иглу в *его собственную* руку. Вспомнив все, что нам известно о зеркальных нейронах, мимикрии и заразительности эмоций, можно сделать вывод о том, что «телесный канал» эмпатии возник по крайней мере одновременно с отрядом приматов — но мне лично представляется, что значительно раньше. А поскольку я посвятил целую книгу «Век эмпатии» (*The Age of Empathy*) исследованию ее происхождения, здесь позволю себе ограничиться лишь несколькими примерами.

Один из моих коллег разыгрывает старую детскую песенку про дырявое ведро. Мэтт Кемпбелл ходит по вольеру с пластмассовым ведром, в дне которого прорезана маленькая дырочка. Наши шимпанзе научились прижиматься глазом к этому отверстию и смотреть видео на айфоне, закрепленном на противоположной стенке ведра. Таким образом, мы точно знаем, кто смотрит, причем остальные шимпанзе не могут ничего увидеть. Делается все это с целью измерить заразительность зевания — специфического явления, непосредственно связанного с эмпатией. Так, люди, быстрее других начинающие зевать «за компанию», обладают при этом и максимальной эмпатией. А дети с дефицитом эмпатии, к примеру больные аутизмом, вообще не чувствуют заразительности зевания. Наблюдая на экране зевающих человекообразных обезьян, наши шимпанзе зевают как сумасшедшие, но только в том случае, если они лично знакомы с обезьяной на видео. Видео незнакомых обезьян не производит на них никакого действия. Это позволяет предположить, что главное здесь не открывание и закрывание рта: вероятно, происходит самоидентификация с зевающим героем сюжета. Кстати говоря, знакомство с объектом играет существенную роль во всех исследованиях по эмпатии, как у людей, так и у других животных. Эмпатическая реакция тем сильнее, чем ближе мы знакомы с объектом и чем больше у нас общего. В полевых исследованиях на людях (такие скрытые исследования проводились в ресторанах, приемных и т. п.) заразительность зевания действовала быстрее и чаще на родственников и близких друзей, чем просто на знакомых и тем более незнакомых людей.

В качестве шутки, связанной с нашим предметом, — особенно с учетом моего разговора с далай-ламой — хочу упомянуть недавнюю Шнобелевскую премию. Как известно, эту

пародию на Нобелевскую премию получают исследования, которые «сначала вызывают смех, а затем заставляют задуматься». В 2001 г. ее получила попытка выявить заразительное зевание у черепах. Ученые Венского университета поместили двух угольных черепах к черепахе того же вида, которая предварительно была обучена открывать и закрывать рот. Поскольку никакой реакции не последовало, они заключили, что заразительное зевание — не просто рефлекс, а следствие мимикрии и эмпатии, которых у черепах нет.

Чтобы вы не подумали, что эмпатическая мимикрия у приматов проявляется только в экспериментальных условиях, скажу, что имеется множество свидетельств ее спонтанного проявления. Когда-то давно в зоопарке Арнема мне довелось наблюдать, как раненый самец ковылял по вольеру, опираясь не на костяшки пальцев, как обычно, а на согнутое запястье. Вскоре за несчастным уже тянулась целая вереница молодых шимпанзе, причем все они опирались только на запястья. А однажды, уже здесь, на опытной станции Центра имени Йеркса, я стал свидетелем того, как роды вызвали у самки телесную самоидентификацию с подругой.

«Через наблюдательное окно мне было видно, как вокруг Мей собралась толпа — быстро и молча, как будто по какому-то тайному сигналу. Стоя на полусогнутых ногах, Мей держала под собой раскрытую ладонь, готовясь подхватить младенца, как только он выскочит. Самка постарше, Атланта, стояла рядом с ней в похожей позе и делала в точности те же движения рукой, но между своих собственных ног, что явно было лишено смысла. Когда, минут через десять, появился малыш — здоровенький сыночек, толпа всполошилась. Одна

из шимпанзе завопила, другие начали обниматься; это ясно показывало, насколько все они были захвачены процессом. Атланта, скорее всего, идентифицировала себя с Мей, потому что раньше и сама многократно рожала. Как близкая подруга, она в течение нескольких следующих недель ухаживала за молодой мамой почти непрерывно».

Еще один рассказ касается покалеченного шимпанзе в угандийском заповеднике Будонго-Форест. Катерина Хобейтер описывает почти 50-летнего самца шимпанзе по кличке Тинка, у которого были серьезно изуродованы кисти передних конечностей и парализованы запястья. Кроме того, он страдал хронической кожной инфекцией, причинявшей ему сильнейший дискомфорт, — ведь из-за покалеченных рук он к тому же не мог почесаться. Однако Тинка изобрел для себя способ чесаться при помощи лиан — примерно так же, как мы растираем спину полотенцем, скручивая его и держа двумя руками. Он наступал задней конечностью на свисающую с дерева лиану, натягивая ее, и терся об нее головой и боками. Эта странная процедура была, очевидно, достаточно эффективной, потому что Тинка часто к ней прибегал. У здоровых шимпанзе не было никаких причин так поступать, но было замечено, как молодые шимпанзе следовали примеру Тинки. Они регулярно чесались о натянутые специально для этого лианы. Такой забавной привычки нет ни в одной другой популяции шимпанзе, и ее распространение представляется мне еще одним результатом деятельности зеркальных нейронов.

Телесная эмпатия работает на бессознательном уровне, и, вероятно, поэтому мы склонны недооценивать ее. Мне приходилось даже слышать, как политические комментаторы срав-

нивают эмпатию с «хрупким цветком», неспособным играть серьезную роль в обществе. Очевидно, подобные вещи говорят не без задней мысли, забывая при этом, что еще Авраам Линкольн считал: американскую нацию скрепляют узы отзывчивости. Так, решение Линкольна сражаться против рабства было в значительной степени обусловлено его эмоциональной реакцией на страдания других. Одному из друзей на Юге он писал, что воспоминания о скованных цепью рабах доставляют ему «непрерывные мучения». Но если даже судьбоносные политические решения могут приниматься, по крайней мере отчасти, под влиянием эмпатии, недооценивать ее значения нельзя. Лично я считаю, что в обществе без эмпатии и солидарности и жить не стоит.

Но человеческую эмпатию не останавливают видовые барьеры. Она присутствует и в нашем отношении к подопечным животным. Возьмите в качестве примера хотя бы спор о холощении свиней. Во многих странах это делается, или по крайней мере делалось раньше, без анестезии. На одном из совещаний противники такой практики натолкнулись на жесткое сопротивление со стороны ученых и ветеринаров, которые задали вопрос: что мы знаем о боли и как ее можно измерить? Естественно, прозвучали и обычные банальности вроде: «Мы понятия не имеем, что они чувствуют». На следующее заседание противники привезли видеозапись. Они не стали давать никаких оценок, только сказали, что, поскольку речь идет о процедуре, будет справедливо посмотреть своими глазами, как она в настоящее время проходит. Затем была показана сцена холощения находящегося в сознании хряка. Животное подняло такой визг и визжало так долго, что к концу процедуры мужчины в комнате выглядели очень бледно и сидели, крепко зажав руки коленями. Эта видеозапись больше, чем ка-

кие бы то ни было рациональные аргументы, изменила отношение законодателей к этому вопросу.

Такова сила телесной эмпатии.

Спасенный крысой

«Кто мне ближний?» — спросил законник в ответ на рекомендацию «возлюбить ближнего своего, как самого себя», данную Иисусом. Он считал, что некоторых людей очень трудно «возлюбить», и пытался добиться от учителя более конкретных указаний. Ответ был дан в виде притчи о добром самаритянине.

Мимо полумертвой жертвы разбойничьего нападения, оставленной возле дороги, проехал сначала священник, потом левит; оба они были религиозными людьми и прекрасно знали этические предписания. Но им не хотелось прерывать свое путешествие, и оба они постарались побыстрее миновать несчастного. Только третий прохожий, самаритянин, остановился возле бедняги, перевязал его раны, посадил на осла и вывез в безопасное место. Человек этот принадлежал к классу «нечистых» людей, презираемых всеми евреями (которым, вообще говоря, предназначалась притча); тем не менее он один из всех проявил милосердие и по зову души вошел в положение раненого. Библейская притча учит опасаться книжной этики, которая нередко сама оправдывает пренебрежение к положению других людей.

Но это лишь один из содержащихся в притче уроков. Другой урок заключается в том, что каждый человек для нас — ближний, даже тот, который на нас не похож. Учитывая ограниченность человеческой и животной эмпатии, следовать этому уроку намного труднее. Даже в простейшем вопросе,

таким как заразительность зевания, доказать самоидентификацию с незнакомцами очень трудно. И шимпанзе, и человек присоединяется к зеванию знакомых с большей готовностью, чем к зеванию посторонних. Эмпатия безнадежно пристрастна; это было показано, к примеру, в исследовании, где ученые из Цюрихского университета измеряли нейронный ответ человека на страдания других людей. Мужчины смотрели, как в соседней комнате получает удары электрическим током либо болельщик их собственного футбольного клуба, либо болельщик клуба-соперника. Стоит ли говорить, что швейцарцы относятся к футболу очень серьезно. Эмпатию проявляли только к болельщикам своего клуба. Более того, вид страданий болельщика соперничающего клуба активировал в мозгу центры удовольствия. Вот вам и возлюби ближнего!

То, что групповые предпочтения возникли одновременно с эмпатией, стало ясно из исследований на грызунах. Лабораторные мыши помещались в прозрачные стеклянные трубки, где они могли видеть друг друга. При этом одной из них давали разведенную уксусную кислоту, от которой мышь — по словам экспериментаторов — испытывала легкую желудочную боль. Мышь реагировала на это потягивающимися движениями, свидетельствовавшими о явном дискомфорте. Другая мышь, видевшая страдания сородича, тоже начинала вести себя так, будто испытывала боль. Однако этот эксперимент на сочувствие срабатывал только в тех случаях, когда испытываемые мыши раньше жили вместе. Вид страдающего незнакомца оставлял их равнодушными.

В этом опыте мыши демонстрировали *эмоциональное заражение*, хорошо известное и у людей. Мы все знаем, как распространяется радость или грусть и как сильно влияет на нас настроение окружающих. Говорят, что лучшая дорога к сча-

стью — окружить себя счастливыми людьми. Эмоциональное заражение изучали, к примеру, на базе утверждения о том, что средний человек скорее умрет, чем согласится выступить публично. Испытуемых почти без подготовки просили выступить перед аудиторией, после чего у всех брали пробу слюны и проверяли уровень кортизола — гормона, связанного с тревогой. Выяснилось, что стресс выступающего передавался аудитории. Слушатели следили за каждым словом и чувствовали себя спокойно, если выступающий говорил уверенно, но если он волновался, тоже начинали нервничать. Тот самый телесный канал, о котором мы упомянули в связи с фильмом «Король говорит!», сближал гормональные уровни выступающего и слушателей.

Во втором исследовании работали с крысами. Несмотря на дурную репутацию этих животных, мне нетрудно о них рассказывать, потому что в студенческие годы я и сам держал дома ручных крыс. Не то чтобы они добавляли мне популярности у девушек, но именно тогда я узнал, что крысы чисто плотны, умны и привязчивы. В эксперименте, проведенном в Университете Чикаго, крысу помещали в загончик, где она могла видеть прозрачный контейнер с другой крысой. Эта вторая крыса была заперта и испытывала явный дискомфорт. Так первая крыса не просто разобралась в том, как можно открыть засов на маленькой дверце и выпустить товарку на свободу, но и делала это с поразительной мотивацией. Если в загончике оказывалось два контейнера — один с запертой крысой, другой с шоколадной стружкой, — подопытная крыса часто спешила сначала выпустить товарку и только потом направлялась к лакомству. Если же выбирать нужно было между пустым контейнером и контейнером с шоколадной стружкой, то крыса сразу же направлялась к еде. Результаты этого исследования

говорят о силе эмоций у животных и полностью противоречат концепции обучения Скиннера. Авторы интерпретировали поведение крыс как альтруизм, основанный на эмпатии, и заключили, что «ценность освобождения оказавшегося в ловушке товарища существует на паритетных началах с ценностью доступа к шоколадной стружке».

Эксперимент с освобождением имеет отношение к более сложному типу эмпатии, известному как отзывчивость. Мы не знаем в точности, как эмпатия транслируется в попытку помочь или утешить, но понятно, что она как минимум требует ориентации на другого. Эмпатия может быть пассивной — тогда это просто чувствительность к страданиям других, но отзывчивость всегда направлена вовне. Она выражает тревогу за других и одновременно порыв как-то облегчить их положение. Именно об этом говорит нам притча о добром самаритянине. Если сердце не каменное, то вид стонущего человека на обочине дороги неизбежно активирует эмпатию у другого. Два религиозных персонажа, вместо того чтобы перевести это переживание в отзывчивость, попытались от него избавиться — и для этого намеренно переместились подальше от его источника. Самозащита — обычное дело; так зрители в кинотеатре закрывают глаза руками, чтобы не видеть страшных кадров. Говорят, что в результате мало кто из зрителей на самом деле видел ключевую сцену фильма «127 часов», в которой человек, придавленный тяжелым камнем, ампутирует себе руку перочинным ножом. Самаритянин же, напротив, не только поворачивается лицом к чужому страданию, но и проявляет отзывчивость. Не жалея о потерянном времени, не боясь испачкаться, не думая об уловках грабителей, он прежде всего действует во благо человека, оказавшегося в беде.

Всевозможные уловки, к которым человек прибегает, чтобы оправдать свое *бездействие*, тоже были исследованы в одном любопытном эксперименте. Студентам университета велели быстро перейти из одного университетского здания в другое, разместив на их пути «жертву». Только 40% из них спросили у «пострадавшего», что случилось. Студенты, которым приходилось спешить, помогали гораздо реже, чем те, у кого было время. Некоторые буквально переступали через стонущую «жертву», даже несмотря на то, что, по иронии экспериментаторов, темой лекции, на которую торопились слушатели, была история о добром самаритянине.

Эмпатия многослойна, как матрешка. В ее сердцевине находится способность приходить в соответствие с эмоциональным состоянием другого человека. Вокруг этого ядра эволюция разместила один за другим все более сложные слои, такие как чувство сопричастности и готовность войти в положение другого. У немногих биологических видов присутствуют все слои без исключения, но ядро системы возникло не позже, чем сами млекопитающие

Решение помочь зависит не только от рациональной оценки ситуации, поскольку движущая сила здесь практически всегда — эмоциональный порыв. Если бы не эмпатия и отзыв-

чивость, мы бы вряд ли вообще стали кому-то помогать. Скажите, кто нырнул бы в реку, рискуя ради другого, на основании одних только рациональных рассуждений? В исследовании шведских футбольных болельщиков, к примеру, чем больше в мозгу испытуемого активировалась эмпатия, тем сильнее он старался облегчить участь страдальца. С другой стороны, одних эмоций недостаточно. Эмоции сочетаются с расчетами типа цена/выгода — и в результате рождается план действия или бездействие. Вот почему не все студенты в исследовании, связанном с лекцией о добром самаритянине, готовы были помочь пострадавшему. Человеческая цель формируется в сочетании эмоциональных позывов и когнитивных фильтров. Такое же сочетание работает и у других животных.

Один из способов изучить роль эмпатии заключается в наблюдении за реакцией на чужие страдания. У шимпанзе и бонобо наиболее вероятный результат — утешение. Представьте: жертва агрессии, еще недавно спасавшая свою жизнь бегством, теперь сидит в сторонке надувшись, вылизывает раны и выглядит отвергнутой. Она приободряется, когда кто-то из свидетелей происшедшего подходит к ней, обнимает, разбирает шерсть или тщательно осматривает рану. Процесс утешения может проходить очень эмоционально — тогда две обезьяны буквально вопят в объятиях друг друга. Рассмотрев почти 4000 таких эксцессов, мы выяснили, что в большинстве случаев утешают друзья и родственники, причем чаще самки, нежели самцы. Последнее верно и в отношении человека; у нас утешение рассматривается как форма сочувственной заботы. Обычно при исследовании просят кого-то из членов семьи притвориться грустным или расстроенным и смотрят на реакцию детей. В раннем возрасте дети демонстрируют те же прикосновения, объятия и успокаивающий телесный контакт,

что и человекообразные обезьяны, причем девочки делают это чаще, чем мальчики.

Я против использования разных терминов для обозначения этих реакций у человека и человекообразных обезьян, как требуют противники антропоморфизма. Те, кто говорит, что «животные — не люди», как правило, забывают, что хотя это и правда, но в то же время люди — тоже животные. Упрощать поведение животных, не упрощая при этом поведения человека, нельзя — это воздвигает между ними искусственный барьер. Я лично придерживаюсь других принципов методологического минимализма; согласно им, если два близкородственных вида в сходных обстоятельствах поступают одинаково, то и мыслительные процессы, стоящие за их поведением, скорее всего, тоже схожи. Иначе пришлось бы постулировать, что за короткое время после разделения оба вида развили у себя разные мыслительные механизмы, порождающие одно и то же поведение. С эволюционной точки зрения это слишком сложное предположение. Разве что удастся доказать, что обезьяна, утешающая сородича, руководствуется иными мотивами — не теми, что движут человеком в тех же обстоятельствах. Я предпочитаю более элегантное предположение: тем и другим видом движут одинаковые импульсы.

Посмотреть глазами другого

Целевая помощь — еще более сложное выражение эмпатии. Цель здесь — не просто реакция на отрицательные эмоции других, а постижение ситуации. Мы понимаем специфические нужды других — скажем, когда кто-то помогает слепому перейти улицу. Мы способны представить себе, что значит слепота, и оказать помощь в этой конкретной ситуации. В челове-

ческой жизни подобных примеров множество, и то же самое можно сказать о любом другом биологическом виде с большим объемом мозга, включая дельфинов, слонов и человекообразных обезьян. Раньше я всегда рассказывал о том, как бонобо спас птицу, оглушенную неожиданным столкновением со стеклом, или как шимпанзе в условиях дикой природы буквально оттащил своего неопытного собрата от ядовитой змеи. Историй, в которых человекообразные обезьяны, судя по всему, ставят себя на место себе подобного, множество. Но здесь я опушу все эти истории, потому что появилось наконец исследование, целиком посвященное целевой помощи. Это исследование проведено в Институте исследования приматов (PRI) Университета Киото (Япония) и прекрасно дополняет нашу работу по изучению взаимопомощи у шимпанзе.

Я несколько раз бывал в Институте исследования приматов. Шимпанзе там живут в больших открытых вольерах с изобилием зеленых кустарников и высокими сооружениями для лазанья. Иногда их, примерно так же, как у нас в Центре имени Йеркса, приглашают в помещение для добровольного тестирования. Но в японском институте обезьяна проходит по сложной системе туннелей и оказывается в центре комнаты; людям в этой комнате принадлежит только пространство вдоль стен. В процессе эксперимента обезьяны находятся в стеклянной комнате в центре, а экспериментаторы ходят вокруг со своим хитрым оборудованием. Правда, в опыте, о котором идет речь, не было особенно сложного оборудования. Синья Ямамото предоставил шимпанзе выбор между двумя способами добыть апельсиновый сок. Можно было подтянуть контейнер к себе лопаткой, а можно — просто пососать сок через соломинку. Но в том-то и дело, что никаких инструментов у подопытной обезьяны не было. Зато рядом в отдельной

клетке сидел другой шимпанзе, у которого был целый набор разных инструментов. Этот шимпанзе оценивал взглядом обстановку, выбирал нужный инструмент и передавал его первому шимпанзе через небольшое окошечко. Если владелец инструментов не мог разобраться в ситуации, он начинал брать и передавать инструменты в случайном порядке; это как раз и указывало на то, что второй шимпанзе не понимает потребности первого. Эксперимент наглядно продемонстрировал, что шимпанзе не просто готовы помогать друг другу, но и учитывают при этом конкретные нужды собратьев.

Если кто-то думает, что в естественных условиях эти обезьяны никогда не стали бы делиться друг с другом полезными орудиями, то исследование Ямамото получило отличное подтверждение из Фонголи — местности в Сенегале, где американский приматолог Джилл Пруэтц изучает обитающих в саванне шимпанзе. В отличие от лесных шимпанзе, эта группа вынуждена в поисках пищи постоянно преодолевать громадные расстояния. Давно известно, что шимпанзе делятся мясом, но шимпанзе Фонголи, кроме того, делятся и растительной пищей (плодами баобаба, например); именно у них была впервые отмечена передача орудий. К примеру, вот юная самочка таскает термитов при помощи веточки; в это время рядом с ней усаживается доминантный самец с приготовленным инструментом во рту. Инструмент для ловли термитов у шимпанзе представляет собой сломанную веточку с удаленными боковыми побегами. Когда инструмент у самочки истрепался, она просто взяла новый изо рта самца и продолжила свое занятие — а самец сделал еще один инструмент и снова уселся рядом. Этот новый инструмент снова забрала самочка, когда он ей понадобился. Самец же после ухода самки не стал делать новых приспособлений и термитов ловить тоже не стал.

ПРИТЧА О ДОБРОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Мы по-прежнему мало знаем о способностях обезьян, как в неволе, так и в дикой природе, но в последние годы в этом направлении делается немало. Уже ясно, что они далеко не так эгоистичны, как считалось, и кое в чем запросто могут посрамить среднестатистического священника или левита, когда дело касается человечности.

Глава 6

ДЕСЯТЬ ЛИШНИХ ЗАПОВЕДЕЙ

Две вещи наполняют мою душу всегда новым и все более сильным изумлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее я размышляю о них: это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.

Иммануил Кант

Можем ли мы не чувствовать боли, когда пламя сжигает нас? Можем ли мы не сочувствовать друзьям? Неужели эти явления менее необходимы или порождают менее серьезные последствия только потому, что относятся к сфере субъективного опыта?

Эдвард Вестермарк

В Токио, в зоопарке Тама, мне довелось наблюдать один удивительный ритуал. С крыши здания, где в открытом вольере жили 15 шимпанзе, смотритель разбрасывал горстями орехи макадамия. Макадамия — единственный имеющийся в продаже вид орехов, которые большинство самок шимпанзе не могут разгрызть зубами. В зоопарке в тот момент не было взрослых самцов, у которых челюсти столь

мощные, что могут разгрызть даже такие твердые орехи (я побывал у небольшой гробницы со свежими цветами в память Джо, старого альфа-самца, умершего несколькими неделями ранее). Шимпанзе метались по вольеру, собирая орехи в рот, хватая их передними и задними конечностями. После этого все они рассаживались по одной, каждая со своей аккуратной кучкой орехов, вокруг места, известного как «станок для колки орехов».

Затем одна из шимпанзе подошла к станку, состоявшему из большого булыжника и металлического бруска, прикрепленного к нему цепью. Она положила на камень орех, взяла металлический брусок и колотила им по ореху до тех пор, пока не удалось извлечь ядро. При этом во время работы рядом с самкой сидел подросток, которому она позволяла лакомиться результатами своих трудов. Покончив со своими орехами, она уступила место следующей самке; та разложила свои орехи возле задних лап и приступила к той же процедуре. Смотритель объяснил, что этот ритуал проводится ежедневно и продолжается до тех пор, пока все орехи, собранные всеми обезьянами, не будут расколоты.

Надо сказать, что мирный характер этой сцены поразил, но не обманул меня. За дисциплинированным поведением часто стоит строгая социальная иерархия. Эта иерархия однозначно определяет, кто имеет право есть или спариваться первым, и основана она в конечном счете на насилии. Если бы кто-то из низкоранговых самок и их отпрысков попытался воспользоваться станком не в свой черед, ситуация могла бы обернуться плохо. Дело не только в том, что все обезьяны знают свое место; дело в том, что они знают, чем может кончиться нарушение правил. Социальная иерархия — гигантская система запретов и тормозов; именно она, вне всякого

сомнения, проложила путь к человеческой морали, которая представляет собой такую же систему.

Ключевой момент здесь — контроль поведенческих импульсов.

Законопослушный распутник

Когда некая француженка обвинила видного политика Доминика Стросс-Кана в сексуальных домогательствах, она не удержалась и добавила, что он вел себя как «похотливый шимпанзе». Когда человек теряет контроль над собственными порывами, нам всегда хочется сравнить его с животным. Такое сравнение ужасно оскорбительно... для шимпанзе!

В академических кругах, надо сказать, тоже невозможно обойтись без популярного образа вышедшего из-под контроля животного. Там, где речь заходит о моральной эволюции, он просто необходим, потому что если нет морали, то мы просто «делаем что хотим»; при этом считается, что мы по определению не можем хотеть ничего хорошего. Отличный в остальном философ и знаток естественной этики Филип Китчер однажды назвал шимпанзе «распутниками», пояснив при этом, что они всегда идут на поводу у собственных порывов и желаний. Его определение не подразумевало ни злобности, ни похотливости, которые обычно связывают с этим понятием; речь шла в основном о том, что шимпанзе пренебрегают возможными последствиями своего поведения. Но, по существу, Китчер сказал то же, что и француженка: подобно некоторым заслуживающим презрения людям, животные в принципе не умеют сдерживать свои эмоции. Далее Китчер рассуждает о том, что где-то в процессе эволюции мы преодолели свое распутство и именно поэтому стали людьми.

Начался этот процесс с «осознания того, что определенные формы планируемого поведения могут привести к неприятным результатам».

Неужели Китчер имел в виду, что каждая кошка, заведя мышь, слепо бросается за ней? Неужели у кошек нет никакого выбора, кроме как следовать охотничьему инстинкту? Почему же тогда она распластывается на земле, плотно прижимает уши к голове, прячется за мусорным баком и начинает выслеживать свою добычу, приближаясь к ней медленно-медленно, буквально по сантиметру? Почему она тратит драгоценные минуты на то, чтобы подползать на чуть-чуть только тогда, когда мышь ее не видит? Может быть, она понимает, что лучше кинуться на добычу в нужный момент, чем раньше времени? Честное слово, мне часто хочется посоветовать каждому философу завести себе домашнее животное. Знание последствий очень сильно влияет на поведение.

Шимпанзе в зоопарке Тама тоже демонстрировали четкую границу между порывом и действием. Очевидно, каждому из них хотелось побыстрее расколоть свои орехи, но что-то не позволяло им этого сделать. Или представьте себе шимпанзе-мать, младенца которой с самыми лучшими намерениями утатила любопытная самка-подросток. Мать будет следовать за похитительницей с воем и мольбами, пытаясь получить своего отпрыска назад, та будет весело удирать. Но мать подавляет в себе желание преследовать несносную юницу, потому что боится, что та, забравшись на дерево, подвергнет опасности ее драгоценное дитя. Она должна оставаться спокойной и собранной. А вот когда младенец благополучно вернулся и вновь удобно устроился на мамином животе, ситуация кардинально меняется. Я видел, как в подобных случаях мать набрасывается на юную самку и долго, выпуская накопивше-

еся раздражение, гоняет ее с яростным ревом и визгом. Точно так же молодой самец, которому не позволено еще спариваться на виду у остальных, может долго сидеть рядом с сексуально привлекательной самкой, подавая ей тайные сигналы; видит их только она. Он будет широко расставлять задние конечности, демонстрируя эрекцию, и призывно водить передними. Так он приглашает самку последовать за ним в тихое местечко. Однажды я видел, как молодой самец, заведя самца постарше, торопливо прикрыл пенис лапами, скрывая свои намерения.

Высокоранговым особям самоконтроль тоже полезен. К примеру, иногда альфа-самца буквально донимает более молодой соперник, всячески стараясь вызвать на бой. Он кидает в его сторону камни, бросается к нему, будто собираясь напасть, его шерсть стоит дыбом. Это замечательный способ проверки нервов. Опытные альфы полностью игнорируют всю эту суету, как бы не замечая, а потом не спеша обходят своих союзников, успевая делать груминг каждому. Так что ближе к концу дня, когда придет время для контраступления, молодой да горячий окажется в явном проигрыше.

До меня дошло, насколько жестко сдерживают себя самцы шимпанзе, когда один из работающих в поле коллег поделился своими мыслями. Он сказал: «Вот никогда не думал, что самцы шимпанзе могут ломать друг другу кости». Я тоже никогда об этом не задумывался, но ясно, что животное, способное раскусить орех макадамия (а для этого требуется давление около 20 кг/см²), на это способно. Кристоф Бош наблюдал в лесу сотни схваток между членами разных групп и не раз замечал, что, когда самец хватается противника за ноги и кусает, вполне явственно слышен хруст ломающихся костей. Сам я видел схватки только между хорошо знакомыми шимпанзе,

а в них ничего подобного не происходит, как бы страшно все это ни выглядело со стороны. Это означает, что большую часть времени, по крайней мере внутри своей группы, самцы шимпанзе сдерживают свою немалую силу.

Преимущество эмоциональной реакции перед инстинктивной состоит в ее неоднозначности. Понятие «инстинкт» относится к генетической программе, которая говорит животному — или человеку, — что делать в тех или иных конкретных обстоятельствах. Эмоции, с другой стороны, производят внутренние изменения и одновременно обеспечивают оценку ситуации и возможных вариантов поведения. Неясно, есть ли у человека и других высших приматов инстинкты в точном смысле этого слова, но нет никаких сомнений в том, что эмоции у них есть. Немецкий специалист Клаус Шерер называет эмоции «разумным интерфейсом, промежуточным звеном между входом и выходом, действующим на основе того, что важнее всего для организма в данный момент».

Это определение может показаться противоречивым, поскольку в нем эмоции названы разумными. Стоит, однако, помнить, что различия между эмоциями и знанием до сих пор до конца не определены. Здесь то и другое переплетаются. Более того, у человека и других высших приматов они взаимодействуют, вероятно, очень похоже. Часто считают, что префронтальная кора головного мозга, которая помогает регулировать эмоции, у нашего биологического вида особенно велика, но это устаревшая точка зрения. Кора человека содержит 19% всех нейронов мозга, ровно столько же, сколько у любого типичного млекопитающего. Поэтому наш мозг иногда называют «линейно и пропорционально увеличенным мозгом примата». В целом он, возможно, больше

других, но связи между его отдельными частями точно такие же.

Большинство читателей наверняка знакомы с веселыми видеозаписями, на которых дети, сидя за столом в полном одиночестве, отчаянно пытаются *не есть* пастилу — они то лизнут ее тайком, то откусят крошечный кусочек, то отвернутся, чтобы не испытывать искушения. Это один из наиболее красноречивых тестов на владение собой. Детям, если они удержатся и не съедят эту палочку пастилы, обещают дать еще одну палочку. наших родичей-приматов тоже испытывают на такое «отсроченное вознаграждение». К примеру, низшие обезьяны с готовностью оставят кусочек банана в покое, если будут знать, что в этом случае позже получат кусок побольше. Или шимпанзе будет терпеливо сидеть и смотреть на контейнер, в который каждые 30 секунд падает конфета. В любой момент испытуемый может забрать контейнер и съесть его содержимое, но тогда поток сладостей прекратится. Чем дольше ждешь, тем больше конфет получишь. Человекообразные обезьяны справляются с этим заданием примерно так же хорошо, как дети, и способны отложить вознаграждение на время до 18 минут. Они ждут и дольше, если есть игрушки, при помощи которых можно отвлечься от наблюдения за машиной со сладостями. Подобно детям, обезьяны стараются отвлечься, чтобы более эффективно бороться с искушением. Значит ли это, что они осознают свои желания и намеренно их сдерживают? Так, пожалуй, и до свободы воли уже недалеко!

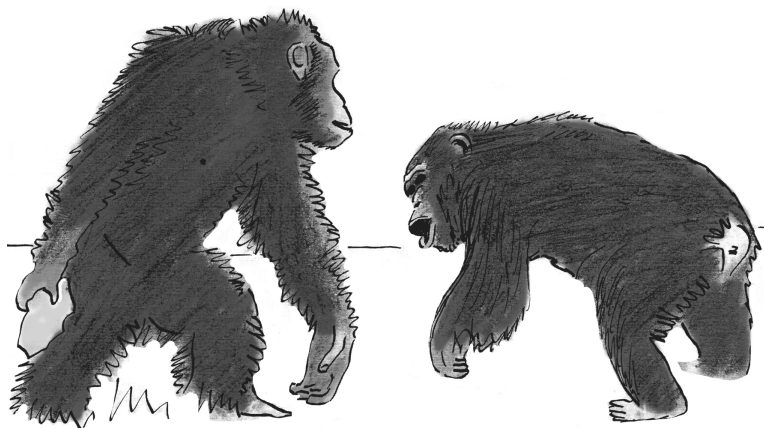
Ясно, что «распутники» Китчера — несуществующий вид. Приматы предоставляют нам материал для глубоких знаний о групповой жизни, основанной одновременно на эмоциях и контроле над ними. Неразрывно связанные с обществом, они уважают накладываемые им ограничения и готовы «рас-

качивать лодку» только в тех случаях, когда могут выйти сухими из воды или считают, что результат стоит риска. Если же нет, то они, подобно шимпанзе в зоопарке Тама, ждут очереди и сдерживают свои желания. Мы происходим от длинной череды предков, которые существовали в условиях развитой иерархии и для которых соблюдение социальных запретов было второй натурой. Если сомневающимся нужны доказательства того, как много мы от них унаследовали, достаточно только вспомнить, как часто мы подкрепляем моральные правила авторитетом власти. Иногда это личная власть, вроде власти суперальфа-самца (когда мы утверждаем, что Бог на вершине горы вручил нам скрижали Завета). В других случаях мы поддаемся власти разума: утверждаем, что некие правила настолько логически убедительны, что было бы глупо им не следовать. Уважение человечества к моральному закону выдает склад ума, характерный для существ, которые любят быть в хороших отношениях с вышестоящими.

Ничто не может быть более показательным, чем типичная реакция человека на свой проступок. Мы опускаем лицо, избегаем встречаться с другими людьми глазами, опускаем плечи, преклоняем колени и вообще как будто все съеживаемся. Уголки рта опускаются, брови изгибаются «домиком», выдавая явное чувство неловкости. Человек стыдится, он закрывает лицо руками или хочет «провалиться сквозь землю». Это желание стать невидимым — напоминание о позе подчинения. Шимпанзе ползают в пыли перед своим вожаком, пригибаются к земле, чтобы смотреть на него снизу вверх, поворачиваются к нему задом, чтобы ни в коем случае не выглядеть угрожающе. Доминантные особи, напротив, стараются казаться крупнее и готовы буквально бегать или ходить по подчиненному, который с готовностью принимает позу эмбриона.

Антрополог Дэниел Фесслер, изучающий чувство стыда в различных человеческих культурах, сравнивает его универсальную позу съезживания с позой подчиненного животного перед лицом разгневанного доминантного. Стыд отражает сознание того, что человек (или примат) разгневал кого-то, кого теперь нужно ублажить. Что бы при этом человек ни чувствовал, эти переживания вторичны по отношению к куда более древнему иерархическому образцу.

Доминантный шимпанзе, шерсть дыбом, идет на двух лапах и держит в руке большой камень. Он выглядит крупнее соперника, который с жалобным ворчанием уклоняется от столкновения с ним (знак подчинения). Однако все это ритуал, потому что на самом деле два самца одинаковы по массе и размеру

У человека есть одна-единственная уникальная особенность, которую подметил еще Дарвин: человек краснеет. Мне неизвестно, чтобы у каких-нибудь других приматов мгновенно краснело лицо. Румянец смущения — это настоящая эволюционная загадка, особенно для тех, кто считает, что человек способен только на эксплуатацию других людей. Если бы это было так, разве не лучше было бы человеку без этого стран-

ного свойства? Разве не лучше было бы, если кровь в самые неподходящие моменты не бросалась непроизвольно к щекам и шее, где изменение цвета кожи видно издалека, как горящий фонарь? Для прирожденного манипулятора подобный сигнал не имеет положительного смысла. Я могу придумать для такого румянца один-единственный смысл: покрасневшее лицо сообщает другим людям о том, что вы знаете, как сказываются на них ваши действия. Это способствует доверию. Мы вообще предпочитаем тех, чьи эмоции можно прочитать по лицу, тем, кто никогда не демонстрирует ни малейшего намека на стыд или вину. Тот факт, что в процессе эволюции у нас появился ясный сигнал, сообщающий о смущении, связанном с нарушением правил, — очень серьезная информация о нашем биологическом виде.

Способность краснеть — часть того самого эволюционного набора свойств, из которого выросла мораль.

Межличностная мораль

Мораль — это система правил, предписывающих, по существу, две вещи: помогать или по крайней мере не вредить другим людям. Она предписывает заботиться о благе других и ставить интересы общества выше личных. Мораль не отрицает существования личных интересов, но ограничивает следование им общественными интересами.

Это функциональное определение отделяет мораль от обычаев и привычек, таких, как правило пользоваться за столом ножом или вилкой, а не палочками и уж тем более не руками. Если я начну есть руками, окружающие, по крайней мере в моей нынешней культуре, могут меня не понять и даже осудить — но это будет осуждение не морального свойства. Даже

маленькие дети отличают этикет (мальчики ходят в свой туалет, девочки в свой) от моральных правил (нельзя дергать девочек за косички). Правила, имеющие отношение к морали, воспринимаются гораздо серьезнее, чем просто конвенции. Малыши даже верят в их универсальность. Если спросить, представляют ли они себе общество, в котором все ходят в один туалет, то окажется, что это вполне допустимо; но если спросите, существует ли общество, где можно просто так навредить кому-либо и это будет нормальным, они ответят отрицательно. Философ Джесс Принц* объясняет: «Моральные правила коренятся непосредственно в эмоциях. Подумав о драке, мы испытываем неприятное ощущение, и его невозможно просто так выключить». Моральные представления развиваются, как ни поразительно, в самом раннем возрасте. Еще до года малыши начинают проявлять симпатии к положительному герою кукольного представления. Кукла, которая спокойно играет с другой куклой в мяч, нравится больше, чем та, что крадет мяч и убегает с ним.

Эмпатия необходима. В раннем детстве ребенок усваивает, что если ударить или укусить брата или сестру, то будет много воплей и других отрицательных последствий. Детям, за исключением тех немногих, из кого вырастут психопаты и кто уже в детстве мучает животных, проявляет ненужную жестокость и не умеет раскаиваться, не нравится вид плачущих братьев и сестер. Кроме того, если обидеть братца, то ни игр, ни веселья больше не будет. Никто не захочет играть с тем, кто то и дело обижает. Наконец, на сцене в любой момент могут появиться сердитые мама с папой или учитель, которые пожалеют пострадавшего или накричат на обидчика и заставят

---

* Джесс Принц — американский ученый, исследующий эмоции, сознание, моральную психологию, эстетику. Занимается экспериментальной философией.

его почувствовать себя виноватым, указав на слезы жертвы. Учитывая эти эмоциональные последствия, мало кто захочет причинять вред товарищу по играм. Эмпатия учит детей принимать чувства других всерьез.

И такое раннее развитие не должно нас удивлять. Только господствовавшая «теория лакировки» внушала нам, что великодушные не являются частью человеческой природы и что надо приложить массу усилий, чтобы внушить его детям. Детей при этом рассматривали как эгоистичных чудовищ, которые усваивают мораль от своих учителей и родителей *вопреки* своим естественным наклонностям. Считалось, что принципам морали они следуют по принуждению. Я смотрю на это с противоположной точки зрения. Ребенок — моральное существо по своей природе, мощно поддерживаемое собственной биологической сущностью. Мы, люди, автоматически обращаем внимание на других, испытываем к ним приязнь и ставим себя на их место. Подобно остальным приматам — и, кстати говоря, не только приматам, — мы испытываем эмоциональное влияние других. Большой пес прекратит трепать более мелкого собрата, как только тот взвизгнет погромче, по той же причине: ему не хочется делать больно другому.

Собаки более иерархичны, чем люди, и у них больше причин бояться последствий. Возможно, именно этим объясняется резкая реакция Булли, собаки Конрада Лоренца, на нарушение правил. В данном случае жертвой был не беззащитный собрат, а сам хозяин: Булли случайно укусил знаменитого этолога за руку, когда тот пытался разнять собачью драку. Лоренц не стал его наказывать и даже, наоборот, постарался сразу же успокоить, но у Булли случился настоящий нервный срыв. Несколько дней он был буквально парализован и ничего не ел, лежал на своей подстилке и мелко дышал, лишь иногда испуская вздох из са-

мой глубины своей истерзанной души. Пес выглядел смертельно больным. Но даже немного оправившись, Булли несколько недель вел себя тише воды, ниже травы; такое поведение дало Лоренцу повод порассуждать о наличии у собак «совести». Раньше Булли никогда никого не кусал, так что он не мог оценить свои действия по прежнему опыту и прийти к выводу, что сделал что-то дурное. Вероятно, он нарушил естественное табу на причинение вреда вышестоящим — а это могло повлечь за собой самые худшие последствия, в том числе и изгнание из стаи.

Еще студентом я следил за поведением группы макак в присутствии альфа-самца и в его отсутствие. Как только альфа-самец поворачивался спиной, остальные самцы начинали подбивать клинья к самкам. В обычное время они тем самым заработали бы себе серьезные проблемы. Мы проверили этот принцип: низкоранговые самцы отказывались подходить к самкам, пока доминантный самец мог видеть их из отдельной стеклянной клетки — но отбрасывали всякие сомнения, когда его удаляли. В этот момент они чувствовали себя вправе спариваться с самками; кроме того, устраивали представления с битьем себя в грудь и ходили с поднятыми хвостами, что типично для высокоранговых самцов. Однако после возвращения босса самцы какое-то время вели себя очень нервно и приветствовали его широким заискивающим оскалом. Казалось, они понимали, что поступили нехорошо²¹.

Ситуацию «кот из дома — мыши в пляс» всегда забавно наблюдать, поскольку мыши в это время не в состоянии избавиться от мыслей о коте. В другой группе макак давний альфа-самец по кличке Мистер Спиклс иногда уставал в период спаривания следить за полудюжиной беспокойных самцов. Или, может быть, ему просто хотелось погреть в помещении свои старые кости. Он пропадал на полчаса, оставляя другим сам-

цам полную возможность спариваться. Бета-самец той группы был очень популярен у дам, но так боялся Мистера Спиклса, что его все время неудержимо тянуло к двери заглянуть в щелочку. Может быть, он хотел убедиться, что Мистер Спиклс на месте. Самцам макаки-резус требуется обычно несколько попыток, прежде чем произойдет семяизвержение, так что молодой самец до того, как сделать свое дело, успевал раз десять сбегать от партнерши к двери и обратно.

Но нельзя сказать, что социальные правила соблюдают в присутствии доминантных особей и забывают, стоит им отвернуться. Если бы это было так, то низкоранговым самцам не было бы нужды все время проверять местоположение альфа-самца или вести себя как провинившиеся после своих маленьких приключений. Дело в том, что внешние правила до определенной степени становятся внутренними. Более сложная реакция наблюдалась однажды в обезьяньей колонии Арнема; тогда бета-самец Лейт одержал физическую победу над альфой Йеруном. Схватка произошла в спальном помещении, где самцы оказались наедине. На следующее утро в вольере разыгралась следующая потрясающая сцена:

«Обнаружив раны Йеруна, Мама начала ухать и оглядываться по сторонам. Сам Йерун при этом потерял самообладание, стал вопить и взвизгивать; тогда все остальные шимпанзе подошли посмотреть, в чем дело. Пока обезьяны толпились вокруг пострадавшего и ухали, “злодей” Лейт тоже начал вопить. Он нервно бегал от одной самки к другой, обнимал их и устраивал самопрезентации. После этого он большую часть дня ухаживал за ранами Йеруна. У того от мощных клыков Лейта были рваная рана на стопе и две раны в боку».

Положение Лейта напоминало положение пса Булли в том отношении, что тот и другой нарушили иерархический порядок — они напали на альфа-самца. Реакция группы, казалось, говорила: ужасный проступок; сам Лейт тоже возмещал нанесенный урон как мог. Но он не отказался от своих намерений взять верх над Йеруном, и в последующие недели давление на вожака не ослабевало. В конце концов Йерун вынужден был уволиться с высшего поста. Уход за ранами старого самца не должен никого удивлять, поскольку это нормальные для шимпанзе отношения; для бонобо такое поведение еще более типично. У них я не раз видел, как во время примирения агрессор передними конечностями брал заднюю лапу пострадавшего или гладил переднюю, на которой остались следы его зубов. Эти действия не только говорят о прекращении ссоры, но и выражают сожаление. Бонобо так редко кусаются, что их тревога за последствия совершенно понятна; они стараются слизать каждую каплю крови, пролитой в результате их собственного несдержанного поведения.

Вероятно, свою роль в этих инцидентах, в том числе и в реакции Лейта на раны Йеруна, сыграла и эмпатия. Эти раны, хотя и неглубокие по меркам шимпанзе, были для Йеруна первыми за много лет. В целом приматы всеми силами стремятся сохранить хорошие отношения даже перед лицом соперничества и раздора. Шимпанзе прекрасно понимают, что такое боль и страдания, и это ясно видно по их играм. Если в игре участвуют разновозрастные детеныши, младшему нередко приходится плохо; ему запросто могут заломить ногу или перейти от трепки к укусам. При малейшем писке мать малыша прекратит игру. Обычно шимпанзе играют молча, лишь иногда раздаются хриплые придушенные смешки, напоминающие человеческий смех. Просмотрев записи сотен сеансов

шуточной борьбы, мы обнаружили, что подростки особенно охотно смеются именно тогда, когда за игрой наблюдает мать младшего участника игры. В ее присутствии они хохочут чаще, чем наедине с тем же малышом. Выглядит все так, будто они стремятся успокоить мать: «Смотри, как нам весело!»

В итоге можно сказать, что социальный кодекс, по которому живут приматы и дети, поддерживается двумя факторами: внутренним и внешним. Первый — это эмпатия и желание со всеми поддерживать хорошие отношения, что заставляет избегать ненужных ссор. Второй — угроза физических последствий, таких как наказание со стороны вышестоящих. Со временем эти два фактора создают внутренний набор правил и ограничений, который я называю *межличностной моралью*. Такая мораль позволяет уживаться партнерам, обладающим несравнимыми способностями или силой; речь, к примеру, может идти о самцах и самках или о взрослых и детенышах. Мораль связывает их и помогает сформировать приемлемый для всех образ жизни. Иногда от правил отступают — в тех случаях, скажем, когда соперники конкурируют за статус, — но в целом приматы стремятся к мирному сосуществованию. Особи, не способные или не желающие подчиняться общественному кодексу, становятся маргиналами. Главным двигателем этого процесса с эволюционной точки зрения является стремление к интеграции, поскольку ее противоположность — изоляция или остракизм — резко снижает шансы особи на выживание.

Первой понятие «дружба» применила к поведению животных Барбара Сметс в книге «Секс и дружба у бабуинов» (*Sex and Friendship in Baboons*, 1985); тогда это вызвало жаркие споры. Некоторые считали такую интерпретацию отношений между животными слишком антропоморфной.

Но чем больше мы узнавали об узах, которые связывают животных, тем меньше оставалось скепсиса, и теперь это общепринятое понятие. К примеру, два старых самца шимпанзе в угандийском парке Кибале-Форест большую часть времени кочевали вместе, охотились бок о бок, делились мясом, а расходясь в густых зарослях, обязательно перекликались, чтобы не потеряться. Кроме того, эти самцы всегда поддерживали друг друга в схватках с «третьими лицами». Много лет они были верными партнерами, хотя и не состояли в родстве. Приматолог Джон Митани, годами наблюдавший за ними, рассказывает, что после смерти одного из друзей второй стал намного менее общительным и практически самоизолировался; судя по всему, он погрузился в траур. Документально зафиксировано множество случаев подобных отношений, и анализ ДНК подтверждает, что партнеры часто не являются родственниками. Так что слово «дружба» здесь — не преувеличение, сегодня его часто используют, описывая отношения между слонами, дельфинами и другими животными. Полевые наблюдения за бабуинами показали, что самки, у которых есть подруги, живут дольше, чем те, у кого их нет, и оставляют после себя больше потомства. Так что дружеские отношения весьма ценны с эволюционной точки зрения.

Социальный кодекс, обеспечивающий хорошие отношения всех со всеми, определяет, помимо всего прочего, кто с кем может спариваться, как играть с малышами, кому следует уступать и при каких обстоятельствах можно отобрать у другого пищу, а при каких следует ждать своей очереди. Шимпанзе и бонобо уважают право собственности, так что даже высокоранговым самцам иногда приходится выпрашивать пищу. Вообще, доминантные особи редко отбирают у других пищу силой, и нарушители кодекса всегда встречают яростное сопротивление.

Групповая атака на Фолькера, описанная в главе 3, наглядно демонстрирует отношение бонобо к тем, кто нарушает правила. Подобных примеров полно; вот, например, сцена в колонии шимпанзе под моим окном. Джимо, предыдущий альфа-самец, однажды наказал молодого самца, заподозрив его в незаконном спаривании. В обычных условиях Джимо просто отогнал бы правонарушителя подальше, но по какой-то причине — может быть, та же самка отказала ему в тот день — он пустился в настоящую погоню и никак не хотел успокоиться. Молодого самца прослабило от страха, и было похоже, что добром для него дело не кончится. Но не успел Джимо добраться до нарушителя, как самки подняли галдеж и стали издавать громкие вопли протеста. Шум поднялся оглушительный; в конце концов к хору присоединилась и альфа-самка. Джимо прекратил погоню и удалился с нервной гримасой: он понял упрек.

Таким образом я стал свидетелем, как воздействует общественное мнение.

«Сущее» и «должное»

Пожалуй, самое интересное в социальном кодексе — это то, что он реально предписывает определенное поведение. И у него есть зубы. Я говорю сейчас не только о том, как животные себя ведут, но и о том, какое поведение от них *ожидается*. На самом деле все сводится к разнице между сущим и должным. Вероятно, это покажется кому-то странным лексикологическим отступлением, но грань между «есть» и «должно быть» составляет едва ли не главную тему философии. В самом деле, невозможно обсуждать происхождение морали, не разобравшись в этой разнице. Понятие «сущее»

описывает реальное положение вещей в настоящий момент (социальные тенденции, мыслительные способности, нейронные процессы), тогда как «должное» относится к тому, каким мы хотим все это видеть и как мы сами должны себя вести. В общем, «сущее» — это о фактах, а «должное» — о ценностях*. Животные, которые подчиняются предписываемому кодексу, уже перешли от сущего к должному. И сделали это, надо заметить, в абсолютном неведении относительно океана чернил, пролитых по этому поводу.

Шотландский философ Дэвид Юм, указавший на различие сущего и должного, писал почти три века назад, что мы ни в коем случае не должны принимать их за одно и то же, и добавлял, что «следует объяснять основание» перехода в рассуждениях от жизненных фактов к ценностям, к которым мы стремимся²². Иными словами, мораль — не просто отражение человеческой природы. Как невозможно вывести правила дорожного движения из описания автомобиля, так и моральные нормы нельзя вывести из описания того, кто мы и что мы. Утверждение Юма очень разумно, но весьма далеко от преувеличений позднейших философов, превративших его призыв к осторожности в «гильотину Юма» и утверждавших, что между сущим и должным лежит непреодолимая пропасть. Эти же философы при помощи «гильотины Юма» долгое время пресекали любые, даже самые осторожные попытки применить эволюционную логику или нейробиологию к вопросам человеческой морали. Наука не в силах растолковать, как сформировалась мораль, говорили они. Это верно, но при всем при том наука определенно может помочь нам разобраться, почему один выбор предпочтительнее другого — а следовательно, и почему наша мораль такова,

---

* В философии (Бозэций, Хайдеггер и др.) эти понятия интерпретируются иначе.

какова она есть. С одной стороны, бессмысленно было бы придумывать моральные правила, которым невозможно следовать, точно так же, как бессмысленно устанавливать на дороге правила, которым автомобили физически не смогут подчиняться (к примеру, предписывать им перепрыгивать через медленно едущие машины). Среди философов этот принцип обычно звучит как «должное подразумевает возможное». Мораль должна соответствовать тому биологическому виду, для которого предназначена.

Сущее и должное для морали — как инь и ян. Мы обладаем тем и другим, нуждаемся в том и другом, они не тождественны и в то же время не совершенно раздельны. Они дополняют друг друга. Сам Юм не пользовался «гильотиной», названной в его честь; наоборот, он подчеркивал, как много значит человеческая природа, и рассматривал мораль как продукт эмоций. Эмпатия (которую он называл симпатией) была для него одним из главных факторов, он придавал ей громадное моральное значение. И это не было противоречием — ведь Юм всего лишь призывал к осторожности при переходе рассуждения от того, какие мы, к тому, как мы должны себя вести. Он никогда не говорил, что такой переход невозможен. Нам также следует помнить, что в реальной жизни противоречие между сущим и должным чувствуется гораздо меньше, чем на концептуальном уровне, где предпочитает обитать большинство философов. Они считают, что у нас нет оснований для *объяснения* перехода от одного уровня к другому, но кто говорит, что мораль сформирована по законам разума или хотя бы нуждается в этом? Что если она коренится в эмоциях, как и предполагал Юм?

Ценности неразрывно связаны с тем, что мы собой представляем. Иногда считается, что в моральном балансе биология целиком находится на стороне сущего. Однако каждый орга-

низм преследует свои цели. Одна из этих целей — выживание, другая — продолжение рода, но есть и текущие потребности, такие как не пускать соперников на свою территорию или избегать экстремальных температур. Животные «должны» питаться, убегать от хищников, находить пару и т. п. Понятно, что полный желудок не является моральной ценностью, но при переходе к общественной жизни различия становятся существеннее. Социальные животные «должны» находить общий язык. Человеческая мораль развивается из чуткости по отношению к другим и из понимания следующего факта: чтобы пользоваться преимуществами групповой жизни, следует идти на компромиссы и проявлять внимание к окружающим.

Не все животные восприимчивы в отношении других. Даже если бы пираньи и акулы были такими же умными, как мы, они никогда не смогли бы принять наш общественный кодекс; дело в том, что причинение вреда другим — если, конечно, исключить риск ответного удара — их ни в малейшей степени не беспокоит. Мы принципиально отличаемся от них в эмоциональном плане и именно поэтому придаем помощи и причинению или не причинению вреда особый статус. Эти ценности не насаждаются извне и не усваиваются логически — они глубоко встроены в структуру нашего мозга. Патриция Чёрчленд в книге «Мозговой трест» (Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*) объясняет на языке сущего и должного, как эволюция подготовила нас к морали:

«С биологической точки зрения базовые эмоции — это инструмент, при помощи которого Мать-природа по-

---

* В книге излагается концепция, согласно которой основа морали — забота о потомстве, а нейрого르몬 окситоцин играет в возникновении морали ключевую роль.

буждает нас делать то, что мы должны делать, если хотим быть благоразумными. Социальные эмоции являются способом заставить нас совершать то, что мы должны совершать с точки зрения общества, а система поощрений и наказаний — способом научиться посредством прошлого опыта улучшить свое поведение в обеих сферах».

Противоречие между тем, какие мы есть, и тем, какими мы должны быть, приводит иногда к интереснейшим дебатам. Приведу в пример свой спор с одним блогером, который утверждал, что человек, от природы склонный к альтруизму, заслуживает меньшего уважения, чем тот, кто не имеет такой склонности, но при этом все же проявляет альтруизм. Так полагал один из влиятельнейших философов-моралистов Иммануил Кант. Он считал человеческую доброту примерно столь же ценной, как Дик Чейни — экономию энергии. Чейни иронизировал, что экономия энергии «похвальна», но смысла не имеет, тогда как Кант называл сочувствие «красивым», но бессмысленным с точки зрения морали. Кому нужны нежные чувства, если значение имеет только долг?

Другой блогер, напротив, высказывал предпочтение тем, кто испытывает спонтанное желание помочь, в противовес помогающему лишь тогда, когда все логически рассчитано. Таким образом, он оценил доброту выше, чем альтруизм по обязанности. Вообще, это интересная дилемма; сравните ее с вопросом о том, на ком вам хотелось бы жениться или за кого выйти замуж. Должен ли это быть человек, любящий вас, или достаточно того, чтобы он просто оказывал вам такую же поддержку, как любящий, но только по обязанности? Второй кандидат, безусловно, вкладывал бы в жизнь с вами намного

больше усилий и, наверное, заслуживал бы большего уважения, но я бы лично предпочел первый вариант. Может быть, я неисправимый романтик, но я не верю в прочный союз, основанный на чувстве долга. Так же и мораль будет гораздо прочнее, если ее движущей силой станут подлинные просоциальные чувства.

Ад земной

В роли второй движущей силы морали выступает наша иерархическая природа и страх наказания. Тема, разумеется, не новая, особенно для тех, кто утверждает, что мораль не может существовать без Бога. Не обязательно соглашаться с этим удручающим заявлением, но бессмысленно также отрицать роль властей и социального влияния. В противоположность просоциальным тенденциям, которые возникают в самом начале жизни, тема обеспечения порядка появляется довольно поздно. Даже макаки-резусы, известные жесткой иерархичностью своих сообществ, проявляют невероятную терпимость по отношению к молодежи. В 1980-е гг. я проводил эксперименты, в ходе которых на несколько часов оставлял большую группу обезьян без воды, а затем наполнял их поилку. Все взрослые подходили пить в порядке строгой иерархии (все очень напоминало сцену с колкой орехов в зоопарке Тама), зато детеныши в возрасте до года подбегали, когда хотели. Они пили вместе с самыми высокоранговыми самцами и свободно смешивались с семейством главной самки. Наказания у макак возникают только на втором году жизни, и тогда уже все быстро запоминают свое место.

Поскольку человекообразные обезьяны развиваются медленнее, чем низшие приматы, детеныши у них практически

не знают наказаний первые четыре года жизни. Что бы они ни делали, их никто не осудит. Они могут использовать спину доминантного самца в качестве трамплина, вырывать пищу из рук других обезьян, изо всех сил ударить подростка. Никто, даже собственная мать, не сделает им замечания. Ее основная стратегия в этот период — переключение внимания. Если ее малыш ползет к раздраженному взрослому или собирается подраться с товарищем по игре, мать начнет его щекотать, отведет в сторону или предложит сосать грудь. Можно представить себе шок, который испытывает впервые отвергнутый и наказанный детеныш. Самые драматичные наказания ждут тех молодых самцов, которые посмели приблизиться к сексуально привлекательной самке. До этого момента им позволялось свободно шалить среди них и даже спариваться — если, конечно, юнцы были на это способны. Но неизбежно наступает такой момент, когда конкуренция между взрослыми самцами выльется в спонтанную атаку на юного примата. Один из самцов, шерсть дыбом, вдруг налетит на ничего не подозревающего донжуана, схватит и начнет неистово таскать по всему вольеру за заднюю лапу, кусая при этом до крови. Молодым самцам обычно хватает одного-двух таких уроков. После этого любой взрослый самец может только взглядом или шагом на встречу заставить юнца отскочить от самки подальше.

Таким образом молодые самцы учатся контролировать свои сексуальные желания или по крайней мере быть осмотрительнее. Наши дети осваивают социальные правила примерно так же. Мы гораздо терпимее относимся к поведению трехлетнего ребенка, чьи проделки нас чаще всего просто забавляют, чем подростка, нарушения правил со стороны которого глубоко нас тревожат. Процесс обучения проходит примерно так же, как у других приматов, — от «сойдет

и так» до узких рамок приемлемого поведения. Неудивительно, что наказания прочно присутствуют в наших моральных системах, от принудительных действий правоохранительной системы до ostracism в отношении мошенника и от разговоров с глазу на глаз до угроз геенной огненной, ожидающей в аду грешников.

Внушить человеку страх перед наказанием — задача непростая, ей активно занимаются и религия, и общество. И здесь картины Босха занимают особое место. Он больше всего знаменит изображениями ада, которые напоминают каждому, какие ужасные вещи ждут тех, кто поддался пороку. Сцены пыток и уничтожения играют на глубочайших страхах человека — страхе быть отвергнутым, страхе страдания и смерти. Неудивительно, что на протяжении веков его картины копировали снова и снова — примерно так же, как сегодня изображения распространяют по Интернету. Копированием созданных Босхом сцен занималась целая художественная фабрика в Антверпене. И все же тем, кто верит, что Босх, рисуя подобные картины, должен был быть глубоко религиозным человеком, следует взглянуть на них повнимательнее. К примеру, правая панель «Сада земных наслаждений» уникальна тем, что Босх обошелся тут без Бога, оставив все в руках человеческих. Как в буддизме нет наказующего Бога, зато есть понятие кармы, которая несет расплату всем, кто ведет аморальную жизнь, так и Босх изобразил на этой картине буквально ад на земле. Он наполнен таким множеством повседневных, хотя и причудливых сцен, что напоминает скорее варианты самых неприятных способов закончить жизнь, нежели традиционную геенну огненную, ожидающую грешников на том свете. Мы видим на горизонте пламя, но это горит сама земля. В аду Босха есть даже замерзшее озеро, где катаются на коньках об-

наженные люди и фантастические животные — точно так же голландцы катались на всем, что замерзло. Не слишком похоже на типичный ад, правда?

Важная фигура здесь — чудовище с птичьей головой, известное как Князь Ада, с котлом на голове. Чудовище сидит на стульчаке, напоминающем трон, и пожирает проклятых людей, которыми затем испражняется в висящий снизу прозрачный мешок или плодный пузырь. Мы видим также два гигантских отрезанных уха с ножом между ними; как только не интерпретируют эту сцену: то нож — это алхимический инструмент очищения, то уши — знак глухоты человечества к Новому Завету, то все вместе символизирует или «уши» колокола* на колесах, или фаллос с мошонкой. А в сочетании с множеством гигантских музыкальных инструментов, присутствующих в босховом аду (включая первое подробное изображение шарманки), большие уши могут также намекать на муки слуха от нескончаемой какофонии.

Босх оставляет нас, смертных, наедине с нашей судьбой и нашими страхами. Попытавшись связать этот земной ад с другими элементами триптиха, я был поражен тем, что на остальных двух панелях изображено множество всевозможных плодов, а в аду нет буквально ни одного. Я уже упоминал о том, что в раю у Босха нет запретных плодов, и это позволяет предположить, что Адам и Ева благополучно избежали трагедии обретения запретного знания и расплаты за него. Будто в качестве компенсации за отсутствие запретного плода автор засыпает массу обнаженных фигур на центральной панели триптиха невероятным количеством плодов не запретных. Их так много, что люди на картине не могут

---

* Кольцо, за которое подвешивается колокол, называют еще «ухом».

удержать их в руках. Они получают плоды от птиц, угощают друг друга, переносят с места на место гигантские ягоды клубники, а у одного человека даже голова превратилась в виноградину (возможно, это отсылка к среднеголландской шутке про головку полового члена). Но если центральная часть триптиха полна не запретных плодов, то ад полностью лишен их, и возникает впечатление, что Босх хотел этим что-то подчеркнуть.

Мне по наивности показалось, что ответ на данный вопрос можно найти в романе под названием «Биг-Сур* и апельсины Иеронима Босха» (*Big Sur and the Oranges of Hieronymus Bosch*). Я взял эту книгу с собой во время поездки в Калифорнию. Сидя среди обнаженных купальщиков в сероводородном источнике, я чувствовал связь с «Садом земных наслаждений»; Биг-Сур тоже был великолепен, но роман я читал с большим трудом. Мне в жизни редко приходилось встречать автора, который больше потакал бы своим прихотям, чем Генри Миллер, к тому же я быстро понял, что он почти ничего не знает о Босхе. Так, Миллер в книге упоминает триптих Босха под названием «Тысячелетие»; это новое название, которым наградил «Сад земных наслаждений» немецкий историк искусства Вильгельм Френгер **. Френгер утверждает, что Босх принадлежал к еретической секте. Это обвинение звучит достаточно часто, несмотря на то что в его пользу нет совершенно никаких данных; оно стоит в одном ряду с другими выдуманнными обвинениями, к примеру,

---

* Биг-Сур (*Big Sur*) — редконаселенное тихоокеанское побережье центральной Калифорнии. В результате вулканической деятельности там образовались утесы и бухты уникальной и причудливой формы.

** Вильгельм Френгер (1890–1964) — известный немецкий специалист по творчеству Босха. Книга, которую имеет в виду автор, называется «Тысячелетнее царство по Иерониму Босху» (1951).

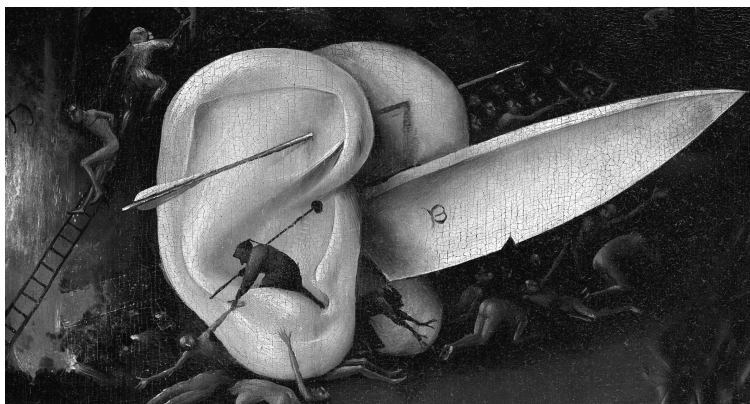
что Босх был скрытым гомосексуалистом и страдал страхом кастрации или что он был буйным шизофреником. Миллер с энтузиазмом описывает апельсиновую рощу и восхищается тем, как реалистично выглядят у Босха апельсины («они намного восхитительнее, намного натуральнее, чем те апельсины фирмы Sunkist, которые мы покупаем каждый день»). Маловероятно, однако, что Босх хотя бы знал, что такое апельсин. В Северной Европе эти фрукты стали известны только в XVI в.; в XVII в. их начали выращивать в «оранжереях»*. Голландские живописцы, в частности Питер Мондриан, обычно изображают яблони или другие северные плодовые деревья. В «Саду земных наслаждений», судя по всему, тоже представлен яблоневый сад.

Асимметричное распределение изображений плодов на триптихе, кстати, объясняется очень просто: плоды символизируют удовольствие, как гастрономическое, так и эротическое, а ад — место, откуда изгнано всякое удовольствие. Тем не менее остается без объяснения еще отсутствие Бога. На другом изображении ада кисти Босха, в картине «Страшный суд», Бог присутствует; он царственно восседает над мятущимися толпами; следовательно, в его отсутствии в аду триптиха должен быть некий резон. Возможно, Босх хотел донести до зрителя какое-то светское послание? Может быть, подразумевалось, что аморальность заслуживает ада вне зависимости от божьего суда? Или это намек на знаменитый вопрос Сократа о том, действительно ли говорить нам, что морально, а что нет, должны боги?*

---

* Слово «оранжерея» — однокоренное с английским orange (апельсин).

** Автор имеет в виду диалог Платона «Евтифрон», в котором Сократ задает вопрос: «Благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?»

На правой панели триптиха Босха «Сад земных наслаждений» с изображением Апокалипсиса можно видеть два уха, пронзенные стрелой и несущие между собой острый нож. Эти уши, катящиеся тяжелой колесницей по обреченным душам, поставили в тупик уже не одно поколение художественных критиков

«Сад земных наслаждений» предлагает нам вообразить мир, в котором мы занимаемся повседневными делами без всяких божественных указаний о том, что хорошо и что плохо, и без божественного надзора. Кажется, Босх говорит: такому миру все равно потребуется мораль, и он будет наказывать тех, кто отступит от достойной жизни, даже если вместо попадания людей в ад после смерти ад настигнет их на земле.

Общественный интерес

Босх, дитя Возрождения, жил во времена, когда разум начали ценить выше благочестия. Человечество стало мечтать о рационально обоснованной морали, и именно во исполнение этой мечты Кант несколько столетий спустя положил в основание морали «чистый разум». Многим казалось, что безупречные и вечные моральные истины где-то совсем рядом, практически «за углом», и надо только понять убедительнейшую логику,

на которой они основаны. Философы с энтузиазмом взялись за дело.

Как могла возникнуть такая странная мысль? Мне она напоминает аргумент креационистов в споре с эволюционистами, когда в качестве примера предлагается взять глаз. Сложная функциональность глаза, утверждают креационисты, не могла возникнуть случайно, поэтому мы должны сделать вывод о существовании разумного дизайнера. Большинство биологов с этим не согласно и готово указать на промежуточные стадии, начиная от пятен светочувствительного пигмента на голове плоского червя и заканчивая крохотным глазом моллюска наутилуса. Естественный отбор, если хватит времени, может произвести на свет невероятно сложные структуры посредством крохотных шажков, подобно «слепому часовщику» Докинза. Никакой план при этом не нужен. Зачем же рассуждать в том же «глазном» ключе? Да, он сложен по структуре и в применении, но это необязательно подразумевает заранее придуманный план. Что в природе сделано по логическому плану? Мысль о том, что мораль можно логически вывести из неких первоначал, — креационистский миф, причем не слишком удачный, поскольку никто не смог убедительно его обосновать. Дело ограничивается пространными утверждениями.

Нормативная этика несет на себе явную печать предыдущей эпохи. Вся концепция морального «закона» предполагает принцип, который внедряется или по крайней мере может быть внедрен силой, причем остается только гадать, кто или что становится такой силой. В прошлом ответ был очевиден, но как применить эту концепцию, не привлекая идеи Бога? В качестве философского подхода к этому вопросу я бы рекомендовал книгу Филипа Китчера «Этический про-

ект» (The Ethical Project), где автор высказывается достаточно скептически:

«Теоретические рассуждения об этическом проекте затрудняются предположением о том, что обязательно должен существовать некий этический авторитет, некая точка зрения, которая истину всегда надежно отличит от лжи. Философы отводят себе роль просвещенной замены религиозным учителям, которые прежде притягивали на получение откровения свыше. Но почему? Может быть, этика — это продукт нашей общей, совместной разработки?»

Однако в нынешнюю эпоху, когда разум славят, а на эмоции смотрят сверху вниз как на что-то слезливое и путаное, невозможно обойти фундаментальные потребности, желания и навязчивые идеи нашего биологического вида. Мы состоим из плоти и крови, преследуем определенные цели: это пища, секс и, самое главное, безопасность. На этом фоне вся концепция «чистого разума» представляется чистой фантастикой. Вы слышали об исследовании, согласно которому судьи после обеда более снисходительны, чем до обеда? По-моему, здесь кратко и емко представлена вся человеческая разумность. Практически невозможно отделить рациональное принятие решений от старых предрассудков, подсознательных оценок, эмоций и деятельности пищеварительной системы. По данным когнитологии, рационализация появляется по большей части задним числом. Мы обладаем двойственной ментальностью, которая мгновенно, пока мы еще не успели как следует обдумать вопрос, предлагает нам интуитивный ответ; за этим актом следует второй, более медленный процесс, в ходе ко-

торого решение проверяется на качество и реализуемость. Конечно, второй процесс помогает нам обосновать решение, но считать это обоснование реальной причиной решения — сильное передедгивание. Однако мы постоянно так делаем. Рабовладелец может утверждать, что оказывает рабу одолжение, а поджигатель войны — что он просто хотел освободить мир от тирана. Мы замечательно умеем обосновывать решения, которые отвечают нашим целям. Джонатан Хайдт увидел эту тенденцию в спорах о морали, метко сравнив ее с хвостом, который виляет собакой*. Объяснения, которые мы даем своему поведению, слабо отражают его реальные мотивы. Как элегантно выразился Паскаль, «у сердца свои резоны, уму невнятные».

Лично я скептически воспринимаю доводы, которыми люди объясняют свое поведение, считая, что мне здорово повезло, ведь работаю с существами, которые не умеют заполнять опросники. И все же люди в большинстве своем полагают, что мысль предшествует действию. Мне доводилось слышать рассуждения философов об «идее» прощения и «концепции» справедливости, я встречал даже рассуждения о том, что последней мы обязаны Французской революции. Неужели имеется в виду, что, пока Мария-Антуанетта не лишилась головы, люди не имели понятия о справедливости? Мы, конечно, хорошо умеем переводить существующие в реальности до всякой теории тенденции в теоретические концепции, но это не мешает приматам и детям, никогда о них не слышавшим, целоваться и обниматься после драки или громко возражать против не-

---

* «Хвост, который виляет собакой» (tail wagging the dog) — английское идиоматическое выражение, означающее перевод внимания с одного явления, действительно имеющего место, на другое, отношения к делу не имеющее или просто выдуманное; или когда меньшая, незначительная часть контролирует целое.

честного распределения рождественских подарков. Так что позвольте мне вернуться к варианту «снизу вверх», при котором во главу угла ставятся эмоции. При таком подходе предполагается, что у морали есть два основных уровня, один из которых регулирует отношения один на один, а другой — интересы общества. Первый уровень — это, по существу, то, что я назвал межличностной моралью; такая мораль отражает понимание того, как наше поведение действует на иных представителей вида. Этот уровень у нас общий с другими социальными животными, у которых имеются аналогичные сдерживающие факторы и кодексы поведения. Отступление от правил ведет к дисгармонии, именно поэтому мы чувствуем необходимость учитывать интересы других; это «должное». В основе лежит *не* разум, хотя совсем несложно логически обосновать, почему другим может не понравиться дурное обращение или почему самец шимпанзе непременно накажет молодого соперника, ухаживающего за самочкой. Тем не менее реакции здесь полностью эмоциональны, как эмоциональна по своему существу ревность или понимание того, что, дабы быть принятым в кругу друзей, нужно вести себя соответствующим образом.

Следует заметить, однако, что понятие межличностной морали достаточно узко. Необходим второй уровень, который я называю *общественным интересом*. Он не отвергает индивидуальные интересы, но представляет собой принципиальный шаг вперед во всем, что касается гармонии в большом коллективе. Именно на этом уровне человеческая мораль начинает отличаться от всего, что было до человека, хотя у некоторых животных можно обнаружить рудиментарные формы общественного интереса.

Я уже упоминал о том, что высокоранговые приматы (мы говорили о Финеасе и других) выполняют задачу поддержа-

ния порядка в группе и прекращают драки между другими ее членами. То же третейское «патрулирование» можно наблюдать и у диких шимпанзе, а недавние исследования, сравнившие его функционирование в разных группах, позволяют сделать вывод о том, что такая «правоохранительная» деятельность стабилизирует социальную динамику. Сюда же относится посредничество пожилых самок, которые сводят враждующих самцов вместе, иногда буквально таща за лапу, чтобы те помирились. Самки вырывают тяжелые камни из рук самых воинственных самцов, причем делают это даже тогда, когда сами непосредственно не участвуют в ссоре и легко могли бы остаться в стороне. Таким образом шимпанзе улучшают общую атмосферу вокруг себя, содействуя мирным отношениям не только между собой, но и во всем сообществе. Или посмотрите, как самки реагируют на попытки самцов насильно овладеть одной из них. В природе самец при этом, возможно, добьется успеха, потому что он всегда может увести самку на «сафари» подальше от группы и избежать таким способом постороннего вмешательства. Иногда самцы шимпанзе даже подбирают палку и, размахивая ей, заставляют самку помимо ее воли вступить с ними в сексуальные отношения. В неволе, однако, укрыться от группы невозможно, и мне нередко приходилось видеть, как в ответ на слишком настойчивые приставания самца самка поднимала громкий вопль, после чего весь женский коллектив помогал ей отогнать нарушителя прочь. Вообще говоря, женская солидарность у шимпанзе не в чести, поэтому единодушные протесты самок против попытки насилия очень примечательны. Неужели они достигли молчаливого соглашения? Неужели понимают, что если помогать друг другу, то всем в конечном итоге будет лучше?

В человеческом обществе общественный интерес строится на просвещенном эгоизме. Мы нуждаемся в хорошо функционирующем обществе, потому что именно в нем нам живется лучше всего. Если я вижу грабителя, который вламывается в один из домов на моей улице, я поступаю как положено и вызову полицию, хотя это не мой дом и вообще не мое дело. Если бы что-то подобное произошло в давние времена, мы бы мобилизовали всех жителей и остановили злодея, не умеющего отличать свое от чужого. Нарушения моральных правил, даже если непосредственно нас не касаются, опасны для всех. В антропологической литературе есть прекрасные описания того, как все это происходило в дописьменных обществах. В качестве примера можно вспомнить рассказ Колина Тернбулла о пигмее-охотнике из племени мбути по имени Сефу, который раскинул свою сеть перед сетями других семей. Охотники мбути растягивают в джунглях длинные сети, после чего женщины и дети поднимают шум и гонят на них добычу — лесных антилоп и диких свиней-пекари. Охотники копьями добывают животных, попавших в сеть. Поставив свою сеть впереди остальных, Сефу получил необычайно богатую добычу, но, на его несчастье, остальные это заметили. В лагерь все возвратились в мрачном настроении, и вскоре зазвучали резкие высказывания в адрес Сефу. По словам Тернбулла, в глазах обычно миролюбивых пигмеев проступок Сефу был воистину ужасен. В лагере охотники начали всячески высмеивать незадачливого преступника и издеваться над ним. Молодежь отказывалась уступать ему место, а остальные говорили, что с удовольствием посмотрели бы, как он напорется на собственное копьё. Сефу расплакался и вскоре увидел, как все его мясо раздают другим, даже то, что его жена попыталась спрятать под крышей хижины. Сефу получил важный урок, а племя

обеспечило выполнение правила, жизненно важного для всех охотников. Сотрудничество гарантирует пищу каждому, поэтому индивидуальный охотничий успех не следует выпячивать, его следует разделять с другими, чтобы соблюдался долг, которым проникаются все члены племени.

Я думаю о таких событиях всякий раз, когда вижу «общественное мнение» шимпанзе в деле — к примеру, когда самки вместе поднимаются против слишком агрессивного самца. Понимают ли они сверхличностные последствия своих действий, как их понимают, безусловно, охотники мбути? Повышается ли при этом престиж того, кто сумел возглавить общие действия? Вообще, престиж и репутация чрезвычайно важны для понимания того, почему люди действуют в соответствии с нормами морали даже тогда, когда не получают от этого непосредственной выгоды. Остальные с большей готовностью следуют примеру честного гражданина, чем лгуна, жулика и откровенного эгоиста. Намеки на существование репутации можно увидеть и у высших приматов. Так, если крупная драка выходит из-под контроля, зеваки могут тычками в бок разбудить альфа-самца. Члены группы уверены, что он, как самый эффективный арбитр, должен вмешаться. Кроме того, человекообразные обезьяны всегда обращают внимание на то, как персонаж относится к окружающим, — например, в одном эксперименте они предпочитали иметь дело с человеком, который со всеми был приветлив. Здесь речь идет не об отношении этого человека к самим приматам, а о его репутации, заработной тем, что он всегда делился пищей с обезьянами. В наших собственных исследованиях мы обнаружили, что если два шимпанзе будут демонстрировать колонии разные, но равно простые способы выпросить у людей лакомство, то зрители предпочтут последовать примеру более высокостатусной

особи. Вспомним, как человеческие подростки копируют прическу Джастина Бибера*, точно так же и человекообразные обезьяны выбирают для подражания видных, а не рядовых членов общества. Антропологи называют это *эффектом престижа*.

Но, несмотря на присутствие у приматов зачатков личной репутации и понимания интересов сообщества, люди продвинулись в этом вопросе намного дальше. Мы гораздо лучше умеем просчитывать, как наши действия и действия других людей скажутся на интересах общества, и спорить между собой о том, какие правила применять и какие санкции накладывать. Люди понимают, что даже небольшое нарушение следует пресекать в зародыше, чтобы тот же гражданин не совершил более серьезные проступки. Кроме того, у нас имеется дополнительное преимущество — язык; он позволяет пересказать события, которые произошли давно или далеко отсюда, и познакомить с ними все общество. Ведь если один шимпанзе обидит другого, об этом, возможно, не узнает никто, кроме жертвы. У людей на следующее же утро о происшествии в подробностях будут знать все, включая и жителей соседних деревень. Мы невероятные сплетники! Язык позволяет нам поддерживать общие воспоминания и раз за разом извлекать на свет божий старые грехи. Репутация у нас складывается годами и хранится в коллективной памяти. Проступок Сефу не будет забыт, пока жив сам охотник, и даже его детям, возможно, время от времени будут о нем напоминать. Человек поднял репутацию и общественный интерес на уровень, недостижимый для приматов, и таким образом загнал каждого члена общества в сети морали.

---

* Джастин Дрю Бибер (Justin Drew Bieber; р. 1994) — канадский поп-музыкант, певец, автор песен, актер, кумир подростков.

Мышление на уровне сообщества объясняет и наш интерес к общим правилам. Моральные эмоции, по словам Эдварда Вестермарка, отличаются от обычных «своей незаинтересованностью, очевидной беспристрастностью и духом обобщения». Такие эмоции, как благодарность и обида, касаются только наших личных интересов — того, как к нам относятся окружающие, или того, как мы хотели бы, чтобы к нам относились, — тогда как моральные эмоции намного шире. Они касаются понимания «хорошего» и «плохого» на более абстрактном уровне. Только если мы судим о том, как в данных обстоятельствах следует относиться *к любому человеку*, можно говорить о моральной оценке. Подходя к этому же вопросу с другой стороны, Адам Смит предлагал представить себе, что подумал бы о нашем поведении «беспристрастный наблюдатель». Какое мнение сложилось бы у того, кто не вовлечен в ситуацию? Это самый сложный аспект человеческой морали: оценка ситуации вне зависимости от того, как она может повлиять на нас самих.

Мне лично трудно представить себе объективность беспристрастного наблюдателя. В конце концов, это человек. Он либо принадлежит к нашему сообществу, либо по крайней мере может это себе представить. Смит нигде не писал, что это должен быть инопланетянин. Для наглядности возьмем историю, рассказанную Вестермарком в одной из его книг про Марокко. Это история мстительного верблюда, которого его 14-летний погонщик часто избивал за леность или за уход с маршрута. Верблюд терпел жестокое обращение, но через несколько дней, когда тот же юный погонщик в пути стал снимать с его спины груз, он «схватил голову несчастного юноши в свою чудовищную пасть и, подняв его в воздух, швырнул обратно на землю; при этом верхняя часть черепа полностью

оторвалась, а мозг разлетелся по земле». Эта жуткая сцена буквально напрашивается на моральную интерпретацию, особенно учитывая предыдущее поведение молодого человека. И все же большинство людей не станет оценивать ее с точки зрения морали, за исключением, пожалуй, того соображения, что домашние животные не должны убивать людей (в Средние века животных судили за действия, которые нарушали указание Господа о владычестве человека*). Но давайте немного изменим ситуацию, предположив, что верблюд напал не на человека, а на собаку. У такого происшествия еще меньше шансов пробудить в нас моральные чувства. Но почему? Разве мы в этой ситуации не беспристрастны?

Проблема в том, что люди в данном случае *слишком* беспристрастны. Настолько беспристрастны, что этот инцидент не вызывает в нас глубокого волнения. Мы можем ужаснуться и посочувствовать псу, но, по существу, это происшествие не порождает в нас никакой моральной оценки — как удар одного камня по другому. И напротив, если мы видим какие-то отношения между двумя людьми, даже если эти люди нам незнакомы, то не можем не сравнивать их поведение с тем, как, по нашему мнению, люди *должны* относиться друг к другу. Если один даст другому пощечину, у нас сразу же сложится определенное мнение, было ли это заслуженно, излишне или попросту жестоко. Отчасти дело здесь в том, что человек с куда большей легкостью приписывает те или иные намерения людям, нежели животным; но (и это главное) сцена с участием людей автоматически вызывает у нас общественный интерес. Мы спрашиваем себя: хотели бы мы видеть такое поведение среди людей, окружающих нас, выражает ли оно взаимную

---

* Бытие 1:26–28.

поддержку и готовность помочь? Или, наоборот, подрывает основы общественного блага, как ложь, воровство или жестокость? Мы хорошо осознаем возможные последствия, и нам трудно оставаться нейтральными. Но все это не работает, когда речь идет о конфликте между верблюдом и собакой.

Американский антрополог Крис Бём, работавший и с людьми, и с высшими приматами, очень убедительно писал о том, как в сообществах охотников-собираателей принуждают к исполнению правил. Он считает, что такой механизм может приводить в действие активный генетический отбор, примерно такой же, каким пользуется заводчик, когда отбирает животных по экстерьеру и темпераменту. Одни животные получают возможность продолжить род, другие нет. Не то чтобы охотники-собираатели размышляли о генетике человека, но, наказывая тех, кто нарушает слишком много правил или нарушил всего одно, но принципиально важное, — а в таком племени их подвергают остракизму или попросту убивают, — они реально удаляют гены нарушителя из популяции. Бём пишет, что головорезов или опасных соплеменников с девиантным поведением иногда ликвидируют, и делает это один из членов племени, которому остальные поручили пустить преступнику стрелу в сердце. Систематическое, на протяжении миллионов лет, морально оправданное устранение отступников должно было серьезно снизить число горячих голов, психопатов, мошенников и насильников — вместе с генами, ответственными за их поведение. Тут, конечно, дозволительно возразить, что и сегодня таких людей немало, но это не исключает вероятности того, что негативный отбор в отношении них имеет место.

Мысль о том, что человечество могло взять моральную эволюцию в собственные руки и добиться того, чтобы среди

представителей нашего биологического вида было больше особей, готовых подчиняться общим правилам, вызывает глубочайший интерес.

Прозак* в воде

Общества охотников и собирателей не позволяют зверолову даже упоминать животное, которое он добыл. Согласно Ричарду Ли, охотник-бушмен приходит в лагерь молча, садится к огню и ждет, когда кто-нибудь подойдет и спросит о том, что он сегодня видел. После этого он спокойно отвечает что-нибудь вроде: «Ах, я не гожусь для охоты. Я совсем ничего не видел (пауза) ... только одну крошечную зверюшку». Такие слова, однако, вызывают у слушателя улыбку про себя — они означают, что на самом деле говорящий добыл что-то крупное. Культуры охотников-собирателей вращаются вокруг общественных интересов и необходимости делиться, в них всегда подчеркивается скромность и равенство. Там не любят хвастунов. Западное же общество, напротив, ценит индивидуальные достижения и позволяет успешным людям оставлять добычу себе. В такой среде скромность может оказаться рискованным качеством. Китобои индонезийской деревни Ламалера бороздят открытый океан в больших каноэ, из которых дюжина человек чуть ли не голыми руками захватывает кита. Охотники подплывают к киту, гарпунщик запрыгивает ему на спину и глубоко вонзает свое оружие, а затем люди просто остаются поблизости и ждут, пока морское чудовище умрет от потери крови. В обстановке, когда целые семьи связаны единой опасной для жизни деятельностью, а мужчины буквально нахо-

---

* Прозак — популярный в мире антидепрессант, отрицательные побочные следствия употребления которого выявлены относительно недавно.

дятся в одной лодке, распределение добычи считается очень важным делом. Неудивительно, что жители Ламалеры более остро воспринимают справедливость, чем представители других культур, в которых антропологи проводили исследования с применением игры «Ультиматум». Эта игра позволяет измерить вероятность выбора равного, справедливого варианта. Жители Ламалеры — чемпионы по справедливости, в отличие от обществ с большей самодостаточностью отдельных семей и личностей, таких как сельскохозяйственные общины, где каждая семья обрабатывает свой участок земли.

Таким образом, если моральный закон существует, он во всяком случае вряд ли везде одинаков. Он не может быть единым для бушменов, китобоев Ламалеры и современных наций Запада. Да, наш биологический вид обладает некоторыми инвариантными характеристиками; кроме того, вся человеческая мораль строится вокруг двух вещей — помощи и избегания причинения вреда. Поэтому понятно, что некоторая доля универсальности здесь присутствует. Но подробности — какое распределение ресурсов считать честным или насколько уместна скромность — невозможно отразить в едином законе. К тому же мораль со временем меняется в любом обществе, и то, что сегодня кажется важным, для предыдущих поколений, может быть, ничего не значило. Хороший пример — сексуальные обычаи. Говорят, что кельтскими племенами, с которыми сталкивались римляне при захвате Северной Европы, правили королевы — жрицы свободной любви и разврата, по крайней мере в глазах более поздних патриархальных обществ. Подтвердить это трудно, но столетия спустя выходцев этих патриархальных обществ, безусловно, ждал настоящий шок, когда капитан Кук высадился на побережье Гавайских островов. Островитян, не знавших практически никаких сексуальных

ограничений, называли «распущенными» и «развратными». Однако презрительный тон вряд ли оправдан, поскольку нет никаких сведений о том, чтобы кто-то при этом пострадал, — а это, на мой взгляд, единственная причина, по которой можно было бы отвергнуть какой угодно образ жизни. В те дни гавайских детей при помощи массажа и оральной стимуляции учили получать удовольствие от своих гениталий. По словам сексолога Мильтона Дайамонда из Университета Гавайев, «понятия добрачного и внебрачного секса отсутствовали, и, как и в значительной части Полинезии, никакой другой народ в мире не отдавался с таким жаром утолению чувственного голода, как этот».

Женщины в матриархальных обществах пользуются значительно большей автономией в отношении секса, чем в патриархальных. Вообще, человечество за свою историю успело поэкспериментировать со множеством самых разных репродуктивных стратегий. Скорее всего, строгая моногамия прижилась у нас только после сельскохозяйственной революции, около 10 000 лет назад, когда мужчины стали беспокоиться о том, кому они передадут своих дочерей и свое богатство. Навязчивая идея верности и девственности могла возникнуть только в то время. По крайней мере такое предположение высказали Кристофер Райан и Касильда Жета в книге «Секс на заре» (*Sex at Dawn*), где бонобо провокационно представлены в качестве родовой модели сексуальной жизни человека. В главе «Кто ваши папы?» авторы объясняют, что в некоторых культурах ребенок получает дополнительные преимущества от того, что имеет нескольких отцов. В своих аргументах они опираются на новаторскую работу Сары Хрди, посвященную значению многородительской семьи и ее достоинствам в плане выживания. Кроме того, Сара Хрди отвергает

догму о том, что мужчины заботятся только о тех детях, которых могут уверенно считать своими. В некоторых племенах практикуется «делимое отцовство», при котором считается, что растущий зародыш подпитывается семенем всех мужчин, с которыми спит в этот период его мать. Каждый потенциальный отец может претендовать на часть отцовства и должен помогать «поднимать» ребенка. Такое устройство общества, обычное для племен на южноамериканских равнинах, гарантирует ребенку поддержку при высокой мужской смертности и подразумевает снижение сексуальной исключительности. Сексуальный выбор женщины вне брака и параллельно с ним вызывает скорее уважение, нежели наказание. В день бракосочетания жениху и невесте наказывают не только заботиться о своих детях, но и держать в узде ревность к любовникам и любовницам друг друга.

Сексуальная ревность вполне может оказаться чувством универсальным, но ее одобрение или неодобрение полностью определяется обществом. Вот вам и универсальные моральные нормы. Мораль вовсе не отражает неизменную и всегда одинаковую человеческую природу, она тесно связана с формой организации нашего сообщества. Странно ожидать, что кочевые пастухи будут следовать той же морали, что и охотники на крупного зверя, а последние — той же, что и граждане промышленно развитых стран. Мы можем формулировать сколько угодно моральных законов, однако они никогда не будут применимы везде в равной степени. Являются ли десять заповедей исключением, как часто считают, неясно, но очень сомнительно. Разве эти заповеди хотя бы помогают принимать верные решения? Когда один консервативный политик на комедийном шоу *The Colbert Report* заявил, что десять заповедей должны оставаться общественным ориентиром, потому

что «без них мы можем утратить чувство направления», ведущий просто попросил его перечислить их. Политик оказался захвачен врасплох. К немалому веселью присутствующих, он смог только сказать: «Не лги, не кради».

Следует отметить, что большая часть заповедей не имеет, по существу, никакого отношения к морали, на что указывал Кристофер Хитченс. Они скорее говорят о почитании. В первых пяти заповедях Бог настаивает на исключительной верности ему («да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»), а также на уважении к старшим. Только после этого он переходит к заповедям типа «не делай того-то и того-то», которые все знают. Хитченс пишет:

«Было бы трудно найти более верное доказательство того, что религия создана человеком. Во-первых, здесь присутствует монархическое брюзжание по поводу уважения и страха, сопровождаемое строгим напоминанием о всемогуществе и безграничном отмищении; сентенциями такого рода вавилонский или ассирийский император могли бы приказать писцам начать какой-нибудь указ. Затем имеется суровое напоминание о том, что надо работать и отдыхать только тогда, когда позволит деспот. Дальше идут несколько лаконичных правил юридического характера... Но... ведь оскорбительно же думать, что до того дня народ Моисеев был уверен, что убивать, изменять, красть и лжесвидетельствовать можно».

Шестая заповедь («Не убий») звучит достаточно понятно, но, если на территорию моей страны вторгнется вражеская армия или кто-то захочет похитить моего ребенка, у меня

появятся веские основания эту заповедь нарушить. В самой Библии можно найти множество исключений. Так, смертная казнь по приговору законных властей под эту заповедь не подпадает. Ясно, что десять заповедей не предназначены для буквального понимания.

Два самых популярных светских моральных принципа выглядят при ближайшем рассмотрении ненамного лучше. Мне, конечно, очень нравится дух и буква Золотого правила нравственности — «Относись к другим так же, как хочешь, чтобы они относились к тебе», — но у него тоже имеется принципиальный недостаток. Это правило предполагает, что все люди одинаковы. Слегка утрируя, можно привести следующий пример: представьте, что на какой-нибудь конференции я иду за привлекательной женщиной, с которой едва знаком, в ее комнату и без приглашения запрыгиваю в ее постель. Можно без труда представить себе ее реакцию. Если я попытаюсь объяснить ей, что поступаю так, как очень хотел бы, чтобы она поступила со мной, то моя апелляция к Золотому правилу нравственности, боюсь, не прокатит. Или представьте, что я, понимая, что делаю, угощу вегана свиными сосисками. Сам я мясо люблю и следовал бы в этом случае Золотому правилу, но веган счел бы мое поведение оскорбительным, а может быть, даже аморальным. Чёрчленд предлагает другой пример — благие намерения канадских чиновников, которые изымали детей из семей индейцев и отдавали на воспитание в белые семьи. Может быть, они хотели бы этого для себя, если бы жили в хижинах в глуши, но сегодня принудительная интеграционная политика — к примеру, та, что породила «потерянное поколение» австралийских аборигенов, — считается аморальной. Золотое правило не помогает разрешить большинство спорных ситуаций, как не помогает понять, мо-

ральна или аморальна смертная казнь или прав ли был герой «Отверженных» Жан Вальжан, когда украл еду для своих голодающих племянников. Золотое правило применимо лишь в очень ограниченном кругу ситуаций и работает только в тех случаях, когда в них вовлечены люди одного возраста, пола и состояния здоровья, с одинаковыми предпочтениями и антипатиями. А поскольку мир, в котором мы живем, не таков, то и правило оказывается гораздо менее полезным, чем представляется на первый взгляд.

Второе популярное светское правило — принцип максимизации счастья, известный также как утилитаризм, — не так давно выбрал в качестве «научной» основы морали Сэм Харрис. Философы, впрочем, поспешили указать, что в этом предложении нет ничего научного; его высказали еще два британских философа XIX в. Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль, да и вообще этот принцип восходит к Аристотелю. Идея о том, что мораль должна повышать «человеческое процветание» (от греческого *eudaimonia*) и что верные моральные решения максимально увеличивают число счастливых людей, не основана ни на каких эмпирических данных: это просто оценочное суждение. Любое оценочное суждение спорно, и недостатки утилитаризма давно известны. Хотя стремление увеличить суммарное счастье в мире должно подталкивать нас в нужном направлении, оно далеко неоднозначно. Вообразите, что я живу в доме, где какой-то человек каждую ночь играет на трубе и тем самым делает несчастными больше сотни остальных жильцов. И представьте, что кто-то из нас, не сумев отговорить его от этого занятия, попросту пристрелит этого человека во сне. Последний даже не узнает, что произошло. Что в этом может быть дурного, если учесть, сколько страданий на этом закончится? А если вам не нравится идея со стрельбой,

давайте скажем, что мы сделаем ему смертельную инъекцию. Да, конечно, один человек при этом лишится жизни и шанса на счастье, но общая сумма благополучия в доме наверняка заметно возрастет. С точки зрения утилитаризма мы поступим правильно.

У обсуждаемого подхода есть и другие уязвимые места, на которые следует указать. Возьмем, к примеру, решение подмешивать в воду прозак. Прекрасный способ получить общество счастливых идиотов! Или можно, следуя примеру Северной Кореи, манипулировать средствами массовой информации и внушать гражданам, что дела в стране идут превосходно, — получим «дивный новый мир» невежд, пребывающих во блаженстве. Все эти меры, бесспорно, повысили бы показания барометра счастья, но сами они почему-то не кажутся особенно высокоморальными. Но для меня проблема утилитаризма гораздо серьезнее и лежит намного глубже; мне кажется, что эта концепция полностью противоречит базовым биологическим законам. Я не могу представить себе какое бы то ни было сообщество (не важно, людей или животных), где не было бы преданности. Все в природе построено на разнице между своим и чужим, родичем и чужаком, другом и врагом. Даже растения распознают генетическое родство и формируют более мощную и конкурентоспособную корневую систему, если их сажают вместе с чужаком, а не с родичем. В природе нет абсолютно никаких примеров существ, которые стремились бы к благополучию всех подряд, без разбора. Утилитаристы не учитывают миллионы лет семейных связей и группового патриотизма.

Можно, конечно, возразить, что всем нам было бы лучше без этих понятий вроде верности или лояльности и что нас не должно волновать, кто именно выиграет, а кто проиграет

от нашего поведения. Ибо следует подняться над биологией нашего вида и служить лишь более совершенной всеобщей морали. Звучит, конечно, неплохо, если забыть о второй стороне медали, которая сводится к утрате всякой преданности и групповой солидарности. «Семья на первом месте» — это не утилитарный лозунг. Напротив, утилитаризм требует, чтобы мы подчинили благо своей семьи всеобщему, то есть большему благу. Я лично никак не могу этого принять. Если все дети на свете равноценны для всех, то кто же посидит ночью у постели больного малыша или побеспокоится о том, чтобы ребенок сделал домашнее задание? Если бы Жан Вальжан был утилитаристом, у него не было бы веской причины принести домой хоть немного хлеба. В этом случае он мог бы с тем же успехом раздать хлеб голодным детям на улице. Утилитаристская позиция вызывает шокирующие вопросы, как то: почему я должен жить в браке, если другая женщина во мне нуждается больше, или почему я должен помогать родителям, если другие старики живут хуже них? К тому же не было бы ничего дурного в том, чтобы продать военные секреты своей страны, особенно другой, густонаселенной стране. Ведь если количество людей, которых я этим осчастливаю, будет больше количества тех, кто станет несчастен в моей собственной стране, это будет означать, что я поступил правильно. А если моя страна не разделяет эту точку зрения, то все дело, наверное, в ее излишней чувствительности. Я лично так не думаю, потому что для меня верность — не пустой звук и не препятствие на пути универсальной морали, как мог бы сказать утилитарист, но, напротив, сама основа моральности. Мы считаем преданность обязательным качеством и ожидаем увидеть его в каждом; его отсутствие всегда поражает, как пренебрежение в отношении родителей, отказ платить алименты или измена

родине. Последнее мы презираем так глубоко, что ответ на измену нередко дает расстрельная команда.

Однажды мне пришлось публично обсуждать эти вопросы с Питером Сингером, философом настолько утилитаристских взглядов, что, по его мнению, даже наш биологический вид не заслуживает особого отношения с нашей стороны. Страдания и радости людей и животных вводятся в единое уравнение, охватывающее самые разные степени чувствительности, достоинства и терпения. Дальнейшие расчеты ошеломляют. Можно ли считать, что один человек эквивалентен тысяче мышей? Что человекообразная обезьяна ценнее человеческого младенца с синдромом Дауна? Имеет ли какую-то ценность пациент с глубоким слабоумием? После долгих споров и взаимных нападок Сингер и я достигли-таки общей позиции — человек должен относиться к другим животным как можно лучше. Призыв к сочувствию действует на меня гораздо лучше, чем любые холодные расчеты. Сингер вынужден был признать недостатки своего подхода, когда в печати появилась информация о том, что он оплачивает частных сиделок для своей матери, больной синдромом Альцгеймера. На вопрос, почему он не направил свои деньги более достойным людям, как следовало бы поступить по его собственной теории, он ответил: «Может быть, это сложнее, чем мне казалось, ведь когда речь идет о твоей матери, все иначе». Так всемирно известный утилитарист позволил личной преданности взять верх над всеобщим благодеянием — и, по моему глубокому убеждению, правильно сделал.

Наш короткий экскурс к десяти заповедям, Золотому правилу нравственности и принципу максимизации всеобщего счастья наглядно продемонстрировал мои сомнения в том, что моральные предписания и запреты можно представить

в виде простых и бесспорных правил. Попытки сделать это следуют той же логике «сверху вниз», что и религиозная мораль, от которой мы пытаемся уйти. Она тоже не свободна от ошибок и рискует завести нас в тупик, поставив принципы выше человека. Этот поиск норм заслужил много критических оценок, вплоть до того, что иногда его называют «морально безответственным»²³. С другой стороны, из работ Китчера, Чёрчленда и других философов можно понять, что имеет место и противоположное движение, которое пытается обосновать мораль биологией и не отрицает, что конкретные правила формируют люди. Это и моя точка зрения. Я не считаю, что наблюдения за шимпанзе или бонобо могут подсказать нам, что хорошо и что плохо, и не думаю также, что это может сделать наука, но я уверен, что природа помогает нам разобраться, как и почему мы стали заботиться друг о друге, и искать моральные принципы. Мы делаем это потому, что выживание зависит и от хороших отношений с окружающими, и от сплоченности общества.

Моральные законы — всего лишь приблизительные правила или, не исключено, просто метафорическое описание того, как нам следует себя вести. Тот факт, что базовые ценности можно усвоить и внедрить в систему настолько, что в результате каждый индивидуум будет обладать собственной автономной совестью, должен, по словам Канта, наполнять нас восторгом, потому что пока почти совсем непонятно, как это происходит.

Придерживаясь правил

Позвольте мне завершить главу еще двумя историями про межличностную мораль и общественный интерес у наших

близких родичей. Я не утверждаю, что человекообразные обезьяны моральны в том же смысле, что и мы, но они точно демонстрируют оба эти необходимые качества. Первая история перекликается с моими более ранними замечаниями о том, что бонобо помнят, кого и в какое конкретно место укусили, и демонстрируют заботу и, возможно, даже сожаление о содеянном. Но вместо того чтобы разбирать отношения между самими обезьянами, мы рассмотрим сейчас их реакцию на ветеринара в зоопарке округа Милуоки. Несколько десятилетий назад, живя в штате Висконсин, я много раз навещал тамошних бонобо. У всех них, и особенно у альфа-самца Лоди, эмпатия проявлялась самыми разными способами. Лоди вообще покровительствовал очень многим, в том числе самке по имени Китти. Она ослепла и оглохла от старости и легко могла заблудиться в здании, полном дверей и туннелей. Утром Лоди осторожно выводил ее на любимое солнечное местечко на травке, а к концу дня будил, чтобы за руку проводить обратно в дом. Когда у Китти случался эпилептический припадок, он отказывался уходить и сидел рядом.

Но однажды Лоди поступил, мягко говоря, неэмпатично, откусив палец у женщины-ветеринара, раздававшей сквозь сетку витамины. Женщина попыталась выдернуть руку, но он только сильнее нажал. Услышав хруст, Лоди удивленно поднял голову, и рука без одного пальца оказалась свободна. Врачи в больнице не смогли пришить откушенный палец на место. Через несколько дней, однако, жертва вновь посетила зоопарк; при виде Лоди она подняла забинтованную левую руку и сказала: «Лоди, приятель, знаешь ли ты, что натворил?» При виде руки ветеринара Лоди удрал в самый дальний угол вольера и уселся там, опустив голову и обхватив себя руками.

В последующие годы ветеринар не работала в том зоопарке и заглядывала туда лишь изредка, но однажды, 15 лет спустя, она неожиданно появилась. Женщина стояла в толпе посетителей, и Лоди с легкостью мог не обратить на нее внимания, но он сразу же подбежал. Он попытался взглянуть на ее левую руку, которая была скрыта за ограждением и не видна. Тем не менее бонобо не успокаивался, все время смотрел влево и настойчиво просил показать укушенную когда-то конечность. В конце концов женщина подняла руку и показала настойчивому самцу. Тот посмотрел в упор на покалеченную руку, на лицо жертвы и снова на руку. «Он понимал», — сделала вывод женщина; теперь она убеждена, что бонобо вполне осознают последствия своих действий. У меня такое же впечатление, хотя проверить трудно, поскольку никто не ставит экспериментов, рассчитанных на 15 лет. Но если это правда, то данный факт напрямую свидетельствует о том, как глубоко эти человекообразные обезьяны беспокоятся о поддержании хороших отношений, и показывает, какого рода заботы лежат в основе моральных наклонностей человека.

Вторая история произошла в зоопарке Арнема, пока я еще там работал. Однажды теплым вечером мы позвали своих шимпанзе в здание, но из-за великолепной погоды две юные самочки отказались возвращаться. Они были рады получить весь остров в свое распоряжение. Но в зоопарке существует правило, согласно которому никто из обезьян не получит ужина, пока все не соберутся в помещении, поэтому выходка упрямых самочек вызвала в группе откровенное недовольство. Когда через несколько часов они все-таки соизволили прийти, им выделили на ночь отдельную комнату, чтобы уберечь от наказания. На следующее утро — мы все успели уже забыть о вчерашнем инциденте — шимпанзе показали,

что они-то ничего не забыли. Оказавшись на острове, вся колония принялась вымещать раздражение за задержанную трапезу на двух нарушительницах; в конце концов их просто побили. Правда, нарушенное правило было введено людьми, но, может быть, именно поэтому мы столь высоко оценили его соблюдение. Колония, кажется, поняла преимущества строгого соблюдения всеми установленного порядка.

В тот вечер две юные самочки явились к ужину первыми.

Глава 7

ЕСЛИ БОГА НЕТ

Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать.

Вольтер

По иронии судьбы участок джунглей, где сегодня располагается единственный в мире заповедник бонобо, сохранился благодаря одному из самых неэмпатичных людей в истории — диктатору Мобуту Сесе Секо. Эти джунгли представляли собой всего один сохранившийся участок дикой природы в столице страны городе Киншасе. Сегодня в густых зарослях «Лола-Я-Бонобо» (на языке лингала это означает «рай для бонобо»), на территории дачи бывшего конголезского диктатора, обитает большое количество обезьян. Именно здесь человек в шапке из леопардовой шкуры, сумевший выжать из своего нищего народа то ли 5, то ли 10 млрд долларов, кушал доставленные из Европы деликатесы и планировал публичные казни своих соперников.

Демократическая Республика Конго (ДРК) — огромная страна размером с Западную Европу, и весь ареал естественного обитания бонобо размещается на ее территории. Этот

вид находится в серьезной опасности; на сегодняшний день численность бонобо составляет от 5000 до 50 000 особей. Даже верхняя оценка уступает числу мест на любом крупном стадионе. К несчастью, диких бонобо истребляют ради мяса, а малышей, висящих на убитых самках, оставляют в живых, потому что на черном рынке за каждого из них можно выручить не одну тысячу долларов. Продажа бонобо, конечно, незаконна, поэтому маленьких бонобо часто конфискуют и привозят к бельгийке Клодин Андре, основательнице и директрисе заповедника. В «Лоле» сирот подращивают в «яслях», где местные женщины, или *Maman*, присматривают за ними и кормят их из бутылочки. Через несколько лет молодняк присоединяется к живущим в лесу группам обезьян, которые, хотя и зависят от человека в плане пропитания, в остальном живут сами по себе. Именно здесь мы проводим исследования по эмпатии — ведь тут можно подобраться к обезьянам гораздо ближе, чем в дикой природе, и ученые видят своих бонобо постоянно, тогда как на воле густая растительность делает продолжительные наблюдения социальных взаимоотношений практически невозможными.

Одна из моих коллег Занна Клэй, к примеру, терпеливо ждет возникновения спонтанных конфликтов между бонобо и снимает их на видео, чтобы позже мы могли тщательно проанализировать происходящее. Разумеется, инциденты такого рода расстраивают либо одну, либо обе стороны конфликта. Как реагируют на это зрители? Они готовы утешить всякого проигравшего схватку: потереться с ним гениталиями, совокупиться по-быстрому или просто помассировать половые органы. То, что шимпанзе делают платоническими прикосновениями, у бонобо почти всегда требует сексуального контакта. Принцип, однако, у обоих видов один и тот же: приматы по-

могают друг другу избавиться от тревожности. Это настолько фундаментальный эмоциональный ответ, что его можно заметить даже у маленьких сирот в «яслях», хотя им практически не у кого было его перенять. Кстати, малыши тоже часто совершают такие действия в сексуальной форме.

Однако в другое время бонобо ведут себя практически так же, как шимпанзе, — обнимаются и занимаются грумингом. Возьмем в качестве примера возвращение Макали, взрослого самца, раненного во время яростной групповой схватки. Его сильно укусили за переднюю конечность. После этого Макали несколько ночей прятался от группы, коротая время в лесу, вместо того чтобы присоединиться к остальным в спальном помещении. Когда же он наконец появился, то сразу же тихонько проскользнул в тень, в общую комнату. Его тут же окружила любопытная молодежь. Некоторые, казалось, передразнивали его движения, показывая, как неловко он держит конечность с воспалившейся раной. Они тянулись потрогать раненую руку, но Макали тщательно избегал хватких маленьких лапок. С выражением страдания на морде он, изогнув конечность в запястье, держал перед собой пострадавший палец. Взрослые оказались более дипломатичными и решили начать налаживание контактов с груминга. Первым делом к несчастному подошел доминантный самец, который поцеловал его в шею, а затем его грумингом занялась одна из самок. Если подростки бегали смотреть на героя дня стайками, то взрослые, казалось, ожидали своей очереди и подходили по одному. Раной бедняги первой занялась альфа-самка Майя. Она немного поразбирала на нем шерсть, а затем взяла его лапу и тщательно вылизала открытую рану. Он позволил без возражений. Казалось, этот жест означал окончательное принятие Макали обратно в группу, и вскоре на сцене появился один из лидеров

нападавшей группы. В обычных условиях Макали был с этим самцом на ножах. Но сейчас, быстро осмотрев рану, он провел груминг Макали, чего раньше на памяти исследователей никогда не делал.

Это классические для общественной жизни циклические переходы от любви к ненависти и обратно. Точно так же конфликт сменяется примирением — и вновь конфликтом — в человеческих семьях, между супругами и в любой типичной группе приматов. Но следует помнить, что эти бонобо, как и их группы, далеко не обычны. Они очень пострадали от человека и в раннем возрасте лишились матерей, которые погибли в ловушках или от пуль браконьеров. Тот факт, что они вообще способны мириться после драк и утешать расстроенных приятелей, поистине поражает. Занна, кстати, заметила, что бонобо, рожденные в заповеднике (обезьянам здесь позволено иметь детенышей, и некоторые сироты успели уже стать мамами), гораздо лучше умеют разрешать конфликты и чаще проявляют сочувствие, чем их осиротевшие сверстники. Подобное преимущество материнского воспитания вполне соответствует тому, что нам известно об эмоциональной регуляции как у обезьян, так и у людей. Так, ставшие печально известными сироты Румынии переживают особенно долговременные эмоциональные последствия. Поэтому еще более поразительно, что рано осиротевшие бонобо в заповеднике Лола сумели выстроить вполне приличные отношения и общественную жизнь. Это свидетельствует как об их устойчивости, так и о той большой заботе, которую они получают от человека. Пострадав от рук охотников, они попали в добрые руки, и люди заменили им матерей. Им пришлось научиться различать этих странных двуногих обезьян, которые могут быть столь разными, спо-

собными на такую жестокость и одновременно на такую доброту. Им пришлось выучить подобный урок-головоломку в самом начале жизни.

Выросшие в «яслях» бонобо на всю жизнь остаются приверженцами бутылочек и часто используют их, чтобы продемонстрировать кому-то свою эмпатию. Вот одна взрослая самка берет пустую пластиковую бутылку, наполняет ее мутной речной водой и усаживается перед двумя подростками, один из которых — ее собственное дитя. Затем она осторожно подносит бутылку ко рту юной обезьянки и наклоняет так, чтобы вода текла между вытянутыми вперед губами и наполняла нижнюю губу. Как только рот наполнится, самка слегка отклоняет бутылку обратно и держит, ожидая, пока угощаемый сделает глоток. Потом она дает ему еще немного воды и переключает внимание на второго подростка — самочку; та, заметив ее взгляд, с готовностью оттопыривает губу. Самка подносит бутылку к ее рту и начинает все заново. Я никогда не видел, чтобы какой-либо другой примат проделывал что-нибудь подобное и так мягко и внимательно следил за тем, как глотает угощаемый. Вероятно, эта самка копирует действия одной из Мапан, и подростки не прочь ей подыграть. А поскольку река течет тут же, в двух шагах от участников действия, то речь явно не идет об утолении жажды.

Жизнь и смерть

Часто говорят, что религия в человеческом обществе появилась потому, что человек, в отличие от животных, сознает неизбежность собственной смерти. Осознание собственной смертности влечет за собой вопрос: только ли мы во всем животном царстве обладаем такой информацией? У меня нет

четкого ответа на этот вопрос, можно только заметить, что, когда речь заходит о смертности *других*, нет никаких оснований отказывать нашим сородичам-приматам в понимании этого неизбежного факта. Как и бонобо «Лолы», другие приматы хорошо знакомы со смертью и потерями. Иногда они сами убивают, как в тот день, когда бонобо расправились с габонской гадюкой, очень ядовитой змеей. Змея сильно напугала обезьян; при каждом ее движении они поспешно отпрыгивали. Сначала они осторожно тыкали в змею палкой, но потом Майя схватила змею, подбросила и с силой ударила головой об землю. Поразительно, но после этого никто из обезьян ничем не показал, что опасается ее возвращения к жизни. Умерла — значит умерла. Подростки радостно таскали безжизненное тело змеи по всему лагерю, как игрушку, вешали ее себе на шею, даже открывали ей пасть, чтобы рассмотреть гигантские ядовитые клыки.

Этот эпизод напомнил мне виденную однажды сцену охоты шимпанзе. Следуя за группой обезьян в танзанийских горах Махале, мы вдруг услышали высоко в ветвях деревьев звуки сильной суматохи. Шимпанзе, схватив добычу, кричат по-особому. Само существование специального звукового сигнала указывает на их готовность поделиться мясом, поскольку в противном случае им благоразумнее было бы промолчать. Крики привлекли многих членов группы. Оказалось, что несколько самцов поймали красного колобуса* — этот вид добычи одному шимпанзе, как правило, не под силу, поэтому на них устраивают групповую охоту. Я посмотрел вверх и сквозь шатер из ветвей и листьев увидел, что охотники начали поедать жертву еще живой. Шимпанзе — «не-

---

* Красный колобус — род приматов семейства мартышковых.

профессиональные» хищники, у них нет сложившегося и эффективного способа убийства жертвы, как, к примеру, у кошачьих; их обращение с жертвой — как, кстати, и у людей — слабо отражает способность к эмпатии. Вокруг добытчиков и добычи собралось много желающих поучаствовать в трапезе, включая и самок с набухшими гениталиями; такие, как правило, стремятся получить удовольствие первыми. Все происходило шумно и хаотично, но через некоторое время каждый желающий получил свой кусок обезьяньего мяса. На следующий день я обратил внимание на самку шимпанзе с детенышем на спине. Малышка радостно размахивала в воздухе чем-то пушистым; оказалось, что еще вчера эта штука принадлежала несчастной мартышке. Так хвост одного примата стал игрушкой другого.

30-летняя самка шимпанзе Дороти умерла в одном из заповедников Камеруна от сердечной недостаточности. Сотрудники вывезли ее тело на тачке, чтобы показать сородичам. Обычно шумные, шимпанзе собрались вокруг; они пристально рассматривали тело и держались друг за друга. Все молчали, как люди на похоронах

Однажды утром Геза Телеки, следовавший за группой шимпанзе, услышал в отдалении громкие хриплые вопли. Шесть самцов производили вокруг чего-то дикие движения с воплями «врааах», а их крики отражались от крутых стен долины громким эхом. В небольшой промоине лежало распростертое на камнях недвижимое тело Рикса. Телеки не видел, как кто-то свалился с дерева, но решил, что стал свидетелем первой реакции сородичей на падение этого самца со смертельным исходом. Несколько особей остановились, пристально вглядываясь в труп Рикса, а затем бросились прочь, с силой бросая во всех направлениях большие камни. Поднялся страшный шум. Шимпанзе обнимались, спаривались, трогали и похлопывали друг друга — и все это с широкими нервными гримасами на мордах. Позже члены группы подолгу рассматривали мертвое тело. Один самец свесился с ветки вниз, посмотрел на труп и захныкал. Другие подходили, трогали или обнюхивали останки. Одна молодая самка непрерывно смотрела на тело Рикса более часа, молча и не шевелясь. Три часа спустя один из старших самцов наконец покинул поляну и двинулся вниз по ручью. Остальные потихоньку, один за другим, потянулись следом. Уходя, они часто оборачивались и смотрели на труп.

В последнее время сообщений о том, как человекообразные обезьяны реагируют на смерть, становится все больше. В 2009 г. весь Интернет обошла фотография смерти Дороти, чей труп вызвал самое пристальное (но странно-молчаливое) внимание остальных членов сообщества в заповеднике. В сафари-парке «Блэр Драммонд» в Шотландии сотрудникам удалось тщательно проанализировать по видеозаписи смерть пожилой самки по имени Панзи. В течение 10 минут перед кончиной другие члены группы не меньше десятка раз

разобрали Панзи шерсть или просто погладили, а взрослая дочь Панзи оставалась с ней всю ночь. Сородичи отреагировали на случившееся по-разному: кто-то осматривал ее рот или конечности, проверяя, не дышит ли она или не может ли двинуться, а один самец даже пытался поколотить тело. Примерно такое же поведение наблюдалось и в других подобных ситуациях. На первый взгляд оно кажется бесчувственным, но, может быть, обезьяны просто пытаются оживить своего сородича. Они одновременно выражают разочарование, оттого что собрат никак на них не реагирует, и пытаются спровоцировать его на какие-нибудь действия. Но большинство собравшихся выглядят подавленными, как будто понимают, что произошло что-то страшное. Наблюдения за последними часами Панзи позволили ученым сделать вывод о том, что «мы недооцениваем осознание смерти со стороны шимпанзе».

Молодая самка Ортье буквально упала замертво в зоопарке Арнема. Я знал Ортье, это была очень милая, игривая и общительная самочка с оттопыренными ушами (ее имя означает «ушко»). Уже несколько недель она вела себя необычно тихо и к тому же начала кашлять. Несмотря на лечение антибиотиками, ее состояние ухудшалось. Колония, содержащаяся в это время в зимних квартирах, была разделена на две группы, которые слышали, но не могли видеть друг друга. В середине того самого дня мы заметили, как одна взрослая самка внимательно и в упор вглядывалась в глаза Ортье. Без всякой видимой причины эта самка вдруг начала истерически орать и судорожными движениями бить себя в грудь, как часто делают расстроенные шимпанзе. Создавалось впечатление, что она была глубоко огорчена чем-то, что разглядела в глазах Ортье. Сама Ортье до этого мгновения молчала, но теперь слабо вскрикнула в ответ, попыталась лечь, упала с бревна, на котором сидела,

и осталась недвижно лежать на полу. Какая-то самка в другом зале завопила точно так же, как первая, хотя никак не могла видеть, что происходит. После этого все 25 шимпанзе в здании замолчали. Вскрытие показало, что Ортье умерла от инфекционного поражения сердца и органов брюшной полости.

В целом реакция человекообразных обезьян на смерть сородичей позволяет предположить, что им трудно расстаться с умершим (так, мать может носить мертвого малыша неделями, пока его тельце не высохнет и не мумифицируется); они осматривают тело, пытаются оживить его и выглядят расстроенными и подавленными. Судя по всему, они понимают, что переход от жизни к смерти необратим. Иногда их поведение напоминает поведение людей, потерявших кого-то из близких: мы ведь трогаем тело, моем его, смазываем, приводим в порядок, прежде чем опустить в землю. Человек, правда, идет дальше, он часто снабжает мертвеца полезными в его «путешествии» вещами. Вспомните египетских фараонов, в чьих гробницах можно было найти достаточно еды, вина и пива, где обнаруживали останки охотничьих собак, кошек, ручных бабуинов, колесницы и даже настоящие речные суда. Человек часто видит в смерти продолжение жизни. Нет никаких указаний на то, что кто-то из животных с нами согласен.

Судя по всему, высших приматов тревожит возможная смерть других особей. Когда бонобо попадают в ловушки браконьеров, поставленные на диких свиней и антилоп, им, как правило, удастся освободиться, но среди диких бонобо достаточно обезьян без пальцев или кистей рук, чтобы можно было сделать вывод: везет им не всегда. Однажды, услышав в болотистом лесу внезапные крики, исследователи обнаружили там самца по имени Малузу. Его запястье было плотно охвачено металлическим капканом, а позади на цепи волочи-

лась большая ветка, к которой, по всей видимости, крепилась ловушка. Груз сильно замедлял движение Малузу. Когда произошло несчастье, другие бонобо помогли выпутать ветку из сети лиан и попытались снять капкан с лапы сородича, но этого им сделать не удалось. Несчастный бонобо постоянно застревал в зарослях, и в конце концов сородичи оставили его и ушли вперед, в сухой лес, где обычно ночевали. На следующее утро бонобо сделали то, чего не делали, насколько нам известно, никогда раньше: они вернулись примерно на милю — прямо на то место, где вчера в последний раз видели Малузу. Там они остановились и внимательно осмотрелись. Бонобо хорошо знакомы с ловушками, поэтому они, по всей видимости, могли понять связь между ловушкой и пропажей одного из членов сообщества. Им не удалось тогда отыскать Малузу, но через месяц он вновь присоединился к группе. Несмотря на искалеченную навсегда переднюю конечность, ему удалось выжить.

На мой взгляд, мы можем с уверенностью сказать, что человекообразные обезьяны знают о смерти — знают, что она отличается от жизни и что это навсегда. То же относится к некоторым другим животным, таким как слоны. Известно, что слоны, бывает, подбирают бивни или кости умерших членов группы, подолгу держат их хоботами и передают друг другу. Некоторые толстокожие годами возвращаются на то место, где умер кто-то из родичей, только для того, чтобы посмотреть на останки и прикоснуться к ним. Скучают ли они по умершим? Вспоминают ли, какими они были при жизни? Ответить на эти вопросы пока невозможно, но ясно, что не одних нас смерть завораживает и пугает.

Мы однажды проверили, как относятся к необратимости смерти шимпанзе в Арнеме — показали им их бывших

друзей и соперников. Создателям замечательного фильма «Семейство шимпанзе», как никому прежде, удалось продемонстрировать личности и ум этих обезьян. Телефильм с огромным успехом прошел по всему миру. Я уехал из Нидерландов прежде, чем он был снят, и в первый раз смотрел его со слезами на глазах — с такими любовью и вниманием показаны в нем все мои давние друзья и знакомцы. В фильме альфа-самцом колонии был Никки, но в последующие годы два других самца составили коалицию против него. Должно быть, Никки был настороже и жил в постоянном напряжении, поэтому однажды утром, услышав позади себя вопли и уханье, он со всех ног кинулся из дома наружу прямо ко рву, окружавшему остров. Годом раньше Никки удалось однажды пересечь этот ров по льду. Возможно, он думал, что сможет повторить этот фокус, однако на этот раз у него ничего не получилось: Никки утонул. Газеты назвали это «самоубийством», но скорее всего он стал жертвой приступа паники с фатальным исходом.

Со смертью Никки на смену дружбе пришло соперничество. Новым альфа-самцом стал Данди, но дух Никки продолжал витать над колонией, подтверждением чему стала реакция ее членов на фильм «Семейство шимпанзе». Однажды вечером, через два с лишним года после съемок фильма, зимовочный зал превратили в кинотеатр. Свет приглушили, и на одной из стен появились первые кадры фильма. Обезьяны смотрели в полном молчании, у некоторых шерсть встала дыбом. Когда на экране молодые самцы с очевидными намерениями окружили самку, в зале раздалось несколько гневных восклицаний; осталось, правда, неясным, узнали ли шимпанзе действующих лиц этой сцены. Но всякая неясность пропала, когда на стене во всем блеске своей славы появился Никки. Данди ощерился

и с воплем кинулся к тому самцу, который в свое время поддерживал его против Никки; перепуганный альфа-самец буквально плюхнулся ему на колени. Самцы обнялись с широкими взволнованными улыбками.

«Воскрешение» Никки оживило и их давнее партнерство.

Танцы под дождем

Предположений о происхождении религии пруд пруди. Одна из таких гипотез — страх смерти, но есть и другие. Согласно некой теории — а по ее содержанию похоже, что придумали ее в пивной, — дело в опьянении. Во все времена считалось, что вино и пиво укрепляют тело, но, помимо этого, они подпитывают воображение. В припадке самовозвеличивания, обычном для пьяниц, наши предки вообразили себя неуязвимыми и начали вглядываться в «потусторонний мир», лежащий за пределами их сиюминутного существования. Связь религиозной веры с измененным сознанием до сих пор просматривается в тех религиозных сюжетах, где участвует «дух» (каков термин!*). Здесь и греческий культ бога вина Диониса, и католическая месса, где вино воплощается в кровь Христову, и кидуш, еврейский обряд освящения, производимый над бокалом вина, с декламациями перед тем, как выпить: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, сотворивший плод виноградной лозы». В Библии короля Джеймса** вино упоминается 231 раз; благодаря волшебному свойству высвобождать дух человеческий оно играет важнейшую роль во многих верованиях.

---

* Тут игра слов: в переводе с английского spirit означает и «дух», и «спирт».

** Библия короля Джеймса — знаменитый перевод Библии на английский язык, сделанный в начале XVII в. по приказу и при деятельном участии английского короля Джеймса I, сына Марии Стюарт.

В ранних религиях значительное место занимала польза, которую напитки брожения приносят здоровью человека, и вообще забота о его телесных качествах. Эффективной медицины не было, и умереть можно было от любой инфекции. Люди обращались к религии за утешением и молились об исцелении болящих. Может быть, они были правы — ведь сегодня, согласно эпидемиологическим данным, связь между верой и здоровьем не вызывает никаких сомнений*. Судя по всему, религиозность способствует благополучию тела и духа. Поспешу, однако, добавить, что в вопросе о том, как и почему это происходит, нет никакого согласия. Конечно, во многих религиях есть правила, регулирующие питание, использование наркотических средств, брак и гигиену, но вряд ли дело в этом. Наоборот, исследования указывают на частоту посещения церкви как на решающий фактор, а это наталкивает на мысль о социальном измерении. Хорошо известно, что социальные связи укрепляют иммунную систему, и посещение церкви играет здесь не последнюю роль. Если это так, то получается, что от болезни защищает не религиозность как таковая, а скорее человеческие контакты. Вполне возможно, что ровно те же преимущества дает членство в клубе книголюбов или обществе любителей птиц. Церковь, однако, порождает более тесные связи и более сильное ощущение включенности в общность. Эмиль Дюркгейм**, отец французской социологии, подчеркивал, что коллективные об-

---

* Jeffrey Levin (1994) and William Strawbridge et al. (1997). Относительно этого утверждения как раз имеется много противоречивых исследований, и поэтому важно понять, на что ориентировался де Вааль.

** Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — известный французский социолог и философ, уделявший много внимания изучению религии как социологического феномена. Рассматривал религию прежде всего в качестве механизма социальной интеграции.

ряды, священная музыка и пение хором делают религиозную практику необоримой интегрирующей силой. Другие философы говорили о Боге как о связующей фигуре, обещающей безопасность и утешение в сложных ситуациях. Кроме того, многие религии добавляют ко всему прочему женские статуи, отмеченные мягким, милосердным выражением лица. Эти источники материнского утешения — от Девы Марии в христианстве до Деметры в Греции и Гуаньинь в Китае — призваны облегчить груз печалей, как это делают матери для своих детей.

Но истории о происхождении религии на этом не заканчиваются. Невозможно не упомянуть изумление и трепет, которые пробуждают в душе человека неподконтрольные ему природные явления. Возможно, это относится не только к человеку, что отчасти подтверждает поведение шимпанзе у водопадов или во время ливней. Когда я впервые увидел подобное, то с трудом поверил своим глазам. Шимпанзе в зоопарке Арнема с несчастным видом и «дождевыми лицами» (брови «домиком», нижняя губа выпячена, общее выражение отвращения на лице) сидели под самыми высокими деревьями и как могли старались не промокнуть. Но когда дождь еще усилился и вода стала проникать даже под деревья, два взрослых самца поднялись (шерсть у них встала дыбом) и начали расхаживать с важным видом на двух ногах (можно представить, что при этом они стали похожи на головорезовлюдей); это был настоящий спектакль. Они ходили вокруг дерева раскачиваясь, большими ритмичными шагами. Разумеется, покинув убежище, они промокли до костей. И лишь когда дождь ослаб, они вновь уселись. Позже мне довелось наблюдать у шимпанзе такое поведение еще несколько раз, и я согласен с теми, кто называет это «танцем дождя», поскольку именно так все это и выглядит. Вот как описывала

Джейн Гудолл похожее поведение самца шимпанзе возле ревущего водопада:

«По мере того как он подходит ближе, а рев водопада усиливается, его шаги ускоряются, вся шерсть встает дыбом. Достигнув потока, он начинает великолепное представление у самого подножья водопада. Выпрямившись, он ритмически раскачивается с ноги на ногу, приотпывает в мелком стремительном потоке воды, поднимает и бросает большие камни. Иногда он взбирается по тонким лианам, свисающим с растущих где-то высоко деревьев, и прыгает, качнувшись, прямо в висящую в воздухе радужную пелену брызг. Такой “танец водопада” может продолжаться 10–15 минут».

Дальше Гудолл задается вопросом о том, возможно ли превращение подобных «танцев» в ритуал какой-нибудь анимистической религии и что произошло бы, если бы шимпанзе могли разделить друг с другом эти свои чувства. Может быть, это привело бы к коллективному поклонению стихиям? Но если иначе посмотреть на это же поведение, то можно предположить, что по каким-то причинам шимпанзе верят, что могут повлиять на ход природных событий. Не исключено, что когда-то счастливое совпадение — к примеру, дождь прекратился в самый разгар танца — породило суеверные представления о том, что если как следует постараться, то ливень можно прекратить. Тем, кому подобные ошибочные ассоциации кажутся безумными, полезно напомнить, что самыми суеверными среди высших приматов являются отнюдь не шимпанзе.

Молодые шимпанзе сообразительнее детей. По крайней мере к такому неожиданному выводу пришли авторы эксперимента, в ходе которого ученые демонстрировали шимпанзе

и детям простую процедуру. На глазах испытуемых ученый тыкал палкой в отверстия в большой пластмассовой коробке, проделывая это несколько раз до тех пор, пока из одного из них не высыпались сласти. На самом деле значение имело только одно отверстие из всех — в остальных ничего не было. Если коробка была не прозрачной, то понять, что некоторые тычки проделывались просто так, для отвода глаз, было невозможно. С другой стороны, если использовалась прозрачная коробка, то источник лакомства было легко разглядеть. После демонстрации коробку и палку передавали испытуемым. Юные шимпанзе повторяли нужные действия, игнорируя при этом все бесполезные отверстия — по крайней мере если коробка была прозрачной. Они явно внимательно наблюдали за демонстрацией. А вот дети повторяли за ведущим все его действия, включая бесполезные, причем даже тогда, когда в прозрачной коробке все было видно. Они подходили к задаче скорее как к магическому ритуалу, тогда как приматы видели в ней просто задание, направленное на достижение цели.

Наш биологический вид невероятно суеверен. На протяжении жизни мы приобретаем множество привычек, недостойных нас как разумных животных. Мы стучим по дереву, когда не хотим искушать судьбу, надеваем на серьезное испытание ношенную футболку, «приносящую удачу»; некоторые футболисты не выходят на поле, не надев белье наизнанку, а бейсболисты порой проделывают десяток ритуальных движений, прежде чем просто взять в руки биты. «Турок» Венделл * во время подачи всегда жевал четыре кусочка черной лакрицы. Он выплевывал их по окончании каждого периода, но вернуться к игре он мог только после того, как почистит

---

* «Турок» Венделл (р. 1967) — известный американский бейсболист.

зубы. Кроме того, для нас имеют большое значение числа: китайцы систематически избегают числа 4, а люди Запада боятся числа 13. Попав в США, я был поражен отсутствием 13-го этажа в зданиях, но сегодня настолько привык, что испытал, так сказать, реверсивный культурный шок, когда на большом голландском круизном лайнере мне рекомендовали в случае опасности воспользоваться спасательной шлюпкой № 13. Композитор Арнольд Шёнберг страдал трискайдекафобией* до такой степени, что, возможно, число 13 реально подтолкнуло его к смерти. Говорят, что он особенно боялся чисел, кратных 13, но как раз перед его 67-м днем рождения кто-то из друзей подсказал ему, что можно суммировать цифры, составляющие это число. Для чего же еще существуют друзья? Шёнберг оставался в постели до вечера и почти пережил свой день рождения, но за четверть часа до полуночи 13 июля 1951 г. его сердце все же остановилось. Кстати, это была пятница**.

Некоторые домашние кошки, похоже, думают, что получают еду, если будут драть когтями диван, а иные собаки ходят по кухне кругами, потому что в прошлом их при этом кормили. Но могут быть и негативные ассоциации. Так, один из наших котов по кличке Луке пережил операцию возле ануса; какое-то время после этого он испытывал такую боль при дефекации, что начал «винить» свой лоток. Он подходил к лотку, только если не мог уже терпеть, причем сначала подкрадывался к нему, а затем начинал с бешеной скоростью носиться вокруг, заскакивать внутрь и вновь выскакивать наружу, как будто опасался, что лоток может на него напасть. Мы

---

* Трискайдекафобия (или тердекафобия) — патологический страх перед числом 13.

** Болезненная боязнь пятницы 13-го числа любого месяца называется параскевекатрифобией.

были очень терпеливы; чтобы преодолеть его фобию, нам пришлось полгода убирать за ним кучи экскрементов. Б. Скиннер называл подобные ложные ассоциации суевериями. В опытах на голубях он использовал машинку, которая выдавала сухой корм через равные интервалы времени, вне всякой связи с поведением птиц. Тем не менее голуби спонтанно стали связывать появление еды с какими-то своими предшествующими действиями, так что вскоре некоторые из них начинали ходить кругами, а другие тыкались головами в определенный угол клетки. Можно спорить, однако, насколько такое поведение действительно соответствует человеческим суевериям.

Мы воспринимаем суеверия так серьезно, что иногда они реально тормозят прогресс. Классический пример — громотвод Бенджамина Франклина, одного из отцов-основателей США. Сначала он, пытаясь показать, что молния имеет электрическое происхождение, использовал воздушного змея, затем придумал способ уводить энергию молнии в землю, чтобы избежать разрушений. Молния часто била в церковные башни, поэтому идеальным местом для железного стержня были верхушки храмов. Но такой подход вступал в явное противоречие с представлением о молнии как о свидетельстве гнева Божьего. Поставить устройство на церкви означало бы противиться Его воле. *Stealing God's Thunder* — подходящее название для книги о Франклине*. Тем не менее стержневой громотвод оказался весьма эффективным. В окрестностях Бостона, где проходили эксперименты, молнией было уничтожено меньше

---

* Автор имеет в виду книгу Филипа Дрея с ее неоднозначно понимаемым названием *Stealing God's Thunder: Benjamin Franklin's Lightning Rod and the Invention of America*. Тут игра слов. Первая часть названия дословно переводится как «Ворует Божий гром», более литературный вариант — «Избегнуть Божьего грома». Но *thunder* еще и «осуждение», поэтому перевод названия, имея в виду второе значение, мог бы быть «Избегнуть Божьего осуждения».

церквей, чем где бы то ни было. И все же кое-кому сама идея избежать Господней длани представлялась кощунственной. Когда в 1755 г. в Массачусетсе произошло крупное землетрясение, какой-то священник даже обвинил Франклина в том, что именно он навлек его своей еретической самонадеянностью.

Суеверия, так же как религия и вера в Бога, размывают грань между реальностью и воображением. На одном уровне бытие Божие для многих есть абсолютная истина, но на другом уровне оно всегда остается открытым для критики. Религию называют «верой» именно потому, что она предлагает верить в невидимое. Мы, люди, к этому склонны, как показывает описанный выше имитационный эксперимент с коробками. Если обезьяна принимает задание буквально и игнорирует ненужные действия, то дети доверяют в первую очередь экспериментатору и повторяют за ним все действия, в том числе и ненужные. Они придают процедуре мистический смысл. Естественно, психологам не понравился вывод, который можно сделать по результатам этого эксперимента, — вывод о том, что человекообразные обезьяны сметливее нас. Ученые быстро заговорили о «тщательной имитации» со стороны детей и увидели в ней положительное явление. Более того, это здорово! Взрослые всегда все знают лучше, поэтому детям следует копировать их действия без вопросов. Вывод был прост: слепая вера — самая рациональная стратегия.

Сказанное не означает, что нашим родичам-приматам недоступны воображение и притворство. Есть сообщения о приматах, воспитанных людьми. Так, Вашу старательно купала свою куклу, а другая шимпанзе, Вики, делала вид, что возит воображаемую игрушку на воображаемой веревочке, которую, между прочим, приходилось «распутывать», если она за что-то «цеплялась». Я уже упоминал самку бонобо, кото-

рая кормила детенышей из бутылочки, хотя никакой нужды в этом не было; вероятно, она воображала себя Мамап. Что же касается диких шимпанзе, то имеются сообщения о том, как самки заботятся о воображаемых детенышах. Ричард Рэнгем наблюдал, как шестилетний подросток Какама носил и баюкал маленькое поленце как новорожденного малыша. Какама мог этим заниматься по несколько часов кряду, а однажды даже построил на дереве гнездо и аккуратно положил туда свое поленце. Наблюдатель не стал делать из увиденного никаких определенных выводов, но признал, что молодой самец играл с куклой. Возможно, Какама при этом воображал маленького братика или сестричку, потому что его мать в то время была беременна. Мне и самому приходилось видеть, как молодые шимпанзе играют подобным образом и нежно баюкают какую-нибудь тряпку или веник. Видели, как однажды дикая горилла подняла с земли большой кусок мягкого мха, который потом носила и держала у груди, как младенца; похоже, она его «кормила».

Может быть, приматы тоже умеют создавать новую реальность, параллельную уже существующей. Если в старой реальности полено — всего лишь деревяшка, то в новой это малыш. У представителей нашего собственного биологического вида способность существовать в двойной реальности так развита, что сахарная пилюля улучшает наше здоровье даже в том случае, когда медсестра достает ее из банки с ясно видимой надписью «плацебо». С одной стороны, мы знаем, что пилюля не настоящая; с другой — все же верим, что она поможет. Точно так же мы живаемся в любовные отношения, соперничество и смерть на киноэкране, прекрасно сознавая при этом, что актеры всего лишь играют роли. Мы великолепно умеем подменять одну реальность другой. В этом отчасти заключается секрет успеха Ха-

цуне Мику, популярной японской поп-звезды, которая сводит с ума толпы молодых людей, хотя сама она — всего лишь голограмма. Это компьютерное 3D-изображение женщины, снабженное синтезированным голосом; «певица» танцует и поет под музыку реальных музыкантов, возвышаясь при этом над слушателями, — ведь голограмма не ограничена человеческими размерами. Билеты на ее концерты продаются мгновенно. Публика подпевает ей и отзывается на ее призывные сексуальные движения, как если бы она была настоящей женщиной.

Настаивать вслед за неоатеистами, что смысл имеет лишь эмпирическая реальность, а факты сильнее веры, — значит отказывать человечеству в надеждах и мечтах. Мы проецируем свое воображение на все вокруг и делаем это в кино, театре, опере, в литературе, в виртуальной реальности и, конечно, в религии. Неоатеисты подобны людям, которые стоят возле кинотеатра и убеждают всех, что Леонардо Ди Каприо на самом деле не утонул вместе с «Титаником». Какой пассаж! Большинству из нас вполне комфортно в двух мирах сразу. Юмор, кстати говоря, тоже основан на этом человеческом качестве, внушая нам один взгляд на ситуацию только для того, чтобы потом ошарашить другим. Обогащать реальность — одна из самых приятных наших способностей, начиная от ролевых детских игр и заканчивая видениями загробной жизни в старшем возрасте.

Некоторые реалии существуют на самом деле, в другие нам просто нравится верить.

Не думая о завтрашнем дне

Бори, старая самка шимпанзе, у которой медики заподозрили инфекцию уха, обратилась к нам со странной просьбой. Когда мы были у нее в спальном помещении, она все время махала

рукой в направлении стола. На столе не было ничего, кроме маленького детского зеркальца в пластмассовой рамке. Через несколько минут мы решили, что Бори, наверное, хочет получить это зеркало, и дали его ей.

Она взяла зеркальце в одну руку, другой подобрала соломинку и, поставив зеркало так, чтобы видеть в нем собственное ухо, начала ковырять в нем. Обезьяна прочищала ухо и тщательно наблюдала за процессом в зеркало, как будто это и было единственной целью ее просьбы. Может быть, такое действие покажется вам очень простым, но на самом деле оно требует определенного интеллекта. Во-первых, Бори должна была понимать, что можно увидеть себя в зеркале, — а такое понимание доступно немногим животным, хотя, конечно, у человекообразных обезьян узнавание себя в зеркале — дело, хорошо задокументированное. Во-вторых, она должна была заранее спланировать всю процедуру — а иначе почему она использовала зеркало сразу же по конкретному назначению?

Часто считается, что животные — пленники ситуации «здесь и сейчас», но Бори должна была дожидаться нашего визита, чтобы попросить нужную ей вещь. У человекообразных обезьян планирование развито достаточно хорошо. Среди других примеров — дикие шимпанзе, готовые нести длинные стебли травы за много километров, чтобы потом у гнезда термитов использовать их как ловчие приспособления. В зоопарке шимпанзе иногда собирают в ночной клетке целые охапки соломы, прежде чем выйти наружу в холодную погоду. Но самый, пожалуй, известный случай планирования связан с Сантино, самцом шимпанзе из шведского зоопарка. Каждое утро еще до появления посетителей он не спеша собирал камни из рва вокруг вольера и складывал их в аккуратные небольшие кучки в укромном месте. Таким образом он готовил

для себя оружейный арсенал к моменту, когда зоопарк открывается. Как многие самцы шимпанзе, Сантино несколько раз в день начинал метаться по вольеру, вздыбив шерсть, и пугать остальных членов колонии. Частью представления при этом является швыряние камнями, в том числе и в посетителей. Но если большинство шимпанзе в этот критический момент оказываются с пустыми руками, то Сантино всегда был во всеоружии. Камни, собранные в спокойной обстановке, без адреналина в крови, оказывались весьма кстати.

Эксперименты по выяснению способностей обезьян к планированию восходят к работе Вольфганга Кёлера, который еще в 1920-е гг. подвешивал для человекообразных банан под потолком и снабжал их ящиками и палками. Как мы уже видели, слоны тоже способны решить эту проблему. Не так давно обезьянам начали предлагать орудия, которые в данный момент использовать было не для чего, но которые могли пригодиться позже. Приматы предпочитали эти орудия немедленному вознаграждению и терпеливо ждали возможности их использовать, надеясь на будущие блага. В одном инновационном тесте ученые решили посмотреть, способны ли человекообразные обезьяны придумать решение, которого никогда прежде не видели. Они дали обезьянам прозрачную коробочку с очищенным орешком на дне, слишком узкую, чтобы орех можно было достать пальцами. Никаких орудий в вольере не было. Что же делать? Но обезьяны нашли решение. Испытуемый направился к крану, набрал воды в рот и выплюнул ее в коробочку. Одной порции оказалось недостаточно, так что ему пришлось сходить к крану несколько раз, прежде чем он смог вытащить всплывший орех пальцами. А один самец оказался даже более креативным — он добился той же цели, просто пописав в контейнер.

Предвидение будущего и сознание смерти в принципе могут сложиться в понимание собственной смертности. Но несмотря на то, что наши родичи-приматы разделяют многие наши черты (в том числе воображение и ориентацию на будущее), остается неясным, думают ли они о своей собственной смерти. В качестве иллюстрации можно привести случай с Рео, шимпанзе из Института исследования приматов Университета Киото. В расцвете сил Рео перенес воспаление спинного мозга, в результате чего его полностью парализовало, начиная от шеи. Он мог есть и пить, но совершенно не владел своим телом, сильно похудел, на его теле образовались большие пролежни. Ветеринары и студенты ухаживали за ним круглые сутки в течение шести месяцев. Рео поправился, но самое интересное, пожалуй, то, как он реагировал на свое лежачее состояние.

«Всем, кто участвовал в уходе за ним, было ясно, что отношение Рео к жизни в тот период, когда он был полностью парализован, нисколько не изменилось. Он часто дразнил студентов, брызгая на них водой, — в точности так же, как до болезни. Его взгляд на жизнь во время болезни был таким же, как до того; мы не заметили никаких перемен, хотя он лежал тощий, как вешалка, и был весь покрыт болячками. Прямо говоря, его, похоже, нисколько не беспокоило его будущее. Он не впадал в депрессию, хотя нам его положение представлялось чрезвычайно серьезным».

Наше хваленое воображение похоже на обоюдоострый клинок. С одной стороны, оно порождает отчаяние в ситуации, когда примат может оставаться невозмутимым, но с другой — дает надежду, потому что позволяет представить себе

лучшее будущее. Мало того, мы заглядываем в будущее так далеко, что понимаем: наша жизнь тоже придет к концу. Это понимание целиком пронизывает нашу жизнь и заставляет непрерывно искать ее смысл; оно же порождает горькие шутки на тему «Жизнь такая сука, а потом ты умираешь». Неизвестно, появилась бы у человека вера в сверхъестественное, если бы не этот вечный дамоклов меч над головой. Отчасти ответ на вопрос дает исследование, согласно результатам которого чем сильнее человек сознает собственную смертность, чем больше думает об этом, тем сильнее он верит в Бога. Условно говоря, эти люди ощущают раскачивание лодки и, подобно большинству путешественников в бушующем море, апеллируют к высшим силам.

Но прежде чем прийти к выводу о том, что танатофобия* разделяет нас и наших ближайших родичей, следует сказать еще об одном — о том, о чем я не могу не думать всякий раз, разглядывая «Сад земных наслаждений» Босха. Большую часть времени мы, вместо того чтобы думать о смерти, отгоняем эти мысли прочь. Ни один нормальный человек, конечно, не станет отрицать тот факт, что он смертен, но многие ведут себя так, как будто им предстоит жить вечно. Картина Босха представляет собой одно большое предостережение против этой иллюзии. В «Саду» полно одиноких людей среднего возраста, занятых собственными маленькими удовольствиями. «Без всякой мысли о будущем, — по словам одного эксперта, — их единственный грех — неведение греха». Несмотря на то, что тут изображено множество людей, каждая из обнаженных фигур кажется одинокой и устремленной вовнутрь; в этом они похожи на современных подростков, которые даже в компании

---

* Танатофобия — навязчивый страх смерти.

остаются приклеенными каждый к своему смартфону. Гедонисты на центральной панели «Сада» не растят детей и не производят ничего полезного; они заключены в собственные экзистенциальные коконы, разве что иногда предаются эротическим играм, для которых нужен партнер. Если это рай вожделения, то это рай, лишенный цели и свершений. Люди в нем, кажется, ничего не знают о большом мире, о смерти и разрушении, которые с неизбежностью уготованы и им. Они ведут себя так, будто бессмертны. С другой стороны мы, зрители, видим ужасающую правую панель и знаем, что ждет их буквально за углом, защищающим их от внешнего мира. Человек справа, с другой стороны, смотрит через стеклянную трубу (намек на алхимию) на крысу. Символизм неясен, но я невольно вижу в этом человеке ученого-бихевиориста.

Турецкая писательница Элиф Шафак на радишоу «Шестьдесят две секунды на идею, способную изменить мир» обратилась за вдохновением к рекомендации суфистов вкушать смерть прежде смерти. Буддизм тоже знаком с этой идеей и предлагает прибегнуть к подобному средству, чтобы освободиться и принять свою смерть. Но поскольку современный мир основан на отрицании смерти, сказала Шафак, нам всем следовало бы посетить специальный салон вроде парикмахерской, где на один час нам дали бы ощутить смерть, нашу собственную смерть. Она утверждала, что такая процедура смягчила бы сердце и научила бы нас полнее ценить жизнь. Хотя все мы понимаем, что смертны, применить это знание в реальной жизни нам очень трудно. Выслушав ее предложение, я решил, что это было бы очень полезно для людей среднего возраста, но моим сверстникам уже не нужно. Люди моего поколения или видели смерть своих родителей, или готовы к тому, что она может произойти в любой момент. Нам приходилось терять

Многочисленные искатели удовольствий «Сада земных наслаждений» живут каждый в собственном коконе. Пузырь этой пары часто интерпретируют как отдельное помещение, сделанное из треснувшего стекла и символизирующее хрупкость любви. Но трещины больше похожи на вены амниотического мешка*

братьев или сестер, друзей, супругов, может быть, даже детей. У нас есть друзья, страдающие болезнью Паркинсона, раком, синдромом Альцгеймера или другими страшными заболеваниями. Чем старше мы становимся, тем сильнее чувствуем разрушительное воздействие физического характера, связанное с собственным старением, тем отчетливее ощущаем, что наше время на земле ограничено.

Питер Брейгель-старший сумел выразить эту мысль так красноречиво и страшно, как только возможно в рамках од-

---

* Амниотический мешок (или водная оболочка) — одна из зародышевых оболочек эмбриона у пресмыкающихся, птиц, млекопитающих.

ной картины. Мы видим телеги, полные черепов, а люди всех сословий без различия — от фермеров до епископов и аристократов — отправляются в потусторонний мир. Мертвые надвигаются на живых как непобедимая армия и загоняют их в гигантские ловушки, а где-то далеко бушуют пожары. На горизонте кого-то вешают, пес пожирает лицо мертвой женщины, а человека с жерновом на шее вот-вот бросят в воду. Гости, собравшиеся за столом, пытаются сопротивляться, но напрасно: они вытаскивают шпаги из ножен или убегают от надвигающихся трупов, а в правом нижнем углу картины ничего не замечающий влюбленный играет на лютне для женщины, за спиной которой его радостно передразнивает скелет. Картина с изображением отвратительной армии смерти и разрушения написана Брейгелем в 1562 г. — на полвека позже, чем «Сад» Босха, откуда, видимо, и позаимствована идея ада на земле. Работа очень точно названа — «Триумф смерти».

Современным эквивалентом этой картины является произведение современного британского художника Дэмиена Хёрста под названием «Физическая невозможность смерти в сознании живущего». Произведение представляет собой тело тигровой акулы, заключенное в громадную витрину с формальдегидом; акула так велика, а ее полный зубов рот так широко открыт, что перспектива смерти в зале рядом с ней кажется очень близкой. Когда эта акула только появилась в нью-йоркском Метрополитен-музее, говорили, что она «одновременно жизнь и смерть, воплощенные так, что не поймешь, пока не увидишь ее молча висящей там, в своем бассейне». Но было и другое описание: говорили, что это произведение искусства — всего лишь невероятно дорогая рыба без чипсов.

Смерть столь трудно принять, что мы всеми силами стараемся об этом не думать и ведем себя так, будто усопший

переселяется куда-то в лучшее место, где мы однажды с ним встретимся. Сложные погребальные обряды восходят к нашим предкам-кроманьонцам, которые провожали умерших в путь с украшениями — бусами из слоновой кости, браслетами и ожерельями. Никто не стал бы оставлять в могиле так много ценных вещей, если бы не верил в загробную жизнь. Мы — единственный биологический вид, который проводит подобные ритуалы и получает от них какое-то утешение, но замечу, что я лично не до конца убежден, что только нам дано знать о собственной смерти. Молодой самец Рео может оказаться здесь не лучшим примером. Неминуемая смерть в этом возрасте редко воспринимается всерьез. У многих видов стареющие особи ведут себя заметно мудрее молодых, и постепенная, на протяжении многих лет, потеря сил и физических возможностей воспринимается, вероятно, совершенно иначе, чем внезапная неподвижность, поразившая Рео. Когда постаревший шимпанзе замечает, что забираться на деревья становится все труднее и труднее, или слону становится все сложнее успевать за стадом, может ли быть, чтобы эти особи не примеряли то, что узнали раньше о жизни и смерти, к собственным телам?

Нельзя утверждать наверняка, но и исключить невозможно.

Когда Фрейд струсил

Сформулировать такое определение религии, с которым бы все согласились, невозможно. Как-то я участвовал в форуме при Американской академии религии, и кто-то предложил для начала дать общую дефиницию предмета обсуждения. Это предложение, такое разумное на первый взгляд, было подавлено в зародыше другим участником. Он напомнил всем,

что в последний раз, когда они попытались дать определение религии, половина аудитории в гневе покинула зал. И это в академии, в названии которой указывается ее объект изучения! Так что давайте просто скажем, что религия — это *общее для группы людей поклонение сверхъестественному, священному или духовному, а также связанные с этим символы, обряды и богослужения*. Такое определение не разграничивает духовность и религию, хотя требование коллективности поклонения исключает индивидуальные представления и оставляет для рассмотрения только групповые явления. При подобном определении религия свойственна всем людям.

Единственное исключение, о котором когда-либо было известно, — это народ пираха. Но утверждение о том, что это бразильское лесное племя не имеет религии (их даже называли «племенем атеистов»), не выдерживает критики, поскольку не согласуется с исходными источниками информации. Бывший американский миссионер Дэниел Эверетт, долго живший среди пираха, описывал, как эти люди разговаривают с духами и танцуют для них. Они носят ожерелья из семян, зубов, перьев и колечек от пивных банок, в которых «красота далеко не главное; их назначение — отпугивать злых духов, которых члены племени встречают чуть ли не ежедневно». И соплеменники не только видят духов — они говорят от их имени, меняя свой обычный голос на фальцет. Но пираха так боятся злых духов, что никогда не называют их по имени. Даже если пираха только что выступал как медиум от имени такого духа, он все равно будет отрицать его присутствие («Я не знаю, я не видел»). Из-за этого страха западному человеку практически невозможно разобраться, во что же пираха на самом деле верят, но нет никаких сомнений: во что-то, да верят. Просто их вера отличается от того, к чему мы привыкли.

Если религия распространена так широко, то возникает следующий вопрос: почему она появилась? Биологи всегда задаются вопросом о полезности той или иной особенности для выживания. Какое преимущество дает религия? Ученые пытались найти ответ на этот вопрос, сравнивая ранних христиан с окружавшим их римским населением. Когда одна за другой по империи пронесли две эпидемии чумы, каждая из которых уничтожила треть населения, христиане легче, чем римляне, пережили эту напасть. Во имя Господне христиане приносили пищу и воду тем, кто был слишком болен и не мог позаботиться о себе, тогда как римляне, стремясь избежать заражения, бросали родных и близких даже прежде, чем те испускали дух. Конечно, христиане рисковали, но исследование надписей в гробницах показывает, что жили они дольше.

Однако корректное ли это сравнение? Во-первых, следует отметить, что римляне и сами были достаточно религиозны и всячески старались умиловить своих богов и богинь, таких как Марс и Венера. Так что речь не идет о сравнении религиозных людей и атеистов. Во-вторых, ранних христиан вряд ли можно назвать типичным населением тех мест: это было преследуемое меньшинство, часть тесного сообщества, сражающегося против общего врага. Их объединяла общая цель, что обычно укрепляет здоровье. К несчастью, попытки точно определить, почему религия получила признание, отчасти напоминают потуги разобраться в том, какие преимущества дает язык. Я уверен, что язык — это хорошо, но поскольку все люди им владеют, сравнивать нам попросту не с чем. Аналогичным образом дело обстоит и с религией. Единственное, что нам достоверно известно, — это то, что все попытки отказаться от религии или искоренить ее приводили к катастрофическим последствиям.

Это верно в отношении Сталина и Советского Союза, Мао Цзэдуна и коммунистического Китая, Пол Пота и камбоджийских «красных кхмеров»; каждый из них замучил, убил и уморил голодом в собственной стране миллионы людей. «Красные кхмеры» запретили всякую религию и взяли на вооружение страшный девиз в отношении несчастного народа: «Толку от вас никакого, а уничтожить — не велика потеря». Ни одна из этих идеологий не породила особенно здорового общества, а с биологической точки зрения это было просто фиаско. С другой стороны, их антирелигиозность хорошо вписывается в общую картину. Все три страны пережили свержение прежнего режима, в связи с чем им, возможно, понадобилось подавить могущество доминировавшей ранее религии. Поэтому я не стал бы возлагать вину за эти преступления на атеизм как таковой. Точно так же убийство во имя Господа, какое имело место во время крестовых походов или испанской конкисты, часто служило прикрытием для политических или колониальных амбиций. Колумб любил золото не меньше, чем Бога. Поэтому странно было бы назвать религию единственной причиной каких бы то ни было событий. Дело в том, что человек способен на невероятную жестокость — и во имя Бога, и во имя борьбы с религией.

Может быть, на этот вопрос можно ответить на материалах наблюдений меньшего масштаба, а именно по результатам изучения продолжительности существования разных общин в США в XIX в. Общества, построенные на светской идеологии, такой как коллективизм, распадались намного быстрее, чем те, что были основаны на религиозных принципах. Каждый год вероятность распада светских общин была вчетверо выше, чем религиозных. Общая религиозная принадлежность резко повышает взаимное доверие. Нам давно известен объединяю-

щий эффект регулярных совместных действий, таких как коллективные молитвы и исполняемые вместе обряды. Это имеет отношение к первичному принципу, согласно которому совместные действия улучшают отношения. Здесь можно вспомнить и то, что приматы предпочитают экспериментаторов, которые в чем-то им подражают, и то, что гребцы университетских команд повышают физическую выносливость (болевого порога как часть ее) именно совместными, а не индивидуальными тренировками. Общие действия стимулируют выработку эндорфина (тот же эффект, вероятно, производят другие объединяющие действия, такие как общий смех). Позитивные следствия синхронизации помогают объяснить интегрирующие функции религий и их влияние на социальную стабильность.

Выгоды от принадлежности к какой-либо религии Дюркгейм окрестил «социальной полезностью». Он был убежден, что такое всепроникающее явление, как религия, должно иметь цель — цель не сверхъестественную, а социальную. Биолог Дэвид Слоан Уилсон, анализирувавший данные по ранним христианам, согласен с ним; он тоже видит в религии приспособительный механизм, позволяющий группам жить в гармонии: «Религии существуют в первую очередь для того, чтобы люди вместе могли достичь недостижимого в одиночку».

Характерное для всех религий объединение в общины для человека естественно. Более того, если учесть, как часто религию противопоставляют науке, неплохо помнить, что религия обладает при этом громадным преимуществом. Наука — искусственное, придуманное образование, тогда как религия дается нам легко, как ходьба и дыхание. На это указывают многие авторы, начиная от американского приматолога Барбары Кинг, которая в книге «Эволюционирующий Бог» (*Evolving God*) связывает тягу к религии с нашим желанием принадле-

жать к какому-нибудь сообществу, до французского антрополога Паскаля Буайе, рассматривающего религию как интуитивную способность:

«Научные исследования и теоретизирование появились лишь в очень немногих человеческих обществах... Результаты научных исследований, возможно, известны хорошо, но интеллектуальный стиль, необходимый для их достижения, создается с большим трудом. Напротив, религиозные представления существуют у всех известных нам человеческих групп; они легко воспринимаются, без труда поддерживаются и кажутся доступными всем членам группы независимо от их ума и подготовки. Как указывает Роберт Макколи, религиозные представления очень естественны для человека, тогда как наука откровенно неестественна. Это значит, что первое хорошо ложится в сформированную в процессе эволюции структуру нашего сознания, тогда как последнее требует отказа от большинства традиционных способов мышления или даже полного их отрицания».

Сравните легкость, с которой дети воспринимают религию, и длинный непростой путь, который проходят молодые люди, чтобы годам к тридцати получить ученую степень Ph. D*. Философ Макколи, мой коллега по Университету Эмори, говорил мне, что, если бы пришлось решать, какая из этих двух сфер человеческой деятельности уцелеет в случае краха человеческой цивилизации, он бы поставил на религию: «Религия

---

* Ph. D — дословно «доктор философии». В действительности во многих странах, где существует одноступенчатая система защиты диссертации, ученая степень Ph. D присуждается во многих областях — в литературе, физике и др.

очень сильно зависит от того, что я называю естественным познанием, — от автоматического мышления, по большей части неосознанного». Макколи противопоставляет такое мышление науке, которая «всегда осознается, как правило, в языковой форме. Это медленный и преднамеренный процесс».

Представьте, что мы поселили на острове несколько десятков детей без взрослых. Что произойдет? Уильям Голдинг думал, что знает, и представил нам свою версию в романе «Повелитель мух» (*Lord of the Flies*) как разгул дикости и убийств. Возможно, это великолепная экстраполяция жизни в английских закрытых учебных заведениях на вымышленную реальность, но на самом деле нет ни малейших свидетельств того, что дети, оставленные без надзора, повели бы себя именно так. Когда четырех- и пятилетних детей оставляют одних в комнате, они, как правило, спорят друг с другом с применением моральной терминологии: «Это нечестно!» или «Почему ты не даешь ей игрушки?» Никто не знает, как повели бы себя дети, оставленные надолго, но можно сказать наверняка, что у них сформировалась бы какая-то иерархия. Молодые животные — не важно, гусята или щенки, — быстро выясняют при помощи драки, кто главный; дети делают то же самое. Я помню, как бледнели студенты-психологи, привыкшие к эгалитаризму высшей школы, при виде детей, которые, собранные в дошкольном детском учреждении, в первый же день начинают драться. Человек — иерархический примат, как бы мы ни старались закамуфлировать данный факт, и проявляется это в самом раннем детстве.

Кроме того, дети на острове должны были освоить символическую сферу. Вероятно, они придумали бы себе язык — так никарагуанские глухие дети в 1980-е гг. начали общаться между собой посредством простого языка жестов, непонятного

окружающим. Появились бы, по всей видимости, и многие другие атрибуты человеческих обществ, такие как культура. Дети перенесли бы туда свои привычки и знания и демонстрировали конформизм; это проявлялось бы во всем, начиная от орудий и заканчивая традиционным приветствием. У них возникли бы право собственности и конкуренция за нее. Наконец, у них, несомненно, родилась бы религия. Мы не знаем, какая именно, но они непременно верили бы в сверхъестественные силы, возможно, персонифицированные (вроде богов), и придумали бы ритуалы, призванные умилостивить их и подчинить воле людей.

Единственное, что никогда не появилось бы в обществе детей, — это наука. По всем оценкам науке всего лишь несколько тысяч лет, то есть по меркам человеческой истории она возникла очень поздно. Это подлинное достижение, возможно, даже принципиально важное, но было бы наивно ставить науку на одну доску с религией. Война между наукой и религией представляет собой, в библейских терминах, сражение между Давидом и Голиафом. Религия всегда была с нами и вряд ли когда-нибудь исчезнет, поскольку является частью нашей социальной кожи. Наука же скорее напоминает недавно купленный плащ — его в любой момент можно потерять или выбросить. Антинаучные силы в обществе требуют постоянного надзора, если учитывать, насколько хрупка наука по сравнению с религией. Сравнивать их так, будто они конкурируют на равных, — забавное недоразумение, объяснимое лишь тем, что их сводят к знаниям об одних и тех же явлениях. Только тогда можно утверждать, что если что-то одно из двух верно, то другое обязательно неверно.

Когда речь идет о знаниях о физическом мире, выбор очевиден. Я никак не могу понять, почему здесь и сегодня, когда

все вокруг расхаживают с лэптопами и путешествуют по воздуху, наука все еще нуждается в защите. Вспомните, как далеко зашли медико-биологические науки и насколько дольше мы в результате живем. Разве не очевидно, что наука — исключительный способ выяснения, как что устроено и функционирует, откуда взялись люди и как возникла Вселенная? Я каждый день общаюсь с учеными и твердо знаю: нет ничего более захватывающего, чем жажда познания. Остается еще множество тайн — это правда, но именно наука предлагает единственную реальную надежду в них разобраться. Те, кто представляет религию как источник такого рода знаний и держится за древние представления, не обращая внимания на настоящую лавину новой информации, в полной мере заслужили все то презрение, которое на них обрушивается. Но мне кажется, что конфликт между наукой и религией вторичен и не имеет особого значения. Религия — это гораздо больше, чем вера. Вопрос не столько в том, истинна религия или нет, вопрос в том, какое влияние она оказывает на человеческую жизнь и что, хотя бы в принципе, может ее заменить, если нам все же удастся от нее избавиться. Когда-то ацтекские жрецы вырывали еще бьющееся сердце из груди девственницы. Что могло бы заполнить зияющую рану и взять на себя функции изъятых органов?

В одном из нью-йоркских экспериментальных театров я как-то видел спектакль под названием «Последний сеанс Фрейда» *. Психоаналитик, заходясь кашлем и не выпуская сигары изо рта, спорил с К. Льюисом, который уже стал набольшим христианином, и подвергал сомнению убеждения

---

* «Последний сеанс Фрейда» — пьеса Марка Джермейна, американского драматурга, кино- и телесценариста.

младшего по возрасту собеседника*. Это была такая блестящая демонстрация абсолютного скепсиса, что лишь чтение произведений Фрейда, которым я занялся позже, меня немного отрезвило. Хотя Фрейд категорически отрицал религию, считая ее созданием человека и просто «иллюзией», однако никак не готов был рекомендовать полный отказ от нее. Лишь в самом конце работы «Будущее одной иллюзии» он позволил читателям почувствовать свой страх:

«Если вам угодно изгнать из нашей европейской культуры религию, то этого можно достичь только с помощью другой системы учений, которая с самого начала переймет все психологические черты религии, тот же священный характер, ту же косность, нетерпимость, тот же запрет на мысль в целях самозащиты».

Разве не был весь коммунистический эксперимент попыткой создания безбожного общества? И разве все вышло не буквально по пророчеству Фрейда? Это движение с его хоровым пением, маршами, скандированием клятв и маленькой красной книжкой цитат Мао Цзэдуна, которой размахивали толпы, намеренно подражало религии. Догматизм, косность и нездоровый энтузиазм проявились в полной мере и со временем только росли, пока вся коммунистическая система не рухнула под собственной тяжестью, провалившись в никуда. Фрейд, наблюдавший начало этого эксперимента, вполне мог предвидеть его тщетность.

Другая интересная попытка насадить безбожие имела место в 1793 г., когда на месте алтаря собора Парижской

---

* Фрейд страдал раком нёба, перенес множество операций и в конце концов прибег к эвтаназии: по его просьбе врач вколол ему тройную порцию морфия. В действительности З. Фрейд и К. Льюис никогда не встречались.

Богоматери появилась модель горы с храмом философии на вершине. Рядом с ней горел «Факел истины». Авторы культа Разума отменили воскресенье как седьмой день творения, а потому и отдыха (заменив его десятым днем), секуляризировали все дни поминовения святых и убили всякую надежду на загробную жизнь, написав над воротами кладбищ: «Смерть есть вечный сон». У этого культа была собственная богиня — дама в классическом одеянии, которую носили по улицам Парижа в сопровождении толпы адептов, размахивавших пальмовыми ветвями. Процессия принесла ее в храм, к «горе», где посадила между бюстами Вольтера и Руссо. Этот культ приказал долго жить, когда его лидеры были казнены Максимилианом Робеспьером. После этого Робеспьер основал культ Верховного существа с собой в роли первосвященника. Бессмертие души было быстренько восстановлено — не без пользы, вероятно, если учесть, сколько невинных Робеспьер отправил на гильотину. Жизнь этого культа тоже оказалась короткой: он просуществовал ровно до дня казни его первосвященника.

Фрейд чутко уловил колебания вечного маятника западной мысли, которая не одну сотню лет металась от насмешки над религией как глупостью и «опиумом народа», по выражению Карла Маркса, до тревоги за то, что произойдет, если мы вычеркнем ее из своей жизни. Сегодня неатеисты вытащили на свет все накопившиеся за несколько веков аргументы против религии. Хитченс со своим «религия отравляет все вокруг» показал себя верным марксистом, тогда как Харрис поднял парижский Факел истины и призвал к созданию «религии разума»; «одержимость» Докинза ничем не лучше «иллюзии» Фрейда²⁴. Однако в настоящий момент мы с неизбежностью вступаем в новую фазу цикла —

фазу тревоги за будущее без религии. Оставив в стороне вопрос о том, сможем ли мы когда-нибудь реально осуществить самоампутацию, к которой призывают атеисты, обратимся к более глубокой проблеме: как и чем заполнить вакуум размером с Бога, если наша попытка вдруг удастся. Алан де Боттон * — атеист, но он с уважением относится к религии, хоть и против своей воли, за ее понимание универсальных человеческих потребностей и слабостей; Филип Китчер призывает атеистов и агностиков пойти дальше простого неверия. Критиковать религию легко, говорит Китчер, но любое думающее человеческое существо, прежде чем присоединиться к атеистическому движению, захочет узнать не только, против чего оно выступает, но и за что:

«Каждому из нас нужно знать себя и то, что по-настоящему ценно, к чему можно стремиться и чем можно жить... Светская мысль уходит от традиционного вопроса, поднятого еще греками в самом начале развития философии, — вопроса о том, что делает человеческую жизнь, хотя и конечную, значительной и ценной... Если не признать эти факты, то никакие выступления в пользу неверия, какими бы красноречивыми они ни были, не совершат антирелигиозной революции. Временное устранение суеверий, не сопровождаемое пристальным вниманием к тем функциям, которые традиционно исполняет религия, создает вакуум, в который легко проникают грубейшие формы самой буквалистски понятой мифологии...»

---

* Алан де Боттон (р. 1969) — швейцарско-британский писатель, философ, телеведущий и антрепренер, постоянно проживающий в Великобритании.

Недреманное око

Во время визита в Ванкувер канадский психолог Ара Норензаян назвал мне заголовок своей новой книги, который я сразу же записал как Big Dogs («Большие псы»). Может быть, я страдаю легкой дислексией, или это была описка «по Фрейду», поскольку моя голова занята больше животными, чем людьми. На самом деле Ара сказал «Big Gods» («Большие боги»).

Он изучает роль религии в повседневной жизни. В одном из экспериментов исследовалось, как предварительная «настройка» человека на религиозные мысли влияет на его великодушие. «Настройка» происходила на подсознательном уровне и заключалась в данном случае в том, что испытуемого просили исправить грамматические ошибки в нескольких предложениях, содержащих слова «Бог», «пророк» и «священный». Ни текст, ни слова не сопровождались какой-либо дополнительной информацией, и испытуемые не имели понятия о том, в чем, собственно, заключается эксперимент. После этого каждый испытуемый находил на столе 10 однодолларовых монет и инструкцию: взять сколько захочется, притом что оставшееся достанется следующему участнику. Результат оказался весьма наглядным. Участники эксперимента, не подвергавшиеся «настройке», оставляли следующему в среднем всего \$1,84, тогда как настроенные на мысли о Боге и религии — \$4,22. Около двух третей членов «настроенной» группы оставляли на столе больше половины денег. Забавно, но религиозность как таковая при этом особого значения не имела. На вопрос о религиозной принадлежности примерно половина испытуемых ответили: «Никакой», — но действовали они точно так же, как все остальные.

Как объяснить этот эффект? Есть мнение, что в таком многолюдном обществе, как наше, человеку необходим надзор — реальный или воображаемый, который обеспечивал бы высокий уровень сотрудничества. Затерянному в безликой массе слишком уж легко быть попрошайкой и вести паразитический образ жизни. У участников исследования, вероятно, возникал в голове образ Бога, который, как известно, одобряет великодушие и гневается на мошенников. «Те, за кем неустанно наблюдают, хорошие люди», — объясняет Ара. Примерно тем же можно, вероятно, объяснить так называемый «эффект воскресенья», когда благочестивые христиане жертвуют больше денег на добрые дела и смотрят меньше порнофильмов в Интернете.

Однако сверхъестественное существо в качестве наблюдателя, судя по всему, относительно недавнее явление, потому что в доисторические времена он был нам не нужен. В маленьких группах, подобных обезьяньим, все всех знают. В окружении родных, друзей и соплеменников у человека были все основания следовать правилам и уживаться друг с другом. Надо было заботиться о личной репутации. И только когда наши предки начали собираться во все более многочисленные сообщества — сначала в них были тысячи людей, затем миллионы, — эти межличностные механизмы перестали работать. Вот почему Ара считает, что нужда в больших богах, как ястребы следящих за всеми нашими делами, появилась после возникновения больших человеческих групп. Это прекрасно сочетается с моими собственными мыслями о том, что мораль возникла раньше религии, по крайней мере раньше нынешних основных религий. Мы, люди, были уже достаточно моральными существами, когда еще бродили маленькими группками по саванне. Только с ростом масштабов

общества, когда правила взаимности и репутация начали давать сбои, появилась нужда в Боге-морализаторе.

Если посмотреть с этой точки зрения, то не Бог ввел мораль, а скорее наоборот. Бог появился для того, чтобы помогать нам жить так, как мы, по нашему же мнению, должны жить; это подтверждает шутку Вольтера о том, что человеку нужно было бы придумать бога. Вспомните и вопрос Сократа, обращенный к Евтифрону: нравственно ли некое действие потому, что нравится богам, или боги любят именно нравственные поступки? Назначение Бога — поощрять нравственные поступки. Мы сами наделили его способностью удерживать нас на прямом и узком пути добродетели, по которому идем еще со времен жизни в саванне.

Для тех, кто боится, что без религии мир станет менее пригоден для жизни в обществе, могу сказать в утешение несколько слов. Во-первых, эксперимент, о котором шла речь, недостаточен для такого вывода. В нем испытуемым напоминали лишь о религиозных концепциях, но не об альтернативах. Этот недостаток был исправлен во втором эксперименте, где участникам перед испытанием предлагали терминологию, связанную с правопорядком: «гражданский», «присяжные», «суд». И что же? Они становились столь же альтруистичными, как и те, кому напоминали о религии, и оставляли на столе в среднем по \$4,44. Этот эксперимент дарует светским обществам надежду. Если отсылки к совместным ценностям, общественному договору и законности вызывают к великодушию не менее эффективно, чем религия, то позитивное влияние религии можно имитировать.

Во-вторых, недавно было проведено сравнение причин, по которым верующие и неверующие помогают другим. Выяснилось, что неверующие более чувствительны к состоянию

других, а их альтруизм основывается на сочувствии. Верующими, напротив, движет чувство долга и желание соответствовать нормам своей религии. Поведенческий результат тот же, но ведущая мотивация, судя по всему, различна. Ясно, что для доброты может быть множество причин, и религиозность — лишь одна из них.

В настоящее время светская модель общества проходит испытание в Северной Европе, где секуляризация продвинулась до такой степени, что маленькие дети наивно спрашивают, почему на больших домах, которые называются «церквями», так много «знаков плюс», а люди не знают о библейском происхождении многих разговорных выражений, таких как «умыть руки» или «капля в море». Светские учреждения взяли на себя многие функции, первоначально принадлежавшие Церкви, — заботу о бедных, больных и стариках. И несмотря на то, что население этих стран в основном составляют агностики или по крайней мере невоцерковленные верующие, оно решительно поддерживает такие гуманитарные усилия. Подобный гигантский эксперимент, как экономический, так и моральный, даст результаты, которые продемонстрируют, способны ли крупные национальные государства поддерживать хорошо функционирующий моральный кодекс без религии. С точки зрения тех, кто, как и я, считает, что мораль исходит в основном изнутри, этот опыт достоин всяческой поддержки, но я также согласен с Фрейдом, Китчером и другими мыслителями и считаю, что для его успеха потребуется гораздо больше, чем просто свидетельство о смерти Бога.

Глава 8

МОРАЛЬ «СНИЗУ ВВЕРХ»

Что толку становиться на ходули, ведь и на ходулях нам придется идти своими ногами. И на возвышеннейшем из тронов мира мы будем восседать на собственном седалище, и ни на чем другом.

Монтень

Второе в жизни посещение зала № 56 Национального музея Прадо в Мадриде стало для меня своеобразным приобщением к святыне. Прежде я много читал об El Bosco, а незадолго до этого побывал с друзьями в Центре искусств Иеронима Босха в моем родном городе, но все же я был приятно удивлен яркостью и жизнерадостностью «Сада земных наслаждений» в оригинале. Зелено-голубой фон, красные плоды, птицы с ярким опереньем и масса бледно-розовых (и иногда черных) обнаженных тел создают радостную, праздничную атмосферу. Особенно глубокое впечатление триптих произвел на меня после посещения соседнего зала, где находится «Триумф смерти» — мрачная картина в тонах настолько коричневых и тусклых, что при взгляде на нее хочется умереть прямо на месте. Разумеется, именно такое настроение

хотел создать художник — ведь Брейгель прекрасно умел работать с живыми красками.

Зал № 56 — хорошо освещенная комната с высокими потолками. Музейное ограждение не позволяет посетителям подойти вплотную к картине. Глядя поверх голов туристов, я пытался рассмотреть детали этого шедевра, сотни-картин-в-одной; в сувенирной лавке при музее можно приобрести посвященные ей футболки, календари, ежедневники и коврики для мыши. Я чувствовал себя так, как должен был, вероятно, чувствовать себя знаменитый нейробиолог Антонио Дамасио во время паломничества в противоположном географическом направлении, предпринятого во время работы над книгой «В поисках Спинозы» (*Looking for Spinoza*). Он отправился в Нидерланды, чтобы увидеть места, где жил этот философ эпохи Просвещения, — в Гаагу и Рейнсбург.

Дамасио хотел узнать побольше о Спинозе — голландце португальского происхождения. Его предки-евреи бежали от инквизиции своей родной страны, чтобы избежать насильственного обращения в христианство. Дамасио, тоже родившийся в Португалии, чувствовал естественную близость взглядов Спинозы и противопоставлял его другому философу — Канту. Он говорил, что если Кант предлагал бороться с опасностями страстей при помощи разума, то Спиноза считал страсть движущей силой своих рассуждений. Дамасио писал о Спинозе как об одном из наиболее биологически ориентированных философов и скорбел о том, что его подход к этике остался недооцененным из-за явного скепсиса, который Спиноза высказывал по отношению к Богу авраамических религий. Со схожими чувствами и я пришел в Музей Прадо, чтобы увидеть творчество Босха в изгнании; мне казалось, что художник и сегодня может многое нам поведать о проис-

хождении морали и роли в этом религии, — хотя Босха тоже часто недооценивают. Он оказал глубокое влияние на сюрреализм — движение, которое 400 лет спустя после его смерти называли новым потрясающим направлением в искусстве, а также проявлением расширенного сознания. Босх превращал сны в реальность и показывал вечные слабости человечества примерно в том же ключе, как это делал в книгах его современник Эразм Роттердамский. Эразм в своей знаменитой «Похвале глупости» объяснял на ученой латыни, как тщеславен и изначально глуп род человеческий. Я не могу не сочувствовать этим первым попыткам спустить венец творения с небес на землю.

Прекрасным примером может служить еще один триптих Босха, тоже висящий в зале № 56, — «Воз сена». На нем телега с громадной кипой сена проезжает сквозь толпу людей. При внимательном рассмотрении можно заметить, что люди вокруг дерутся из-за соломинок. В Средней Голландии сено — «hoу» — символизирует тщеславие, никчемность и пустоту. Картина показывает, как ради сена люди вцепляются друг другу в глотку, вытаскивают ножи и колотят друг друга, а кого-то уже дают колеса телеги. Духовенство принимает в свалке активное участие, как тот дородный монах, который ждет, пока монахини наполнят его мешок сеном. Вельможи и папа следуют за телегой на лошадях во всем своем блеске и достоинстве, демонстрируя, что имущим не обязательно смешиваться с неимущими, чтобы получить желаемое. Телега катит вперед, маня окружающих ее людей, как дудочка Крысолова, и катит она к правой панели триптиха, где всех ожидает ад. Этот триптих мог бы стать замечательной жанровой картиной, изображающей группу людей за их обыденными занятиями, адресованной церквям, проповедующим «евангелие преуспевания», — они обещают своим верным после-

дователям финансовый успех, — ведь Босх недвусмысленно говорит: алчность безобразна и бессмысленна. Вероятно, это одна из древнейших норм христианской морали, отраженная в словах Христа о том, что богатому войти в Царство Божие будет не легче, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко. Триптих раскрывает растлевающее влияние материального богатства и представляет погоню за ним как жизнь, проведенную в буквальном смысле хватаясь за соломинку.

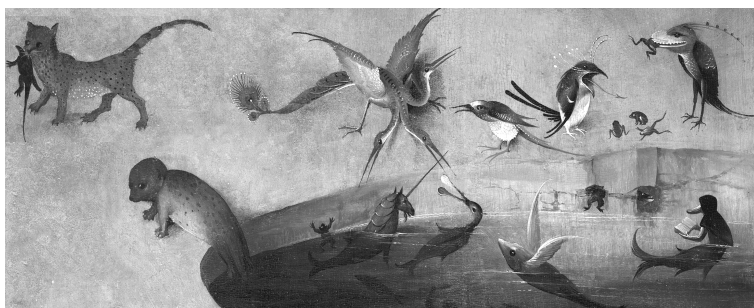
И все же мы очень плохо понимаем Босха, почти ничего не знаем о его жизни, не говоря уже о его мыслях и верованиях. Мы интерпретируем его как можем, не имея никакой гарантии, что наши выводы хоть как-то соответствуют намерениям художника. Известный немецкий историк искусств Эрвин Панофски* сказал о Босхе: «Мы проделали несколько дырочек в двери запертой комнаты, но ключа к ней, похоже, так и не нашли».

Рассматривая левую панель «Сада земных наслаждений», я неизменно испытываю поразительное ощущение: что если рай, по мнению Босха, заселен не в результате акта творения? Не то чтобы Босх был эволюционистом, нет. Современные эволюционные идеи зародились лишь в XVIII в. во Франции и Англии — до Дарвина, но гораздо позже Босха. Его триптих скорее отсылает к аристотелевой идее «спонтанного самозарождения», согласно которой гниющая смесь воды, ила и навоза способна породить живых (хотя иногда и уродливых) существ. В «Саду» есть два водоема первобытного бульона, из которого появляются звери с перьями и плавниками, крылатые рыбы, плавучий единорог, трехголовая птица, тюлень с передними ногами и разнообразные амфибии. Естественно,

---

* Эрвин Панофски (1892–1968) — американский искусствовед немецкого происхождения.

вода — навязчивая идея голландцев, живущих ниже уровня моря. У Босха стоячая вода часто символизирует зло, но здесь вода — источник жизни. Я не знаю ни одной другой картины, на которой присутствовали бы подобные сцены; понятно, что они просто не могут не тронуть сердце биолога. Кульминация всего — существо с утиным клювом, спокойно читающее книгу; эта сцена позволяет предположить, что плод познания на самом деле был доступен и в райской грязи.

Босх изобразил самозарождение странных и уродливых существ, появляющихся из мутной лужи на этом (слегка видоизмененном) фрагменте «Сада земных наслаждений». Мало того, тут присутствует два эпизода хищничества. Неужели художник, размещая такую вполне эволюционную сцену прямо под ногами Адама и Евы, пытался на что-то спровоцировать зрителя?

Разместив зарождающиеся виды рядом с Адамом и Евой, художник, похоже, намекал на связь между низшими формами жизни и сотворением рода человеческого. Несмотря на то, что Босха часто изображают благочестивым христианином, в его картинах неизменно присутствуют зерна скептицизма.

Низкое происхождение

Выползающие из ила животные напоминают о нашем низком происхождении. Все всегда начинается с простого. Это

относится не только к нашим телам — с руками, развившимися из передних плавников, и легкими из плавательного пузыря, — но равно к нашему сознанию и поведению. Вера в то, что мораль почему-то имеет другое, не столь низкое происхождение, внедряется в нас с детства религией и подхватывается философией. Однако эта вера противоречит всему тому, что сообщает современная наука о первичности интуиции и эмоций в поведении человека. Противоречит она и тому, что мы знаем о других животных. Кое-кто считает, что животные — это животные, а представители нашего собственного вида следуют идеалам; на самом деле ошибочность этого утверждения легко доказывается, и не потому, что у нас нет идеалов, а потому, что у представителей других видов они тоже есть.

Почему паук чинит свою паутину? Дело в том, что у него «в голове» присутствует схема идеальной паутины, и как только структура его паутины отклоняется от идеала, он начинает трудиться изо всех сил, чтобы как можно быстрее привести ее в первоначальный вид. Как медведица обеспечивает безопасность своего отпрыска? Всякий, кто окажется между дикой свиньей и ее поросятами, быстро обнаружит, что в ее сознании тоже имеется образ идеальной конфигурации, и мамаша не любит, когда кто-то его нарушает. В животном мире полно процессов восстановления и коррекции, начиная от потревоженных бобровых плотин и муравейников и заканчивая защитой территории и поддержанием статуса. Отказываясь подчиняться иерархии, низкоранговая обезьяна нарушает принятый порядок, и тогда преисподняя обрушивается на нее. Всякая коррекция по определению нормативна: она отражает то, как животные чувствуют должный порядок вещей. Млекопитающие с развитым социальным инстинктом (а они тоже

следуют нормам), наиболее чувствительные к морали, стремятся к гармоничным отношениям. Они всеми силами стараются избегать конфликтов, если это возможно. Взгляд на природу как на сражение гладиаторов просто ошибочен. В одном из полевых экспериментов два взрослых самца бабуина отказались даже прикасаться к ореху, упавшему между ними, хотя оба они его видели. Швейцарский приматолог Ганс Каммер, всю жизнь проработавший с гамадрилами, обезьянами рода павианов, описывает, как два самца — владельцы гаремов попросту *разбежались*, встретившись на одном плодовом дереве и поняв, что пищи на нем не хватит обоим семьям. Самки и детеныши последовали за вожаками, а плоды остались на дереве. Одного взгляда на громадные острые клыки гамадрилов достаточно, чтобы понять: нет такого, за что им стоит всерьез драться. Самцы шимпанзе сталкиваются с той же дилеммой. В окно своего кабинета мне нередко приходится видеть, как несколько самцов отирается вокруг готовой к спариванию самки. Вместо того чтобы ссориться из-за нее, самцы всеми силами стараются сохранить мир. Искоса поглядывая на самку, они занимаются грумингом друг с другом. И только когда все участники этой сцены совершенно успокоятся, кто-то из самцов попробует спариться с вожделенным объектом.

Если избежать схватки все же не удастся, то приматы реагируют на нее так же, как паук на порванную паутину: переключаются в режим коррекции. Значимость социальных отношений подталкивает их к примирению. Исследования самых разных биологических видов показывают, что чем ближе особи друг к другу и чем чаще они общаются, тем с большей вероятностью они помиряются после драки. Их поведение говорит о том, что приматы осознают ценность дружбы и семейных уз, и это нередко заставляет их преодолевать страх или подавлять

агрессию. Если бы не необходимость помириться, обезьянам не было бы никакого смысла целовать и обнимать бывших противников, разумнее было бы держаться от них подальше.

Все сказанное возвращает нас к теории происхождения морали «снизу вверх». Нравственный закон не насаждается сверху и не выводится из разумных логических принципов; скорее можно сказать, что он вырастает из прочно укоренившихся ценностей, зародившихся еще в начале времен. Самый фундаментальный из них — эволюционное преимущество жизни в группе. Желание принадлежать к общности, быть вместе, любить и быть любимым заставляет нас делать все возможное, лишь бы сохранить хорошие отношения с теми, от кого мы зависим. Другие общественные приматы разделяют с нами эти ценности и пользуются тем же фильтром, отделяющим действие от эмоций и позволяющим достичь взаимоприемлемого *modus vivendi*. Мы видим этот фильтр в действии, когда самцы шимпанзе прекращают ссору из-за самки или самцы бабуина делают вид, что не заметили ореха. Все сводится в конечном итоге к сдерживанию эмоций.

У Тары, самой молодой самки в нашей колонии шимпанзе, есть неприятная привычка, которая буквально выводит из себя дам постарше. Иногда она, найдя в вольере или выкопав из брошенной норы дохлую крысу, начинает таскать ее всюду за хвост, держа аккуратно в стороне от себя, а потом кладет на голову или на спину спящей товарке. Почувствовав (или унюхав) дохлую крысу, жертва вскакивает с громким воплем и начинает бешено отряхиваться, стремясь как можно быстрее избавиться от гадкой штуковины. Иногда она даже натирает соответствующее место на теле пучком травы, чтобы наверняка избавиться от запаха. Тара же быстро подбирает свою крысу и отправляется искать новую жертву. Самое заме-

чательное в этой истории — полное отсутствие наказания. Ее жертвы безумно сердятся, а сама она находится в самом низу групповой иерархии, но никаких последствий ее действия не имеют. Она пользуется тем, что взрослые приматы невероятно терпеливы по отношению к молодняку.

«Переговоры» посредством груминга между тремя взрослыми самцами шимпанзе возле сексуально привлекательной самки (на переднем плане). Шансы подчиненных самцов на свободное спаривание с самкой увеличиваются после того, как они поухаживают за высокоранговыми самцами

Эмоциональный контроль очень полезен в критических ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, которую описал мне Аллан Шмидт, ведущий смотритель зоопарка Таронга в Сиднее. У них в зоопарке одна из лучших в мире площадок для шимпанзе. Но однажды двухлетняя Сембе запуталась там в веревочной петле. Естественно, Сембе пришла в возбуждение, и на вопли самочки вскоре на помощь примчалась ее мать Шиба. Шиба сумела выпутать Сембе из петли, после чего увела дочь вниз, на землю, обнимать и утешать. Когда Сембе успокоилась, Шиба взобралась обратно и перекусила злосчастную петлю, уменьшив таким образом опасность на будущее. А те-

перь представьте, чего ей стоило освободить малышку из смертельной петли. Ведь первый порыв, несомненно, подсказывает матери потянуть веревку или детеныша, что, естественно, лишь осложнило бы ситуацию. Вместо этого мать аккуратно помогла малышке высвободиться, растянув петлю; она явно понимала исходящую от веревки опасность. О том же говорят и меры безопасности, предпринятые ею позже.

Мы — млекопитающие, то есть животные, отмеченные чувствительностью к эмоциям друг друга. Я описываю здесь в основном ситуации из жизни приматов, но большая часть сказанного относится и к другим млекопитающим. Взять хотя бы работу американского зоолога Марка Бекоффа, анализировавшего видеозаписи игр собак, волков и койотов. Он пришел к выводу, что игра у псовых всегда проходит по правилам, повышает взаимное доверие, требует внимания к остальным участникам и учит молодняк правильно себя вести. Так, стереотипная «игровая поза» (животное глубоко опускается на передние лапы, одновременно высоко поднимая зад) помогает отделить игру от секса или конфликта; то и другое может все испортить. Но игра резко прекращается, как только один из партнеров поведет себя неправильно или случайно причинит другому травму. Провинившийся «просит прощения», вновь принимая позу игрока и предлагая второму «простить» за нарушение и продолжить развлечение. Еще более интересной делает игру смена ролей, когда доминантный член стаи перекачивается перед щенком на спину и подставляет живот, принимая позу подчинения. Так он позволяет малышу «победить» себя, то есть сделать то, чего никогда не позволил бы сделать в реальной жизни. Бекофф тоже видит здесь связь с моралью:

«В ходе социальной игры, когда особи развлекаются в относительно безопасной обстановке, они познают базовые правила, приемлемые для других, — насколько сильно можно кусаться, насколько грубо бороться, как разрешать конфликты. Того, кто играет честно и предполагает такое же поведение других, ждет награда. Есть даже кодексы социального поведения, которые четко регулируют, что можно, а чего нельзя, и существование этих кодексов, вероятно, имеет непосредственное отношение к эволюции морали».

Для Бекоффа честная игра — это то, как должен вести себя пес, чтобы быть хорошим партнером. Большой пес, играющий в догонялки с маленьким, должен притворяться, замедляя бег, и все собаки без исключения могут наносить лишь легкие укусы. Эти правила имеют отношение к тому, что я назвал межличностной моралью. Но есть и другой момент, когда в игре требуется честность: речь идет о разделе ресурсов. Хотя существует множество правил, которые должны действовать при справедливом разделе, но базовые эмоции здесь опять же гораздо глубже, чем обычно считается. В конце концов, даже маленькие дети устраивают истерику с криком «Так нечестно!», если кусочек пиццы в их тарелке оказывается меньше, чем в соседней. Они демонстрируют справедливость первого порядка, то есть обиду в том случае, когда получаешь меньше других. Если бы этой обиды не было, никого бы не волновало, наверное, как что делится.

Эгалитаризм охотников-собирателей позволяет предположить, что наше внимание к процессу распределения ресурсов имеет долгую эволюционную историю. Зверобоям не разрешается даже разделять собственную добычу, чтобы

они не могли приберечь кусок побольше для семьи и друзей. Антропологи, играя в «Ультиматум» в самых разных частях света, выяснили, что все люди без исключения ценят равенство. Сама игра представляет собой процесс разделения некой суммы денег между двумя игроками. Деньги достаются игрокам лишь в том случае, если оба они согласны с тем, как они делятся. В целом наш биологический вид предпочитает делить поровну, вероятно потому, что предлагающая раздел сторона понимает, что неравный вариант, скорее всего, не будет принят. Сканирование мозга игроков, услышавших предложение разделить деньги не поровну, показывает негативные эмоции, такие как гнев и презрение.

Логика человека, играющего в «Ультиматум», достаточно сложна. Здесь мы не только демонстрируем справедливость первого порядка (протест против получения меньшей доли), но и предугадываем такую же реакцию у других и пытаемся предотвратить ее. Для этого мы активно предлагаем равенство и поднимаемся к справедливости второго порядка, которая представляет собой предпочтение справедливых решений в целом. На принципиальную роль стремления любой ценой избежать конфликта намекал еще Томас Гоббс: «Считается, что для человека естественно искать добра для себя, а справедливости он ищет только ради мира, и то случайно». В этом я согласен с философом, хотя никогда бы не использовал в этом контексте слово «случайно». Столь явно выраженная и универсальная человеческая черта не может быть случайной.

Насколько почтенный возраст имеет такая особенность, стало понятно из наших исследований, когда мне и Саре Броснан удалось обнаружить ее у обезьян капуцинов. Наш эксперимент приобрел большую популярность. Суть его состояла в том, что за выполнение аналогичного задания одна обезьяна

получала ломтики огурца, а другая — виноградины. Обезьяны легко выполняли задание, пока вознаграждение за него было одинаковым, причем любым, но отказывались от неравного вознаграждения с таким упорством, что сомнений в их чувствах не оставалось. Я часто показываю на лекциях реакцию обезьян в этом эксперименте, и слушатели, как правило, чуть со стульев не падают от смеха. Полагаю, что их поражает узнавание в таких сценах самих себя. До этого момента они не понимали, как точно их эмоции соответствуют эмоциям обезьян. Обезьяна, получившая огурец впервые, удовлетворенно его схрумкивает, но уже на второй раз устраивает скандал, если видит, что ее товарка получает виноград. После этого она неизменно выбрасывает свой жалкий огурец и начинает трясти клетку в таком возбуждении, что та едва не разваливается. Мотивация, лежащая в основе действий обезьяны, не слишком отличается от мотивации любых уличных протестов против безработицы или низкой заработной платы. Суть движения «Occupy Wall Street» тоже состоит в том, что некоторые люди едят виноград от пуза, а остальные, кроме огурцов, ничего не видят.

Отказ от вполне качественной пищи только потому, что кто-то другой получает что-то более вкусное, напоминает и поведение человека при игре в «Ультиматум». Экономисты называют такую реакцию иррациональной — ведь что-то всегда лучше, чем ничего. Ни одна обезьяна, говорят они, не должна, по идее, отказываться от пищи, которую в других обстоятельствах с удовольствием съела бы; точно так же ни один человек не должен отказываться от предложенных денег, хотя бы и небольших. Деньги есть деньги. Но если такая реакция иррациональна, то эта иррациональность выходит за границы одного биологического вида. Живая demonstra-

ция ее на обезьянах помогает понять, что человеческое чувство справедливости вовсе не является продуктом пресловутой рациональности, а коренится в базовых эмоциях.

Правда, следует добавить, что наши эксперименты на обезьянах не показали наличия у них справедливости второго порядка. Мы ни разу не видели, чтобы получивший виноград поделился своим вознаграждением с тем, кому достаются огурцы. Однако это не означает, что развитое чувство справедливости характерно только для человека. Не стоит забывать о наших ближайших родственниках, человекообразных обезьянах. Во-первых, высшие приматы нередко разрешают конфликты из-за еды, которая им не принадлежит. Однажды я видел, как молодая самка пресекла ссору между двумя подростками из-за ветки с листьями. Она отобрала у них ветку, разломила пополам и вручила каждому его часть. Хотела ли она просто прекратить драку или понимала что-то в том, как следует делить? Высокоранговые самцы тоже нередко пресекают драки — и не прикасаются при этом к пище, из-за которой вспыхнула ссора. Любопытны также наблюдения за Панбанишей, самкой бонобо, которую беспокоило собственное привилегированное положение. В лаборатории во время испытаний Панбаниша получала вдоволь молока и изюма, но чувствовала на себе завистливые взгляды подруг и родных. Через некоторое время она отказалась от всякого вознаграждения. Глядя на экспериментатора, она упорно показывала на остальных, пока тем тоже не дали вкусненького, и только после этого вновь начала есть. Человекообразные обезьяны умеют думать о будущем, и если бы Панбаниша на виду у всех наелась бы до отвала, то позже, по возвращении к остальным, у нее могли возникнуть неприятности.

Однако наиболее убедительные свидетельства существования справедливости второго порядка получены Сарой в ходе

экспериментов с шимпанзе. После того как мы провели с ней все дополнительные тесты, которые затребовали критики и которые должны были окончательно доказать, что обезьян и правда тревожит неравенство, Сара начала новый крупномасштабный проект по изучению шимпанзе. Мы обнаружили, что чувствительность к справедливости возникает только в связи с какими-то усилиями. Если просто кормить приматов по-разному, никакой негативной реакции с их стороны не будет. Для этого нужно, чтобы пища была вознаграждением за сделанную работу. Помня об этом, Сара решила поощрять шимпанзе за выполнение простого задания виноградом и кусочками моркови; здесь тоже виноград ценился выше. Как и ожидалось, получатели морковки отказывались выполнять задания или выбрасывали свою пищу, если видели, что партнер получает виноград. До этого момента результаты по шимпанзе полностью совпадали с результатами по низшим приматам. Но никто не ожидал, что получатели винограда тоже будут расстроены. Сара написала в отчете: «Мы неожиданно обнаружили, что шимпанзе чаще отказываются от высоко ценимого приматами винограда, когда другим шимпанзе достается малоценная морковка, чем когда те тоже получают виноград».

Таким образом, честность и справедливость следует рассматривать как весьма древние свойства, которые берут начало в необходимости сохранять мир и гармонию перед лицом конкуренции за ресурсы. Причем оба уровня представлений о справедливости разделяют с нами высшие приматы, а один первый уровень — также низшие обезьяны и собаки. Фредерике Ранге из Университета Вены выяснила, что собаки отказываются подавать лапу человеку, чтобы «поздороваться», если ничего за это не получают, в то время как такая же собака

рядом всякий раз получает вознаграждение. Не стоит удивляться подобной реакции у собак, поскольку среди предков собаки — длинный ряд сотрудничающих друг с другом животных. Внимание к тому, что получают другие, кому-то покажется мелочностью, но в конечном итоге оно может помочь не стать жертвой обмана. Называть такую реакцию иррациональной попросту неверно. Если мы с вами часто охотимся вместе и вы всегда берете себе лучшие куски, мне скоро потребуется новый партнер по охоте. Вероятно, не случайно все три вида животных, которые в наших экспериментах отрицательно реагировали на неравенство, — шимпанзе, капуцины и псовые, — любят мясо и охотятся группами. Всеобщий интерес к распределению добычи помогает согласовать вознаграждение с затраченными усилиями, что принципиально важно при долговременном сотрудничестве.

Это подводит меня к разговору о следующем уровне морали, на котором человек совершенно одинок; доступ сюда закрыт даже высшим приматам. Нас очень волнует групповой уровень; мы разрабатываем представления о добре и зле не только для себя и своих ближайших родственников, но для всех вокруг. Не то чтобы этот уровень полностью отсутствовал у высших приматов — я уже описывал его как «общественный интерес», — но для него требуется достаточно серьезный уровень абстракции, а также предвидение того, что может произойти, если допустить среди членов группы поведение, которое непосредственно нас вообще не касается. У людей соответствующие возможности есть. Ценности, о которых здесь идет речь, тоже не особенно сложны, потому что в функционировании общества, очевидно, заинтересованы все его члены, но найти параллели с другими животными уже достаточно сложно. Мы стремимся завоевать репутацию

честностью и надежностью и не одобряем обманщиков и эгоистов вплоть до остракизма. Наша цель — поддерживать порядок, так чтобы каждый ставил общественные интересы выше личных. Мораль помогает шире распространять преимущества групповой жизни и сдерживать эксплуатацию со стороны могущественной элиты. В этом я следую традиционным в биологии взглядам на мораль как на групповой феномен, восходящим еще к Дарвину. Кристофер Бём сформулировал это так:

«Наши моральные кодексы полностью применимы только внутри группы — будь то языковая группа, неграмотное население, владеющее общей землей или отличающееся общей этнической идентичностью, или нация. Похоже, существует особая уничижительная моральная “скидка” для культурных чужаков, которые зачастую и людьми-то в полной мере не считаются...»

Несмотря на то, что мораль, несомненно, возникла для внутригруппового употребления и не оглядывалась на человечество в целом, это вовсе не означает, что так и должно быть. Сегодня мы отчаянно стараемся вырваться за пределы моральной ограниченности и применить то, что успели узнать о достойной человеческой жизни, ко всему обширному миру, включая не только чужаков, но даже врагов. Представление о том, что враг тоже имеет какие-то права, возникло совсем недавно: Женевская конвенция о правах военнопленных датируется всего лишь 1929 г. Чем шире мы распространяем в мире наши представления о морали, тем больше нам приходится полагаться на интеллект, потому что, несмотря на всю мою уверенность в том, что мораль коренится в эмоциях, биология не слишком хорошо подготовила нас к правам и обя-

занностям в масштабе современного мира. Мы развивались как групповые животные, а не как граждане мира. Тем не менее очень скоро нам придется задуматься о таких вещах, как универсальные права человека, и нет никаких оснований воспринимать природную этику, о которой говорится в этой книге, как пожизненное тюремное заключение. Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию, и только; мы, люди, давно научились строить новые здания на старых фундаментах.

Бонобо и атеист

Что мог бы сказать бонобо атеисту? Мне приходилось встречаться со знаменитым бонобо Канзи, лучше всех представителей своего вида овладевшим человеческой речью. Он жил в Атланте вместе со своей младшей сестрой Панбанишей. Канзи, самый умный бонобо из всех, с кем мне доводилось иметь дело, поразительно хорошо понимает устную английскую речь, но его высказывания (составленные при помощи компьютерной символьной панели) все же не дотягивают по уровню до академических дебатов. Но попробуем представить.

Первым делом бонобо, вероятно, предложил бы атеисту прекратить «спать яростно». Нет никакого смысла горячиться по поводу отсутствия чего-то, к тому же такого неопределенного и открытого для интерпретаций, как Господь Бог. Правда, если открытый атеизм накладывает на человека клеймо, как это, к несчастью, происходит в США, его разочарование можно понять. Ненависть рождает ненависть, вот почему некоторые атеисты резко высказываются против религии и говорят, что с ее исчезновением жить станет намного легче.

Дело даже не в том, что религия слишком глубоко встроена в нас и уничтожить ее невозможно, а все исторические попытки сделать это силой не принесли ничего, кроме страданий. Не исключено, что этого можно добиться медленным и постепенным воздействием, но и тогда мы должны знать и ценить наше религиозное наследие — по крайней мере до некоторой степени, — даже если считаем его устаревшим. Может быть, религия подобна кораблю, который перенес нас через океан и позволил организовать громадные сообщества с хорошо функционирующей моралью. Теперь, когда берег уже близок, некоторые из нас готовы его покинуть. Но кто сказал, что земля и вправду так надежна, как выглядит?

Я целиком и полностью за снижение роли религии. Нужно меньше внимания уделять всемогущему Богу и больше — человеческому потенциалу. Разумеется, в этом нет ничего нового: обычная гуманистическая позиция. Сегодня гуманизм часто считают антирелигиозным направлением мысли, но начинался он совсем не так. Ранний гуманизм действительно критиковал церковную теологию, которую считал оторванной от практической жизни, но в целом он был вполне совместим с христианскими ценностями. Хотя здесь, пожалуй, следует проявить осторожность, ведь любые ценности назвать «религиозными» можно лишь условно. Мне кажется, что скорее универсальные человеческие ценности были в свое время усвоены различными религиями, причем каждая снабдила их собственными текстами и объявила своими. Только в XVIII в. гуманизм развился в альтернативу религии и привлек внимание масс; он предложил этическую жизненную позицию, основанную на разуме, а не на представлениях о сверхъестественном. Однако факт остается фактом: гуманизм не отделен от религии и тем более не противостоит ей. Терпимость к религии, даже

если сама религия не всегда отвечает взаимностью, позволяет гуманизму сосредоточиться на самом главном — построении лучшего общества, основанного на природных способностях человека. Результат — эксперимент Запада по растущей секуляризации общества. Движение это, как движение тектонических плит, происходит невероятно медленно. Человечество не может и не должно изменяться мгновенно, да и религия — вовсе не чуждая внешняя сила. Это наше собственное создание, часть нас самих, неразрывно связанная с соответствующей культурой. Нам следовало бы научиться жить с ней и учиться у нее, даже если конечная наша цель — вступить на новый путь и изменить направление развития.

Бонобо, скорее всего, призвал бы атеиста настроиться на долгое сосуществование. Хорошо, конечно, что религия не является неотъемлемой составной частью морального общества, поскольку нравственность основана на внутренних качествах человека. Гуманизм, хотя и ставит разум во главу угла, тем не менее считает наш биологический вид созданием не только интеллекта, но и страстей. И здесь бонобо легко поймет человека. Наши эмоции — это эмоции социальных животных, причем не любых животных, а конкретно млекопитающих. Предыдущие попытки объяснить человеческое поведение с позиции биологии страдали тем, что слишком большое внимание уделялось генам, а сравнения слишком часто проводились с социальными насекомыми. Не поймите меня превратно, муравьи и пчелы прекрасно сотрудничают, а исследование их поведения очень помогло нам в понимании природы альтруизма. Тот факт, что одна и та же логика применима к таким разным видам, — настоящий триумф эволюционной теории. Однако у насекомых нет тех нейронных связей, которые у млекопитающих обеспечивают существование эмпатии

и социальной помощи. И даже если поведение насекомых на первый взгляд напоминает наше, это не означает, что в основе его лежат те же процессы. Нельзя сравнивать шахматную игру компьютеров и гроссмейстеров: ходы, может быть, те же, но логика совершенно иная.

Бонобо, кстати, радостно указывает на то, что он тоже не насекомое. Сравнение с родичами-приматами помогает нам уберечься от всякого рода редуccionистских попыток примитивизации человека, согласно которым все мы — рабы инстинктов. Те, кто так думает, спешат всякий раз заявить «Ошибка!», когда выясняется, что люди не всегда идут курсом эволюционной партии. Им проще обвинить во всем нас, чем пересмотреть свои теории. Суть же заключается в том, что между геном и поведением находится множество дополнительных слоев, от кодирования белков (этим занимаются гены) до нейронных процессов и психологии. Нами движут врожденные ценности и эмоции, которые скорее направляют, чем диктуют поведение. Они подталкивают нас в определенном направлении, но оставляют значительную свободу действий. В результате мы способны заботиться о тех, кто не в состоянии ответить нам тем же, усыновлять чужих детей, сотрудничать с посторонними людьми и сочувствовать представителям других биологических видов. И мы не одни такие; недавний пример — случай, когда горбатые киты помогли самке серого кита защитить детеныша от нападения косаток — китов-убийц*. Все млекопитающие чувствуют горе других, в результате чего уровень альтруизма у них значительно выше, чем предсказывают геноцентрические теории.

---

* На самом деле косатки — водные млекопитающие семейства дельфиновых, хищники.

Вот почему бонобо никогда не согласится с тем, кто попытается противопоставить эволюцию морали, как это сделал, к примеру, известный американский нейрохирург Бенджамин Карсон, который заявил: «В конечном итоге, если вы принимаете эволюционную теорию, вы отвергаете этику, вы не должны больше следовать моральным правилам, вы сами определяете для себя, что такое совесть, опираясь лишь на собственные желания». Возражение против подобной позиции состоит в том, что, если у человека в любом обществе имеются развитые представления о том, что хорошо и что плохо, это, вне всяких сомнений, означает, что его глубочайшее желание — жить в моральном мире. Карсон уверен, что мораль противоречит природе человека и что все наши желания по определению дурны, тогда как весь смысл этой книги состоит в доказательстве обратного. Слава Богу (если атеисту позволено будет так сказать), что у нас с остальными приматами общее начало; мы групповые животные, а потому ценим социальные связи. Если бы этой базы не было, религия могла бы до посинения учить нас добру и отвергать зло — и никто бы ее не понимал. Мы восприимчивы только потому, что развили у себя понимание ценности отношений, преимуществ сотрудничества, необходимости доверия и честности и т. п. Даже наше чувство справедливости берет начало из этого общего прошлого.

Здесь бонобо согласился бы с атеистом и заявил, что, какую бы роль ни играла религия в поддержании нравственности, это роль новичка и выскочки. Мораль возникла раньше, а современная религия пришла уже «на готовенькое». Крупные религии были изобретены не для того, чтобы дать нам нравственный закон, но для того, чтобы поддерживать и укреплять мораль. Мы только сейчас начинаем разбираться, как именно религия этого добивается, объединяя людей и за-

ставляя их вести себя правильно. Я ни в коем случае не собираюсь приуменьшать роль религии. В прошлом она играла жизненно важную роль, и в обозримом будущем тоже, вероятно, будет необходима — но источником морали она не является.

Наконец, бонобо смеется над интеллектуальными мучениями тех, кто пытается разделить «так есть» от «так должно быть»; эти попытки на корню губят всякое обсуждение морального развития. В философских кругах считается общепризнанным, что человек не может отказаться от человеческого или животного в себе и стать идеально нравственным. Первое — это то, как дела обстоят в действительности, говорят философы, второе — лишь директива. Серьезная проблема, и простого решения у нее нет, но в любом случае для начала полезно разобраться в собственных корнях. Если считать, что животные — всего лишь «звери», не умеющие сдерживать естественные порывы, данные им природой, то окажешься на неверном пути. Как и мы, животные предпочитают вполне предсказуемые последствия и отвечают страхом или жестокостью на всякое отклонение от нормы. Кто сказал, что бонобо может делать все что захочет? Даже в отношении секса, где у него намного меньше сдерживающих факторов, чем у нас, ему все же нужна самка, которая согласилась бы на соитие с ним; желательно также, чтобы поблизости не было доминантных самцов. Окружающие ждут от него вполне определенного поведения и не замедлят напомнить об этом, если он, к примеру, напугает малыша или утащит еду у какой-нибудь самки. Пусть бонобо ничего не знает о добре и зле, которое выходит за пределы его индивидуальных обстоятельств, его система ценностей не слишком отличается от той, что лежит в основе нашей, человеческой морали. Он тоже стремится приспособиться, подчиняется социальным нормам, сочувствует другим,

налаживает испорченные отношения, протестует против несправедливости. Может быть, мы не назовем это моралью, но должны признать: его поведение так же, как и наше, не свободно от норм.

Таким наблюдением наш бонобо завершает беседу с атеистом, в котором видит скорее оппонента, чем защитника. Основная задача — двигаться вперед, оставляя позади и религию, и, главное, насаждаемую сверху мораль. Наши самые известные «моральные законы» прекрасно суммируют задним числом все то, что мы считаем нравственным, но ограничены по охвату и полны пробелов. На самом деле мораль имеет куда более низкое происхождение, которое несложно распознать в поведении других животных. Все, что узнала наука за последние несколько десятилетий, противоречит пессимистической точке зрения; мораль — вовсе не тонкий слой лака на поверхности отвратительной человеческой природы. Напротив, без прочного эволюционного фундамента мы никогда не сумели бы продвинуться так далеко, от незнатных по своему происхождению, обезьяноподобных предков до современного человека.

БЛАГОДАРНОСТИ

Может показаться, что переход от поведения приматов непосредственно к религии и гуманизму — некоторая натяжка, но в таком подходе есть своя логика. Мой интерес к этим вопросам начался с исследований, посвященных сотрудничеству и разрешению конфликтов среди приматов; результаты этих исследований заставили меня задуматься об эволюции эмпатии и в конечном итоге о человеческой морали. В моей первой книге на эту тему — «Добродушные» (Good Natured, 1996) религия почти не упоминалась; однако нельзя забывать, что для многих мораль и религия неразделимы, хотя есть и такие, кто оспаривает всякую связь между ними. Я почувствовал, что пора добавить к обсуждению темы религиозный и нерелигиозный взгляды на жизнь — оба они важны для ответа на вопрос о том, почему представители нашего биологического вида с такой готовностью разделяют всякое поведение на плохое и хорошее.

В книге также присутствует Иероним Босх, который для меня лично всегда составлял неотъемлемую часть жизненного фона. Я назвал одного из Арнемских шимпанзе Иеруеном, в честь Босха, настоящее имя которого по-голландски

звучит именно так. Зная мой интерес к этому художнику, студенты, работавшие со мной в 1970-е гг., после защиты докторской диссертации подарили мне прекрасно иллюстрированную книгу о Босхе. Немецкая журналистка и художница Марианна Эртль указала на связь между Босхом и моими взглядами на человеческую природу, тем самым заставив еще больше увлечься творчеством художника. Она видела в Босхе одного из ранних гуманистов, и именно таким я изобразил его в этой книге.

В 2009 г. американский антрополог Сара Хрди и я были удостоены звания почетных докторов Университета гуманитарных исследований в Утрехте, и это стало дополнительным стимулом моего участия в дискуссии с философом Гарри Канеманом и другими с гуманистической позицией. Но, разумеется, главным источником моих взглядов на мораль всегда было научное исследование просоциальной стороны поведения животных. За несколько десятилетий работы, результаты которых вошли в книгу, у меня было слишком много соавторов, студентов и спонсоров, чтобы всех их можно было перечислить поименно. Позвольте мне поблагодарить только самых недавних соавторов и помощников, которые участвовали в проведении исследований и поделились со мной в числе прочего историями из реальной жизни, очень оживившими рассказ: это Кристин Бонни, Сара Броснан, Сара Калькутт, Мэтью Кемпбелл, Девин Картер, Занна Клэй, Мариетта Диндо, Тим Эппли, Пьер Франческо Феррари, Кейти Холл, Виктория Хорнер, Кристи Леймгрубер, Тара Маккенни, Тереза Ромеро, Малини Сучак, Джошуа Плотник, Дженнифер Покорни, Эми Поллик, Дарби Проктор, Дайана Рейсс, Тейлор Рубин, Энди Уайтен и Юко Хаттори. Я благодарен Центру по изучению приматов имени Йеркса при Университете Эмори за возмож-

ность проводить исследования. Я чувствую также глубокую признательность к многочисленным обезьянам и высшим приматам, которые принимали участие в экспериментах и наблюдениях и стали частью моей жизни.

На протяжении многих лет мне приходилось встречаться с немалым количеством философов, и это общение помогло мне понять, как их наука относится к морали. Если философы размышляют о морали уже несколько тысяч лет, то биологи лишь начинают искать подходы к этой проблеме. Я благодарю их всех, а также других экспертов и друзей за советы и комментарии по поводу разных глав рукописи. Среди них Натан Бапп, Изабель Бенке, Патриция Чёрчленд, Беттина Котран, Питер Деркс, Урсула Гудинаф, Орин Харман, Сара Хрди, Филип Китчер, Гарри Каннеман, Роберт Макколи, Ара Норензаян, Джаред Ротштейн и Кристофер Райан. Томас Вренс из Центра искусств имени Иеронима Босха в Ден Босе проверил фактический материал в части книги, посвященной художнику, хотя все интерпретации картин остаются на моей совести.

Я благодарю своего литературного агента Мишель Тесслер за постоянную поддержку, а редактора в издательстве Norton Ангелу фон дер Липпе — за вдумчивое чтение рукописи. Как всегда, однако, главным комментатором и критиком была моя жена Катерина, которая всегда с готовностью читает написанное мной за день и, честно высказывая свое мнение, помогает улучшить текст. Но главное, она всячески балует меня; благодаря ей я счастлив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Или Хертогенбосе, как его еще называют, известен с XII в. какобластной центр на юге Нидерландов. Во времена Босха (ок. 1450–1516) Хертогенбос был вторым по величине (после Утрехта) городом страны.
2. Аргументируя свое мнение о том, что ученым следует обратить внимание на шимпанзе, а не на бонобо, Мелвин Коннер писал: «Так или иначе, шимпанзе устроены гораздо надежнее, нежели бонобо, которые в настоящий момент близки к вымиранию».
3. Гоминины — новое наименование группы человека и его двуногих предков, группа, выделенная из более обширной группы гоминид.
4. Эрнст Майр (1997, с. 250) писал: «Гексли верил в конечное целеполагание, он отвергал естественный отбор и никоим образом не представлял подлинную мысль Дарвина... Учитывая степень путаницы, царившую в мозгах Гексли, очень жаль, что на его эссе [по этике] даже сегодня ссылаются как на авторитетный источник».
5. Защищая свою оценку, Джордж Уильямс (1988, с. 180) писал: «Я бы согласился, пожалуй, с тем, что нравственное безразличие достаточно точно характеризует физическую вселенную. Для биологического мира необходим более сильный термин».
6. В интервью Франса Руза (1997, с. 3) цитируются слова Ричарда Докинза: «Что я говорю, вместе со многими другими авторами, включая и Томаса Гексли, так это то, что в политической

и общественной жизни мы имеем право вышвырнуть дарвинизм прочь, имеем право заявить во всеуслышание, что мы не хотим жить в дарвиновском мире».

7. Роберт Бойд и Питер Ричерсон называют это «гипотезой большой ошибки».
8. Марк Аврелий: «Никого не утомит предложенная помощь, а действия, согласные с природой, такие как помощь другим, суть сами по себе вознаграждение. Так как же можно утомиться, помогая другим, если помогаешь тем самым самому себе?»
9. Обычный парафраз замечания Авраама Линкольна, сделанного им после того, как в разговоре он одобрительно отозвался о южанах. Одна женщина заявила, что врагов следует уничтожать, а не записывать в друзья, на что Линкольн ответил: «Что вы, мадам, разве я не уничтожаю своих врагов, делая их друзьями?»
10. Роберт Ардри (1961) писал: «Мы произошли от поднявшихся обезьян, а не от падших ангелов, к тому же обезьяны эти были вооруженными убийцами».
11. Роберт Йеркс (1925, с. 246) писал: «Если бы я рассказал о его [бонобо] альтруистическом и очевидно приятном поведении по отношению к Панзи [большому шимпанзе], меня наверняка заподозрили бы в идеализации обезьяны».
12. Термин «новые атеисты», или «неоатеисты», как я их называю, применяется в основном к четырем самым известным критикам религии и их последователям. Это Сэм Харрис, Дэн Деннетт, Ричард Докинз и Кристофер Хитченс.
13. Питер Брейгель-старший родился в 1525 г. в той же области, что и Босх, и испытал на себе его сильное влияние. Он, однако, меньше морализировал и больше интересовался повседневной жизнью. Жил и работал в основном в Антверпене и Брюсселе.
14. Прежде чем стать атеистом, Кристофер Хитченс гордился тем, что сам он принадлежал к англиканской церкви, получил образование у методистов, женился на православной, интересовался учением Саи Бабы, а брак его был заключен раввином.

15. Отмечая уверенность неоатеистов в том, «что мир стал бы лучше, если бы удалось приблизить исчезновение религии», Дэн Деннетт (2006) добавляет: «Я все еще сомневаюсь в этом. Я не знаю, что можно было бы поставить на место религии — или что возникнет на этом месте само, — поэтому я по-прежнему готов прорабатывать возможности реформирования религии».
16. В одном из опросов Института Гэллапа в США в мае 2001 г. 30% респондентов ответили, что Библия — реальное слово Божие, 49% — что это боговдохновенный текст, и 17% — что это сборник притч и легенд.
17. В 2009 г. Исследовательский центр Пью задал американцам вопрос: согласны ли они с тем, что «эволюция наилучшим образом объясняет происхождение человека». Больше всего согласившихся с этим утверждением оказалось среди буддистов (81%) и индуистов (80%), средние показатели — среди католиков (58%) и традиционных протестантов (51%), а меньше всего — среди протестантов-евангелистов (24%) и мормонов (22%).
18. В письме от 25 октября 1929 г. Эйнштейн писал: «Мы, последователи Спинозы, видим нашего Бога в чудесном порядке и законосообразности, которым подчиняется все сущее, и в его душе, которая проявляется в человеке и в животном. Другой вопрос, стоит ли оспаривать веру в персонализированного Бога... Лично я никогда не стал бы этим заниматься. Ибо такая вера кажется мне предпочтительнее любого трансцендентального взгляда на жизнь, и я не уверен, что большинству человечества можно дать лучшие средства для удовлетворения их метафизических потребностей».
19. Кит Дженсен и др. (2006, с. 1013): «Шимпанзе делают выбор, основываясь исключительно на соображениях собственной выгоды и не обращая внимания на то, как это отразится на других».
20. Джоан Силк и др. (2005, с. 1359): «Отсутствие у шимпанзе мотиваций к уважению интересов других может указывать

ПРИМЕЧАНИЯ

на то, что подобные предпочтения присущи исключительно человеческому виду и связаны с другими утонченными способностями».

21. Крис Коу и Леонард Розенблюм (1984) описывают эксперимент, в котором низкоранговые самцы «вели себя так, что по их поведению было видно: они чувствуют и признают нарушение социального кодекса поведения».
22. Дэвид Юм (1739) отмечал, как часто авторы переходят от описания того, как обстоит дело, к утверждениям о том, как должно быть, и добавлял: «Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть выведено посредством дедукции из других, совершенно отличных от него».
23. Американский философ Марк Джонсон (1993) писал: «С точки зрения морали безответственно думать и действовать так, будто мы обладаем универсальным внешним источником абсолютных правил и процедур принятия решения, а также универсальных или категориальных законов, по которым мы можем отличить добро от зла в любой ситуации».
24. Сэм Харрис на вопрос о том, что может представлять собой мир без религии, сказал: «Ее место займет религия разума» (Гари Вулф "Церковь для неверующих", Wired, Ноябрь 2006.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aknin, L. B., J. K. Hamlin, and E. W. Dunn. 2012. Giving leads to happiness in young children. *PLoS ONE* 7:39211.
- Allman, J., A. Hakeem, and K. Watson. 2002. Two phylogenetic specializations in the human brain. *Neuroscientist* 8:335–46.
- Alvard, M. 2004. The Ultimatum Game, fairness, and cooperation among big game hunters. In *Foundations of Human Sociality: Ethnography and Experiments from Fijian Small-Scale Societies*, ed. J. Henrich et al., pp. 413–35. London: Oxford University Press.
- Anderson, J. R., A. Gillies, and L. C. Lock. 2010. Pan thanatology. *Current Biology* 20: R349–R351.
- Ardrey, R. 1961. *African Genesis: A Personal Investigation into the Animal Origins and Nature of Man*. New York: Simon & Schuster.
- Arsenio, W. F., and M. Killen. 1996. Conflict-related emotions during peer disputes. *Early Education and Development* 7:43–57.
- Bakewell, M. A., P. Shi, and J. Zhang. 2007. More genes underwent positive selection in chimpanzee evolution than in human evolution. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 104:7489–94.
- Ballou, M. M. 1872. *Treasury of 'Thought*. Boston: Osgood.
- Barber, B. 1961. Resistance by scientists to scientific discovery. *Science* 134:596–602.
- Banal, I. B.-A., J. Decety, and P. Mason. 2011. Empathy and pro-social behavior in rats. *Science* 334:1427–30.
- Bekoff, M. 2001. Social play behaviour cooperation, fairness, trust, and the evolution of morality. *Journal of Consciousness Studies* 8:81–90.

- Belting, J. 2005. Hieronymus Bosch: Garden of Earthly Delights. Munich: Prestel.
- Blanke, O., and S. Arzy. 2005. The out-of-body experience: Disturbed self-processing at the Temporo-Parietal Junction. *Neuroscientist* 11:16–24.
- Boehm, C. 2012. *Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame*. New York: Basic Books.
- Boesch, C. 2010. Patterns of chimpanzees intergroup violence. In *Human Morality and Sociality: Evolutionary and Comparative Perspectives*, ed. H. Høgh-Olesen, pp. 132–59. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Boesch, C., C. Bole, N. Eckhardt, and H. Boesch. 2010. Altruism in forest chimpanzees: The case of adoption. *PLoS ONE* 5: e8901.
- Bowles, S., and H. Gintis. 2003. The origins of human cooperation. In *The Genetic and Cultural Origins of Cooperation*, ed. P. Hammerstein, pp. 429–44. Cambridge, MA: MIT Press.
- Boyd, R., and R. J. Richerson. 2005. Solving the puzzle of human cooperation. In *Evolution and Culture*, ed. S. Levinson, pp. 105–32. Cambridge, MA: MIT Press.
- Boyer, P. 2010. *The Fracture of an Illusion: Science and the Dissolution of Religion*. Iottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Brosnan, S. F., et al. 2010. Mechanisms underlying responses to inequitable outcomes in chimpanzees. *Animal Behaviour* 79:1229–37.
- Brown, S. L., R. M. Nesse, A. D. Vinokur, and D. M. Smith. 2003. Providing social support may be more beneficial than receiving it: Results from a prospective study of mortality. *Psychological Science* 14:320–27.
- Buchanan, T. W., S. L. Bagley, R. B. Stansfield, and S. D. Preston. 2011. The empathic, physiological resonance of stress. *Social Neuroscience* 7:191–201.
- Byrne, R. 1995. *The ThinkingApe*. Oxford: Oxford University Press.
- Churchland, R. S. 2011. *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Coe, C. L., and L. A. Rosenblum. 1984. Male dominance in the bonnet macaque: A malleable relationship. In *Social Cohesion: Essays*

- toward a Sociophysiological Perspective, ed. R. R. Barchas and S. P. Mendoza, pp. 31–63. Westport, CT: Greenwood.
- Cohen, E. E. A., R. Ejsmond-Frey, N. Knight, and R. Dunbar. 2010. Rovers' high: Behavioural synchrony is correlated with elevated pain thresholds. *Biology Letters* 6:106–8.
- Collins, E. 2006. *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*. New York: Free Press.
- Coolidge, H. J. 1933. *Pan paniscus*: Pygmy chimpanzee from south of the Congo River. *American Journal of Physical Anthropology* 18:1–57.
- Crockford, C., R. M. Wittig, R. Mundry, and K. Zuberbühler. 2012. Wild chimpanzees inform ignorant group members of danger. *Current Biology* 22:142–46.
- Damasio, A. 2003. *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*. Orlando, FL: Harcourt.
- Danziger, S., J. Leva, and L. Avnaim-Pesso. 2011. Extraneous factors in judicial decisions. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 108: 6889–92.
- Darley, J. M., and C. D. Batson. 1973. From Jerusalem to Jericho: A study of situational and dispositional variables in helping behavior. *Journal of Personality and Social Psychology* 27:100–108.
- Dart, R. A. 1953. The predatory transition from ape to man. *International Anthropological and Linguistic Review* 1:201–17.
- Darwin, C. 1981 [orig. 1871]. *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dawkins, R. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2006. *The God Delusion*. Boston: Houghton Mifflin.
- de Botton, A. 2012. *Religion for Atheists: A Non-Believer's Guide to the Uses of Religion*. New York: Pantheon.
- de Bruyn, E. 2010. Hieronymus Bosch's Garden of Delights triptych: The eroticism of its central panel and Middle Dutch. In *Jheronimus Bosch: His Sources*, pp. 94–106. *s'Hertogenbosch: Jheronimus Bosch Art Center*.
- Dennett, D. 2006. Review of Richard Dawkins, *The God Delusion*. In *Free Inquiry*.

- Derkx, P. 2011. *Humanisme, Zinvol Leven en Nooit meer «Ouder Worden»* Brussels: VUBPress.
- Desmond, A. 1994. *Huxley: From Devil's Disciple to Evolutions High Priest*. Reading, MA: Perseus.
- de Waal, F. B. M. 1989. *Peacemaking among Primates*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1992. Coalitions as part of reciprocal relations in the Arnhem chimpanzee colony. In *Coalitions and Alliances in Humans and other Animals*, ed. A. Harcourt and F. B. M. de Waal, pp. 23–57. Oxford: Oxford University Press.
- . 1996. *Good Natured*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1997a. *Bonobo: The Forgotten Ape*. Berkeley: University of California Press.
- . 1997b. The chimpanzees service economy: Food for grooming. *Evolution and Human Behavior* 18:375–86.
- . 1999. Anthropomorphism and anthropodenial: Consistency in our thinking about humans and other animals. *Philosophical Topics* 27:255–80.
- . 2000. Survival of the rapist. Review of Thornhill and Palmer, *A Natural History of Rape* by. In *New York Times Book Review*, 2 April, pp. 24–25.
- . 2005. *Our Inner Ape: A Leading Primatologist Explains Why We Are Who We Are*. New York: Riverhead.
- . 2007 [orig. 1982]. *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- . 2009. *The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society*. New York: Harmony.
- de Waal, F. B. M., H. Uno, L. M. Luttrell, L. F. Meisner, and L. A. Jeannotte. 1996. Behavioral retardation in a macaque with autosomal trisomy and aging mother. *American Journal of Mental Retardation* 100:378–90.
- Diamond, M. 1990. Selected cross-generational sexual behavior in traditional Hawai'i: A sexological ethnography. In *Pedophilia: Biosocial Dimensions*, ed. J. R. Feierman, pp. 422–44. New York: Springer.

- Dickson, M. 1999. The light at the end of the tunneling: Observation and underdetermination. *Philosophy of Science* 66:47–58.
- Dindo, M., B. Thierry, F.B. M. de Waal, and A. Whiten. Conditional copying fidelity in capuchin monkeys (*Cebus apella*). *Journal of Comparative Psychology* 124:29–37.
- Dixon, L. S. 1981. Bosch's Garden of Delights: Remnants of a «fossil» science. *Art Bulletin* 63:96–113.
- . 2003. *Bosch*. London: Phaidon.
- Douglas-Hamilton, I., S. Bhalla, G. Wittemyer, and F. Vollrath. 2006. Behavioural reactions of elephants towards a dying and deceased matriarch. *Applied Animal Behaviour Science* 100:87–102.
- Dray, P. 2005. *Stealing God's Thunder: Benjamin Franklins Lightning Rod and the Invention of America*. New York: Random House.
- Dudley, S. A., and A. L. File. 2007. Kin recognition in an annual plant. *Biology Letters* 3:435–38.
- Edelman, B. G. 2009. Red light states: Who buys online adult entertainment? *Journal of Economic Perspectives* 23:209–20.
- Erasmus, D. 1519. *In Praise of Marriage*. In E. Rummel. 1996. *Erasmus on Women*. Toronto: University of Toronto Press.
- Evans, T. A., and M. J. Beran. 2007. Chimpanzees use self-distraction to cope with impulsivity. *Biology Letters* 3:599–602.
- Everett, D. L. 2005. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology* 46:621–46.
- Fehr, E., and U. Fischbacher. 2003. The nature of human altruism. *Nature* 425: 785–91.
- Fehr, E., H. Bernhard, and B. Rockenbach. 2008. Egalitarianism in young children. *Nature* 454:1079–83.
- Fessler, D. M. T. 2007. From appeasement to conformity: Evolutionary and cultural perspectives on shame, competition, and cooperation. In *The Self-Conscious Emotions: Theory and Research*, ed. J. L. Tracy, R. W. Robins, and J. P. Tangney, pp. 174–93. New York: Guilford.
- Flack, J. C., L. A. Jeannotte, and F. B. M. de Waal. 2004. Play signaling and the perception of social rules by juvenile chimpanzees. *Journal of Comparative Psychology* 118:149–59.

- Flack, J. C, D. C. Krakauer, and F. B. M. de Waal. 2005. Robustness mechanisms in primate societies: A perturbation study. *Proceedings of the Royal Society of London B* 272:1091–99.
- Foerder, R., M. Galloway, T. Barthel, D. E. Moore, and D. Reiss. 2011. Insightful problem solving in an Asian elephant. *PLoS ONE* 6:e23251.
- Fonts, R., and T. Mills. 1997. *Next of Kin*. New York: Morrow.
- Franger, W. 1976 (orig. 1951). *The Millennium of Hieronymus Bosch: Outlines of a New Interpretation*. New York: Hacker Art Books.
- Frankfurt, H. G. 1971. Freedom of the will and the concept of a person. *Journal of Philosophy* 68:5–20.
- Freedberg, D., and V. Gallese. 2007. Motion, emotion and empathy in esthetic experience. *Trends in Cognitive Sciences* 5:197–203.
- Freud, S. 20to [orig. 1928]. *The Future of an Illusion*. Translated by W. D. Robson-Scott. Mansfield Centre, CT: Martino Publishing.
- Furuichi, T. 2011. Female contributions to the peaceful nature of bonobo society. *Evolutionary Anthropology* 20:131–42.
- Ghiselin, M. 1974. *The Economy of Nature and the Evolution of Sex*. Berkeley: University of California Press.
- Goodall, J. 2005. Primate spirituality. In *The Encyclopedia of Religion and Nature*, ed. B. Taylor, pp. 1303–6. New York: Continuum.
- Goodenough, U. 1999. The holes in Goulds semipermeable membrane between science and religion. *American Scientist*, May — June.
- . 2000. *Vie Sacred Depths of Nature*. New York: Oxford University Press.
- Gould, S. J. 1997. Nonoverlapping Magisteria. *Natural History* 106 (2):i6–22.
- Grandin, T., and C. Johnson. 2004. *Animals in Translation: Using the Mysteries of Autism to Decode Animal Behavior*. New York: Scribner.
- Gray, J. 2011. *The Immortalization Commission: Science and the Strange Qitest to Cheat Death*. London: Allen Lane.
- Haidt, J. 2001. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review* 108:814–34.

- Hamlin, J. K., K. Wynn, and P. Bloom. 2007. Social evaluation by preverbal infants. *Nature* 450:557–59.
- Hare, B., and S. Kwetuenda. 2010. Bonobos voluntarily share their own food with others. *Current Biology* 20: R230–231.
- Hare, B., et al. 2007. Tolerance allows bonobos to outperform chimpanzees on a cooperative task. *Current Biology* 17:1–5.
- Harman, O. 2009. *The Price of 'Altruism*. New York: Norton.
- Harris, S. 2006. *Letter to a Christian Nation*. New York: Knopf.
- . 2010. *Hie Moral Landscape: How Science Can Determine Human Values*. New York: Free Press.
- Hein, G., G. Silani, K. Preuschoff, C.D. Batson, and T. Singer. 2010. Neural responses to ingroup and outgroup members' suffering predict individual differences in costly helping. *Neuron* 68:149–60.
- Henrich, J., R. Boyd, S. Bowles, C. Camerer, H. Gintis, R. McElreath, and E. Fehr. 200i. In search of Homo ekonomkus: Experiments in 15 small-scale societies. *American Economic Review* 91:73–79.
- Herculano-Houzel, S. 2009. The human brain in numbers: A linearly scaled-up primate brain. *Frontiers in Human Neuroscience* 3:1–11.
- Hitchens, C. 2007. *Cod Is Not Great: How Religion Poisons Everything*. New York: Hachette.
- Hobaiter, C, and R. W. Byrne. 2010. Able-bodied wild chimpanzees imitate a motor procedure used by a disabled individual to overcome handicap. *PLoS ONE* 5: eii959.
- Hobbes, T. 2004 [orig. 1651]. *De Cive*. Whitefish, MT: Kessinger.
- Hohmann, G., and B. Fruth. 2011. Is blood thicker than water? In *Among African Apes*, ed. M. M. Robbins and C. Boesch, pp. 61–76. Berkeley: University of California Press.
- Horner, V., and A. Whiten. 2005. Causal knowledge and imitation/emulation switching in chimpanzees (*Pan troglodytes*) and children (*Homo sapiens*). *Animal Cognition* 8:164–81.
- Horner, V, D.J. Carter, M. Suchak, and F.B. M. de Waal. 2011a. Spontaneous prosocial choice by chimpanzees. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 108:13847–51.
- . 2011b. Reply to Skoyles: Misplaced assumptions of perfect human prosociality. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 108: E836.

- Horner, V., D. Proctor, K. E. Bonnie, A. Whiten, and F. B. M. de Waal. 2010. Prestige affects cultural learning in chimpanzees. *PLoS ONE* 5:e10625.
- Hrdy, S. B. 2009. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Hume, D. 2008 [orig. 1739]. *A Treatise of Human Nature*. Sioux Falls, SD: Nu Vision.
- Huxley, L., ed. 1901. *Life and Letters of Thomas Henry Huxley*. Vol. 1. New York: Appleton.
- . 1916. *Life and Letters of Thomas Henry Huxley*. Vol. 2. New York: Appleton.
- Huxley, T. H. 1989 [orig. 1894]. *Evolution and Ethics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Jammer, M. 1999. *Einstein and Religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Jensen, K., B. Hare, J. Call, and M. Tomasello. 2006. Whats in it for me? Selfregard precludes altruism and spite in chimpanzees. *Proceedings of the Royal Society B* 273:1013–21.
- Johnson, M. 1993. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science jar Ethics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Joyce, R. 2005. *The Evolution of Morality*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kano, T. 1992. *The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology*. Stanford, CA: Stanford University' Press.
- King, B. J. 2007. *Evolving God: A Provocative View of the Origin of Religion*. New York: Doubleday.
- Kitcher, P. 2006. Ethics and evolution: How to get here from there. In *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*, ed. S. Macedo and J. Ober, pp. 120–139. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- . 2009. Beyond Disbelief. In *\$0 Voices of Disbelief. Wiry We Are Atheists*, ed. R. Blackford and U. Schuklenk, pp. 87–96. Hoboken, NJ: Wiiey-Blackwell.
- . 2011. *The Ethical Project*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Konner, M. 2002. Some obstacles to altruism. In *Altruistic Love: Science, Philosophy, and Religion in Dialogue*, ed. S. G. Post et al., pp. 192–211. Oxford: Oxford University Press.
- Kummer, H. 1995. *The Quest of the Sacred Baboon*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lamarck, J. B. 1914 (orig. 1809). *Zoological Philosophy*. Translated by Hugh Elliot. London: Macmillan.
- Langergraber, K. E., J. C. Mitani, and L. Vigilant. 2007. The limited impact of kinship on cooperation in wild chimpanzees. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 104:7786–90.
- Langford, D. J., et al. 2006. Social modulation of pain as evidence for empathy in mice. *Science* 312:1967–70.
- Lee, R. B. 1969. Eating Christmas in the Kalahari. *Natural History* 78(12):14–22, 60–63.
- Levin, J. S. 1994. Religion and health: Is there an association, is it valid, and is it causal? *Social Science and Medicine* 38:1475–82.
- Linfert, C. 2003 [orig. 1972]. *Hieronymus Bosch*. New York: H. N. Abrams.
- Lorenz, K. 1960. *So kam der Mensch auf den Hund*. Vienna: Borotha-Schoeler.
- Macedo, S., and J. Ober, eds. 2006. *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Malenky, R. K., and R. W. Wrangham. 1994. A quantitative comparison of terrestrial herbaceous food consumption by *Panpaniscus* in the Lomako Forest, Zaire, and *Pan troglodytes* in the Kibale Forest, Uganda. *American Journal of Primatology* 32:1–12.
- Malhotra, D. 2010. (When) are religious people nicer? Religious salience and the «Sunday Effect» on pro-social behavior. *Judgment and Decision Making* 5:138–43.
- Marcus Aurelius. 2002 [orig. 170–180 CE]. *The Emperor's Handbook: A New Translation of Die Meditations*. New York: Scribner.
- Matsuzawa, T. 2011. What is uniquely human? A view from comparative cognitive development in humans and chimpanzees. In *The Primate Mind*, ed. R. B. M. de Waal and P. F. Ferrari, pp. 288–305. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Mayr, E. 1997. *This Is Biology: The Science of the Living World*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- McCauley, R. N. 2011. *Wired Religion Is Natural and Science Is Not*. New York: Oxford University Press.
- Mendes, N., D. Hanus, and J. Call. 2007. Raising the level: Orangutans use water as a tool. *Biology Letters* 3:453–55.
- Mercader, J., et al. 2007. 4,300-year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 104:3043–48.
- Mercier, H., and D. Sperber. 2011. Why do humans reason? Arguments for an argumentative theory. *Behavioral and Brain Sciences* 34:57–111.
- Midgley, M. 2010. *The Solitary Self: Darwin and the Selfish Gene*. Durham, UK: Acumen.
- Miller, H. 1957. *Big Sur and the Oranges of Hieronymus Bosch*. New York: New Directions.
- Montaigne, M. 1902 [orig. 1877]. *Essays of Montaigne*. Translated by Charles Cotton. Vols. 1–4. London: Reeves & Turner.
- Mukamel, R., A. D. Ekstrom, J. Kaplan, M. Iacoboni, and I. Fried. 2010. Single neuron responses in humans during execution and observation of actions. *Current Biology* 20:750–56.
- Muscarella, F., and M. R. Cunningham. 1996. The evolutionary significance and social perception of male pattern baldness and facial hair. *Ethology and Sociobiology* 17:99–117.
- Nevins, A., D. Pesetsky, and C. Rodrigues. 2009. Piraha exceptionality: A reassessment. *Language* 85:355–404.
- Nietzsche, F. 2006 [orig. 1887]. *On the Genealogy of Morality and Other Writings*. Student Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2007 [orig. 1889]. *Twilight of the Idols with the Antichrist and Ecce Homo*. Hertfordshire, UK: Wordsworth.
- Norenzayan, A., and I. G. Hansen. 2006. Belief in supernatural agents in the face of death. *Personality and Social Psychology Bulletin* 32:174–87.
- Norenzayan, A., and A. F. Shariff. 2008. The origin and evolution of religious prosociality. *Science* 322:58–62.

- Norscia, I., and E. Palagi. 2010. Yawn contagion and empathy in *Homo sapiens*. *PLoS ONE* 6:e28472.
- Nowak, M., and R. Highfield. 2011. *SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed*. New York: Free Press.
- Numbers, R., ed. 2009. *Galileo Goes to Jail and Other Myths about Science and Religion*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nussbaum, M. C. 2001. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Osvath, M. 2009. Spontaneous planning for future stone throwing by a male chimpanzee. *Current Biology* 9: R190–R191.
- Osvath, M., and H. Osvath. 2008. Chimpanzee (*Pan troglodytes*) and orangutan (*Pongo abelii*) forethought: Self-control and pre-experience in the face of future tool use. *Animal Cognition* 11: 661–74.
- Oxnard, C, P.J. Obendorf, and B.J. Kefford. 2010. Post-cranial skeletons of hypothyroid cretins show a similar anatomical mosaic as *Homo floresiensis*. *PLoS ONE* 5:e13018.
- Panofsky, E. 1966. *Early Netherlandish Painting: Its Origins and Character*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Parker, I. 2007. Swingers. *The New Yorker*, July 30.
- Parr, L. A., and F.B. M. de Waal. 1999. Visual kin recognition in chimpanzees. *Nature* 399:647–48.
- Paukner, A., et al. 2009. Capuchin monkeys display affiliation toward humans who imitate them. *Science* 325:880–83.
- Pearson, K. 1914. *The Life, Letters and Labours of Francis Gallon*. London: Cambridge University Press.
- Perelman, P., et al. 2011. A molecular phylogeny of living primates. *PLoS Genetics* 7: e1001342.
- Perry, S. 2009. Conformism in the food processing techniques of white-faced capuchin monkeys (*Cebus capucinus*). *Animal Cognition* 12:705–16.
- PLoS Medicine Editors. 2011. Medical complicity in torture at Guantanamo Bay: Evidence is the first step toward justice. *PLoS Medicine* 8: e1001028.

- Plotnik, J. M., F.B. M. de Waal, and D. Reiss. 2006. Self-recognition in an Asian elephant. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 103:17053–57.
- Plotnik, J. M., R. C. Lair, W. Suphachoksakun, and F.B. M. de Waal. 2011. Elephants know when they need a helping trunk in a cooperative task. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 108:5116–21.
- Prinz, J. 2006. The emotional basis of moral judgments. *Philosophical Explorations* 9:29–43.
- Prüfer, K., et al. 2012. The bonobo genome compare with the chimpanzee and human genomes. *Nature*. 486:527–31.
- Pruetz, J. D. 2011. Targeted helping by a wild adolescent male chimpanzee (*Pan troglodytes verus*): Evidence for empathy? *Journal of Ethology* 29:365–68.
- Pruetz, J. D., and S. Lindshield. 2011. Plant-food and tool transfer among savanna chimpanzees at Fongoli, Senegal. *Primates* 53:133–45.
- Range, F., L. Horn, Z. Viranyi, and L. Huber. 2008. The absence of reward induces inequity aversion in dogs. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 106:340–45.
- Renouvier, C. 1859. *Essais de critique generate. Deuxieme essai. Traitede psychologic rationnelle dapres lesprincipes du criticisme*. Paris: Ladrangue.
- Revel, J.-F., and M. Ricard. 1997. *Le moine et lephilosophe*. Paris: Nil Editions.
- Ribberink, E., and D. Houtman. 2010. Te ongelovig om atheïst te zijn: Over de-privatisering van ongelooft. *Religie & Samenleving* 5: 209–20.
- Ridley, M. 2001. Re-reading Darwin. *Prospect* 66: 74–76.
- Rilling, J. K., J. Scholz, T. M. Preuss, M. F. Glasser, B. K. Errangi, and T. E. Behrens. 2011. Differences between chimpanzees and bonobos in neural systems supporting social cognition. *Social Cognitive and Affective Neuroscience* 7:369–79.
- Roes, F. 1997. An Interview of Richard Dawkins. *Human Ethology Bulletin* 12 (1):13.
- Romero, M. T., M. A. Castellanos, and F.B. M. de Waal. 2010. Consolation as possible expression of sympathetic concern among

- chimpanzees. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 107:12110–15.
- Ryan, C, and C. Jetha. 2010. *Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality*. New York: Harper Collins.
- Sandin, J. 2007. *Bonobos: Encounters in Empathy*. Milwaukee, WI: Zoological Society of Milwaukee.
- Sanfey, A. G., J. K. Rilling, J. A. Aronson, L. E. Nystrom, and J. D. Cohen. 2003. The neural basis of economic decision-making in the ultimatum game. *Science* 300:1755–58.
- Saslow, L. R., et al. 2012. My brothers keeper? Compassion predicts generosity more among less religious individuals. *Social Psychological and Personality Science*, doi: 10.1177/1948550612444137.
- Scherer, K. R. 1994. Emotion serves to decouple stimulus and response. In *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*, ed. P. Ekman and R. J. Davidson, pp. 127–30. New York: Oxford University Press.
- Schwartz, G. 2009. Visual arts: The humanist meets the exorcist. *ArtsFuse*, 21 February.
- Semendeferi, K., A. Lu, N. Schenker, H. Damasio. 2002. Humans and great apes share a large frontal cortex. *Nature Neuroscience* 5:272–76.
- Shariff, A. F., and A. Norenzayan. 2007. God is watching you: Priming God concepts increases prosocial behavior in an anonymous economic game. *Psychological Science* 18:803–9.
- Shepard, G. H. 2011. The Mark and Oily Follies. *Anthropology News*, May, p. 18.
- Silk, J. B., S. F. Brosnan, J. Vonk, J. Henrich, D. Povinelli, and A. S. Richardson. 2005. Chimpanzees are indifferent to the welfare of unrelated group members. *Mammalia* 437:1357–59.
- Silk, J. B., et al. 2009. The benefits of social capital: Close social bonds among female baboons enhance offspring survival. *Proceedings of the Royal Society London B* 276:3099–114.
- Skinner, B. F. 1965 [orig. 1953]. *Science and Human Behavior*. New York: Free Press.
- Skoyles, J. R. 2011. Chimpanzees make mean-spirited, not prosocial, choices. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 108: E835.

- Smith, J. 1938. *Teachings of the Prophet Joseph Smith*. Edited by J. F. Smith. Salt Lake City: Deseret Book.
- Smuts, B. B. 1985. *Sex and Friendship in Baboons*. New York: Aldine.
- Sosis, R., and E. R. Bressler. 2003. Cooperation and commune longevity: A test of the costly signaling theory of religion. *Cross-Cultural Research* 37:211–39.
- Strawbridge, W. J., R. D. Cohen, S. J. Shema, and G. A. Kaplan. 1997. Frequent attendance at religious services and mortality over 28 years. *American Journal of Public Health* 87:957–61.
- Steinbeck, J. 1995 [orig. 1951]. *The Log from the Sea of Cortez*. New York: Penguin.
- Subiaul, E., J. Vonk, J. Barth, and S. Okamoto-Banh. 2008. Chimpanzees learn the reputation of strangers by observation. *Animal Cognition* 11:611–23.
- Tan, A. 2005. *Saving Fish from Drowning*. New York: Ballantine.
- Tannen, D. 1990. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: Ballantine.
- Teleki, G. 1973. Group response to the accidental death of a chimpanzee in Gombe National Park, Tanzania. *Foliaprimatologica* 20: 81–94.
- Thornhill, R., and C. T. Palmer. 2000. *The Natural History of Rape: Biological Bases of Sexual Coercion*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Tokuyama, N., et al. 2012. Bonobos apparently search for a lost member injured by a snare. *Primates*. 53:215–19.
- Tolstoy, L. 1961 [orig. 1882]. *A Confession*. Translated by A. Maude. London: Oxford University Press.
- Trivers, R. L. 1971. The evolution of reciprocal altruism. *Quarterly Review of Biology* 46:35–57.
- Turnbull, C. M. 1961. *Vie Forest People*. Garden City, NY: Natural History Press.
- Ury, W. 1993. *Getting Past No: Negotiating with Difficult People*. New York: Bantam.
- van Wolkenten, M., S. F. Brosnan, and F. B. M. de Waal. 2007. Inequity responses of monkeys modified by effort. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 104:18854–59.

- Voltaire. 1768. In *Œuvres Complètes de Voltaire*. Vol. 10. Paris: Gamier, 1877–85.
- von Rohr, C. R., et al. 2012. Impartial third-party interventions in captive chimpanzees: A reflection of community concern. *PLoS ONE* 7:e32494.
- Walker, R. S., M. V. Flinn, and K. R. Hill. 2010. Evolutionary history of partible paternity in lowland South America. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 107:19195–200.
- Warneken, E., B. Hare, A. P. Melis, D. Hanus, and M. Tomasello. 2007. Spontaneous altruism by chimpanzees and young children. *PLoS-Biology* 5:1414–20.
- Westermarck, E. 1912 [orig. 1908]. *The Origin and Development of the Moral Ideas*. Vol. 1. 2nd ed. London: Macmillan.
- . 1917 (orig. 1908). *The Origin and Development of the Moral ideas*. Vol. 2. 2nd ed. London: Macmillan.
- Whiten, A., V. Horner, and E. B. M. de Waal. 2005. Conformity to cultural norms of tool use in chimpanzees. *Nature* 437:737–40.
- Wilkinson, A., N. Sebanz, I. Mandl, and L. Huber. 2011. No evidence of contagious yawning in the red-footed tortoise, *Geochelone carbonaria*. *Current Zoology* 57:477–84.
- Williams, G. C. 1988. A sociobiological expansion of «Evolution and Ethics.» In *Evolution and Ethics*, ed. J. Paradis and G. C. Williams, pp. 179–214. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wilson, D. S. 2002. *Darwin's Cathedral: Evolution, Religion, and the Nature of Society* Chicago: University of Chicago Press.
- Woods, V., and B. Hare. 2010. Bonobo but not chimpanzee infants use sociosexual contact with peers. *Primates* 52:111–16.
- Wrangham, R. W., and D. Peterson. 1996. *Demonic Males: Apes and the Evolution of Human Aggression*. Boston: Houghton Mifflin.
- Wright, R. 1994. *The Moral Animal: The New Science of Evolutionary Psychology*. New York: Pantheon.
- Yamamoto, S., T. Humle, and M. Tanaka. 2012. Chimpanzees' flexible targeted helping based on an understanding of conspecifics' goals. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 109:3588–92.
- Yerkes, R. M. 1925. *Almost Human*. New York: Century.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августин, блаженный 165
Агностицизм, агностики 56, 57,
141, 159, 315
определение 55
Агрессия, агрессивность 41, 53,
71, 79, 97, 100, 101, 108, 114,
120, 121, 189, 211, 227, 231,
252, 324
Ад 32, 109, 113, 126, 128, 239, 241,
242, 244, 245, 299, 319
Адам 110, 112, 242,
321
Адамиты 112
Акула 299
Алхимия 34, 242, 297
Альтруизм
реципрокный 49
в отсутствии стимулов 66
Дарвин, интерпретация 64
и доброта 238
и религия 314, 315
и самопожертвование 52, 81
как лицемерие 61
как ошибка 68–70, 73, 74
определения 45, 180
у крыс 209
у шимпанзе 45, 46, 177, 180

цена 72
цена/выгода 75, 211
эгоизм против альтруизма 82
Американская академия религии
300
Андре, Клодин 272
Антверпен, Нидерланды 19, 241
Антропоморфизм 212
Антропоцентрическое
предубеждение 43
Арбитры 34, 71, 252
Ардри, Роберт 101, 345
Аристотель 136, 263, 320
Арнемский зоопарк 24, 25, 28, 203,
269, 279, 281, 285, 341
Атеизм, атеисты 9, 30, 32–34, 36,
40, 45, 63, 126, 127, 130–132,
135–137, 141, 144, 147, 153,
156, 159, 162, 292, 301, 303,
310, 334, 338, 340
Аутизм 202

Б

Бабуины 233–324
Балет 196
Баптисты 157
Бах, Иоганн Себастьян 127
Бекофф, Марк 326, 327

- Белка 46
 Бенке, Изабель 99, 343
 Бентам, Джереми 263
 Бибер, Джастин 253
 Библия 107, 128, 152, 162, 206, 262, 283, 307, 315, 346
 Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха» (Миллер) 244
 Бихевиоризм 145, 297
 Благодарность 181, 186, 187, 254
 Блок, Сьюзен 102
 «Блэр Драммонд», сафари-парк 278
 Бог 7, 8, 30, 32, 35, 36, 39, 46, 51, 56, 59, 63, 64, 125–127, 129, 131–134, 142, 144, 147, 151, 152, 159, 162, 163, 172, 224, 239, 241, 244–246, 253, 261, 271, 283, 289, 290, 296, 301–303, 307–309, 311–315, 318, 320, 335, 346
 «Бог не любовь. Как религия все отравляет» (Китченс) 133
 «Божественная комедия» (Данте) 136
 Бонобо
     в сравнении с шимпанзе 23, 94, 96–100, 103–105, 120–123
     и матриархат 21, 22, 114, 115, 117, 118
     и насилие 97, 98, 105, 116, 117, 230–232, 268, 270
     и отцовство 115
     и охота 100, 332
     и справедливость 330, 331, 338, 340
     истребление 272
     и человек 20, 21, 23, 101, 107, 118, 121, 122, 213, 222, 231, 274, 336, 339
     и эмпатия 21, 94, 120, 121, 211, 231, 232, 268, 272
     мозг 121
     пропорции тела 94
     сексуальные практики 95, 98, 100, 102–106, 108, 114, 115, 119, 120, 272
     территориальные споры 98, 99, 100
     угроза исчезновения 23, 272
     утешение 211
     целевая помощь 212, 214
 «Бонобо – забытый примат» (де Валь) 97
 Босх, Иероним 7, 8, 19, 34, 109, 111, 112, 129, 136, 161, 197, 200, 241–245, 299, 318–321, 341, 343, 345
 Ботич, Шмули 134, 138
 Боттон, Алан де 36, 311
 Бош, Кристоф 72, 221
 Братство свободного духа 112
 «Братья Карамазовы» (Достоевский) 9
 Браун, Стефани 81
 Брейгель, Питер 298, 318, 345
 Бронкс, зоопарк 170
 Броснан, Сара 328, 342
 Буайе, Паскаль 305
 Буддизм 13, 17, 81, 157, 158, 241, 297, 346
 Будонго-Форест, заповедник 204
 «Будущее одной иллюзии» (Фрейд) 309
- В**
- Ватикан 18, 89, 130, 137, 157
 «Век эмпатии» (де Валь) 201
 Венделл, «Турок» 287
 Вестермарк, Эдвард 31, 217, 254
 Височно-теменное соединение 138
 Вифлеем 115
 Возрождение 112, 245

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Воз сена» (Босх) 319
 Волк 59, 89, 326
 Вольтер 271, 310, 314
 Воображение 7, 109, 195, 283, 290, 292, 295
 Ворон 14, 23, 143, 167, 172
 Вороновы 167
 Восстановление облика по черепу 85
 «В поисках Спинозы» (Дамасио) 318
 Вудс, Ванесса 103
 Высшие приматы
     в Лондонском зоопарке 151
     знание о смерти 276, 278–281
     и орудия труда 187, 214, 293, 294
     и отражение в зеркале 170
     ископаемые 23, 86
     и целевая помощь 212
     определение 93
     просоциальность 172, 175, 178–180, 239
     развитие 239, 240
     родство с человеком 87–91, 122, 151, 160, 173, 211–213, 338–340
     тяга к справедливости 330
- Г**
- Гадюка габонская 276
 Газзанига, Майкл 148
 Галки 14, 167
 Галлезе, Витторио 197
 Гальтон, Фрэнсис 37
 Гамильтон, Уильям 48, 49, 51
 Гарсия, Джон 145
 Геккель, Эрнст 91
 Гексли, Томас Генри 53–55, 57–59, 62, 63, 83
 Генетический детерминизм 153
 Генитальное рукопожатие 106
 Гент (Бельгия) 18, 19
 Гены 37, 45, 48, 50, 52, 53, 65, 69–71, 73, 93, 122, 153, 155, 256, 264, 336, 337
 «Героический пес» 181
 Гиббоны 88, 94
 Гизелин, Майкл 61, 68
 Гипотеза «доброкачественной сущности альтруизма» 79
 Гипотеза «травмирующего альтруизма» 77, 81
 Гитлер, Адольф 38
 Гнезда на деревьях 118, 161, 291
 Гоббс, Томас 44, 96, 104, 328
 Голдинг, Уильям 306
 Голландская реформатская церковь 128
 Голубь 289
 Горбатые киты 337
 Гориллы 88, 122, 291
 Грандин, Темпл 200
 Грей, Джон 33
 Гризли 89
 Груминг 12, 26, 70, 76, 99, 120, 121, 185, 188, 190, 221, 273, 323
 Грутеровский институт
     права и поведенческих исследований 50
 Гуаньинь 285
 Гудинаф, Урсула 161, 164, 343
 Гудолл, Джейн 181, 285, 286
 Гукер, Джозеф 55
 Гулд, Стивен Джей 154, 156, 157, 162, 164
 Гуманизм 112, 315, 335, 336, 341, 342
 «Гуманистический манифест» (Куртц) 162

Д

Дайамонд, Мильтон 259
 Далай-лама 10, 11, 13, 15, 16, 18, 202
 Дамасио, Антонио 318
 Данте Алигьери 136
 Дарвина премия 149, 154, 156
 Дарвин, Чарльз 41, 49, 53–55, 58, 59, 62–65, 91, 136, 149, 154, 156, 160, 165, 225, 320, 333, 344
 Дауна синдром 139, 266
 Дельфины 161, 182, 233
 «Демонические самцы» (Рэнгем) 98
 Деннетт, Дэн 134, 141, 345
 Депрессия 187, 295
 Джексон, Майкл 192, 193, 196
 Джонсон, Марк 347
 Джонс, Пола 102
 Димберг, Ульф 194
 Динозавры 16, 160
 Диониса культ 283
 ДНК 69, 73, 86, 89, 122, 123, 151, 180, 196, 233
 «Добродушные» (де Валь) 65
 Добрый самарянин 206, 209, 211
 Доверие 29, 32, 38, 61, 76, 125, 146, 179, 181, 185, 190, 226, 290, 303, 326, 338
 Догматизм 126, 131, 133, 140, 153, 162, 163, 309
 Додо 163
 Докинз, Ричард 32, 62, 63, 310, 344, 345
 Древесные лягушки 73
 Д'Суза, Динеш 96, 137
 Дэвидсон, Ричард 17
 Дюркгейм, Эмиль 304
 Дятел хохлатый 172

Е

Ева 242, 321
 Евгеника 37, 50
 Евтифрон 244, 314
 «Естественная история изнасилования: Биологические основы сексуального принуждения» (Торнхилл и Палмер) 155
 Естественный отбор 48, 54, 62, 64, 149, 154, 246

Ж

Жета, Касильда 259

З

Забота о малышах 15, 17, 73, 77, 78, 83, 118, 119, 138, 260, 291
 Загробная жизнь 292, 300, 310
 Зевание 202, 203, 207
 Зеркала 160, 170, 190, 293
 Змеи 15, 49, 110, 151, 213, 276
 Золотое правило нравственности 262, 266

И

Иерархии 97, 107, 179, 185, 218, 224, 225, 228, 231, 239, 306, 322, 325
 Иероним, блаженный 111
 Иисус 143, 197, 206
 Имитация 290, 314
 Инстинкты и эмоции 220–222
 Институт исследования приматов (PRI) Университета Киото (Япония) 213, 295
 Ирод, царь 115
 Ислам 135, 157

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Исследовательская станция имени
Конрада Лоренца в Грюнау
(Австрия) 14

Й

Йеркс, Роберт 21, 121, 173, 213

К

Каммер, Ганс 323
Каннеман, Гарри 343
Кано, Такаэси 99, 100
Кант, Иммануил 217, 238, 245, 267, 318
Капуцины, обезьяны 11, 199, 328, 332
Караваджо, Микеланджело
Меризи да 197
Карма 241
Кёлер, Вольфганг 187, 294
Кемпбелл, Мэтт 342
Кибале-Форест, природный парк,
Уганда 233
Кинг, Барбара 304
Китай 181, 288
Китчер, Филипп 219, 220, 223, 246,
267, 311, 343
Киты 16, 160, 181, 257, 258
Клинтон, Билл 102
Клэй, Занна 272, 342
Койн, Джерри 147
Койоты 89
Коллинз, Френсис 62, 63
Колобус красный 276
Колумб, Христофор 303
Кольбер, Стивен 94
Коммунизм 50, 309
«Комната Марвина» (фильм) 80
Конго, Демократическая
Республика 19, 96, 271
Коннер, Мелвин 344
Контроль над собой
у детей 223

у шимпанзе 218–223
Конфликт или сотрудничество 80,
119, 120
Конфликтов разрешение 98, 104, 341
«Король говорит!» (фильм) 193,
196, 208
Кошки 182, 220, 277, 288
Креационизм, креационисты 92,
157, 246
Кроманьонцы 300
Кропоткин, Петр 50, 51, 59
Крысы и альтруизм 208
Кук, капитан 258
Кулидж, Гарольд 123
Культура 18, 33, 108, 109, 130, 136,
149, 157, 225, 226, 257, 259,
288, 307, 333, 336
Куртц, Пол 162, 163

Л

Лавджой, Оуэн 92, 93
Ламарк, Жан-Батист 90, 91
Ласко, Франция 87
Лафонтен, Жан де 167
Леви-Стросс, Клод 107
Линкольн, Авраам 85, 205
Линней, Карл 89, 151
Ли, Ричард 257
Лола-Я-Бонобо, заповедник 271,
272, 274
Ломако-форест, проект 115
Лондонский зоопарк 151
Лоренц, Конрад 14, 100, 228
Лакировки теория 53, 57, 65, 66
Льюис, Клайв Синклер 308
Лютеране 157

М

Майр, Эрнст 58
Макака-резус 76, 139, 185, 230, 239

- Макаки 76, 140, 185, 199, 229, 239
 Макиавелли, Никколо 24
 Макколи, Роберт 305
 МакКоли, Роберт 343
 Маклин, Пол 15
 Максимизации счастья принцип 263, 264, 266
 Мальчик из Виндовера 87
 Мао Цзэдун 303, 309
 Марк Аврелий 80
 Маркс, Карл 310
 Мать Тереза 133
 Медико-биологические науки 308
 Мендель, Грегор 150
 Мид, Маргарет 108
 Микеланджело 197
 Мику 291
 Миллер, Генри 243
 Милуоки, окружной зоопарк 268
 Мимикрия 201, 203
 Миро, Жоан 19
 Митани, Джон 233
 Млекопитающие 13, 14, 53, 76, 77, 80, 82, 83, 114, 118, 152, 222, 323, 326, 336, 337
 Мобуту Сесе Секо 271
 Мозг человеческий 17, 28, 66, 76, 82, 83, 86, 121, 137, 151, 158, 194, 198–201, 207, 211, 222, 237, 328
 Мозжечковая миндалина 121, 200
 Моногамия 93
 Монтень, Мишель де 167, 193, 317
 «Мораль без Бога?» (блог) 10, 36
 Мораль межличностная 226, 232, 249, 267, 313, 327
 «Моральное животное» (Райт) 61
 Моральный закон 39, 63, 217, 224, 246, 258, 260, 267, 324, 338
 Мораль, этика
     возникла раньше религии 10, 11, 87, 138, 140, 313, 314, 338
 дарованная Богом 8, 239
 два уровня 249
 двойственность 44
 и просвещенный эгоизм 251
 и эмоции (чувства, ощущения, инстинкты) 30–32, 40, 64–66, 227, 236
 и эмпатия 227
 межличностная мораль 232, 249
 межличностная мораль. 226
 общественный интерес 35, 253, 267, 332
 сверху вниз 30, 39, 267
 снизу вверх 40, 249, 324
 сущее и должное 234–238, 249, 255
 у детей 227
 универсальная мораль 31, 136, 258, 260, 265, 266, 311, 328, 332, 334, 335
 у охотников-собирателей 256
 «Море Кортеса» (Стейнбек) 165
 Мормонизм 142, 143
 Моцарт, Вольфганг Амадей 127
 Музыка 33, 64, 127, 134, 159, 167, 176, 242, 284, 292
 Муравьи 83, 322, 336
- ## Н
- Награда, поощрение 11, 30, 69, 75, 110, 145, 176, 177, 192, 223, 238, 294, 329, 330, 331, 332
 Наказание 31, 112, 117, 128, 145, 232, 239, 240, 241, 254, 260, 269, 325
 Насилие 107, 227, 229
     у бонобо 21, 97, 98, 105, 115, 116, 231, 232, 268
     у шимпанзе 24, 97–99, 115, 230, 270

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Наука

- антропоцентризм 28, 43
- иммориализм 37, 38
- место в обществе 33–35
- недостатки науки 146–149
- против религии 134–137, 144, 149, 150, 153, 157, 163, 304, 307, 308
- религиозное влияние на науку 32, 33
- совместимость с религией 17, 163
- Неандертальцы 24, 85, 86, 88, 90
- Нейман, Джон фон 50
- Нейронные сети 79, 82, 100, 122, 207, 235–337
- Нейроны 121, 222
- Нейроны зеркальные 195, 197, 199, 201
- Неоатеисты 32, 153, 156, 292, 310
- Непересекающиеся магистерии 158
- Нисиды, Тосисада 184
- Ницше, Фридрих 7, 74
- Норензаян, Ара 312, 343
- Ньютон, Исаак 54

О

- Общественное мнение 32, 66, 234, 252
- Общественные интересы 23, 226, 245, 249, 251, 253, 255, 257, 268, 332
- Общественный договор 314
- Окситонин 77, 79
- Орангутаны 160
- Оргазм 102
- О’Рейли, Билл 132
- «Отверженные» (Гюго) 263
- Отзывчивость 205, 209, 211

- Отражения 171
- Отсроченное вознаграждение 223
- Отцовство делимое 260
- Охота, охотники, звероловы 100, 103, 159, 182, 183, 188, 220, 233, 251–253, 257, 260, 274, 276, 280, 332
- Охотники-собиратели 256, 257, 327
- Охра 87

П

- Павел, апостол 32
- Панофски, Эрвин 320
- Паркер, Иан 96, 99
- Парр, Лайза 28
- Паскаль, Блез 248
- Пастер, Луи 148
- Пиранья 237
- Планкендаль, парк животных 19, 21
- Плезиозавр 16
- Плотник, Джошуа 170, 190, 342
- «Повелитель мух» (Голдинг) 306
- Полевые исследования 99, 181, 184, 188, 202, 233, 323
- Политеизм 157
- Поллок, Джексон 198
- Пол Пот 303
- Полубезьяны 88
- «Последний сеанс Фрейда» (Джермейн) 308
- «Похвала глупости» (Эразм Роттердамский) 319
- «Почти человек» (Йеркс) 21, 121
- Прайс, Джордж 45–47, 49, 51, 75, 81, 83
- Предвзятость несоответствия 145, 201

- Предвзятость подтверждения 145
 Предсмертные переживания 137
 Предубеждения 38
 Префронтальная кора головного мозга 28, 158, 222
 Приматы 223, 225, 228, 231, 232, 239, 240, 248, 249, 252, 253, 256, 273–277, 280, 286, 287, 290, 291, 294, 295, 304, 306, 323–326, 330–332, 337, 338, 341, 342
 Примирение 34, 71, 120, 146, 231, 250, 274, 323
 «Принципы поведения шимпанзе» (де Валь) 24
 Прозак 264
 «Происхождение видов» (Дарвин) 55
 Просоциальность 122, 172, 175, 177, 179, 180, 239
 Пруэтц, Джилл 72, 214
 Прямохождение 87, 89
 Птицы
     и эмпатия 14
     как заботливые родители 16
 Пчелы 46, 49, 52, 83
 Пэриш, Эми 118
- Р**
- Рабство 205
 Разум 31, 66, 141, 147, 149, 162, 164, 224, 236, 245, 247, 249, 310, 318, 335
 Разума культ 310
 Разумный замысел 157
 Райан, Кристофер 259, 343
 Раскаяние 79, 227
 Рационализм 31, 34, 56, 65, 107, 141, 147, 149, 162, 206, 210, 245, 247, 290, 329, 332
 Ребенок из Таунга 101
 Рейсс, Дайана 168, 169, 342
 Религия
     дебаты о религии 133–137, 140, 142, 162, 163
     и альтруизм 314
     и культура 136
     и мораль 8, 10, 87, 138, 140, 313–315, 338
     и наука 17, 134, 136, 137, 143, 144, 149, 150, 153, 157, 158, 163, 304, 305, 307, 308, 309
     и сотрудничество 284, 312, 313
     как вера 142, 144, 147, 149, 153, 162, 163, 283, 284, 290, 292, 296, 301, 307, 308
     как иллюзия 309
     как создание человека 141, 261
     определения 300
     попытки отказа от религии 302, 303, 308–310, 334, 335
     сознание смерти 275, 283
     толерантность 335, 336
 «Религия для атеистов» (де Боттон) 36
 Рентген, Вильгельм 148
 Рептилии 13, 15
 Репутация 54, 55, 96, 185, 208, 252, 253, 313, 332
 Рикар, Матьё 158, 159
 Риллинг, Джеймс 75, 121
 Ричерсон, Питер 345
 Робеспьер, Максимилиан 310
 Родственный отбор, кин-отбор 49
 Румянец 225
 Рэнгем, Ричард 291
- С**
- «Сад земных наслаждений» (Босх) 7, 19, 109, 113, 136, 241, 243, 244, 296, 297, 299, 317, 320

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Сан-Диего, зоопарк 98, 113
 «Светские проповеди» (Гексли) 57
 Свифт, Джонатан 125
 Свободная воля 223
 «Священные глубины природы»
 (Гудинаф) 161
 Секс 8, 24, 25, 29, 101, 259, 339
 в Библии 111
 определение 102
 у бонобо 94, 98, 102, 103, 105–
 107, 111, 118, 120, 272
 у шимпанзе 221, 323
 эволюция сексуальных
 отношений 74
 «Секс на заре» (Райан и Жета) 259
 «Семейство шимпанзе» (фильм)
 282
 Силверман, Дэвид 132
 Силк, Джоан 346
 Симпатия 26, 29, 41, 227, 236
 Сингер, Питер 266
 Сироты 53, 73, 103, 172, 272, 273,
 274
 Скиннер, Б.Ф. 32, 145, 200, 209, 289
 «Слепой часовщик» 246
 Слоны
 альтруизм 46, 82, 181
 дружба 82
 знание о смерти 300
 использование орудий 168, 170,
 294
 сотрудничество 190, 191
 узнавание себя в зеркале 170
 Слатс, Барбара 232
 Смертная казнь 31, 262, 263, 271,
 310
 Смерть, осознание 33, 42, 134,
 137, 233, 241, 260, 275, 278,
 280–282, 291, 295–297, 299,
 310, 325
 Смит, Адам 32, 254
 Смит, Джозеф 143
 Смит, Джон Мейнард 47, 49
 Собака, пес, псовые 12, 30, 63, 68,
 72, 79, 125, 181, 197, 228, 231,
 248, 255, 280, 288, 299, 326,
 327, 331
 Сократ 244, 314
 Сотрудничество 29, 59, 66, 332
 или конфликт 119, 120
 и религия 284, 312, 313
 как аномалия 173
 как вид эксплуатации 61
 эмоциональная склонность
 к сотрудничеству 76
 Социальная иерархия
 у макак 230, 239
 у человека 218, 306
 у шимпанзе 218, 221, 223, 224,
 230
 Социальные насекомые 49, 336
 Социобиология 38
 Сочувствие 193, 207, 238, 266, 274,
 315
 Спиноза, Барух 161
 Справедливость 30–32, 51, 66, 188,
 248, 258, 327, 328, 330, 331,
 338
 второго порядка 328, 330
 Сталин, Иосиф 303
 Старик из Ла-Шапель-о-Сен 87
 Стейнбек, Джон 164
 Стивенс, Джероен 21
 «Страшный суд» (Босх) 244
 Стросс-Кан, Доминик 219
 Стыд 7, 55, 101, 112, 224, 226
 Стюарт, Фиона 161
 Суеверия 286, 287, 289, 290, 311
 Суфисты 297
 Сучак, Малини 182, 183, 191, 342
 Сущее и должное 234–238, 339,
 347

Т

- Табу на инцест 107
 «Тайная вечеря» (Леонардо) 109
 Тама, зоопарк 217, 220, 224, 239
 Танец дождя 285
 Танец у водопада 285, 286
 Таннен, Дебора 120
 Тан, Эми 144
 Таронга, зоопарк 325
 Таскиги, исследование сифилиса 38
 Тела язык 183
 Телеки, Геза 278
 Телесная синхронизация 304
 Телесный канал передачи
     информации 78, 192, 193,
     195–197, 199, 203, 204, 206,
     208, 211, 306
 Термиты 214, 293
 Тернбулл, Колин 251
 Терпимость 239, 335
 Тест на просоциальный выбор 172
 Толстой, Лев 158, 163
 Торнхилл, Рэнди 155
 Триверс, Роберт 49–52, 75, 188, 189
 «Триумф смерти» (Брейгель) 317

У

- Уилсон, Дэвид Слоан 304
 Уильямс, Джордж 62
 «Ультиматум», игра 258, 328, 329
 Университет гуманитарных
     исследований в Утрехте 342
 Университет Чикаго 208
 Университет Эмори в Атланте 75,
     305, 342
 Утешение 13, 79, 209, 211, 212, 272,
     274, 284, 300, 314, 325
 Утилитаризм 263–266
 «Утопия» (Мор) 109

- Уход самок в другие группы 21, 48,
 108, 118

Ф

- «Фактор О’Рейли» (телешоу) 132
 Фердер, Престон 168, 169
 Фесслер, Дэниел 225
 «Физическая невозможность
     смерти в сознании
     живущего» (Хёрст) 299
 Фишер, Рональд 50
 Флорес, индонезийский остров 86
 фМРТ-исследования 158
 Франклин, Бенджамин 289
 Франциск, святой 165
 Фрейд, Зигмунд 300, 309, 310, 312,
     315
 Френгер, Вильгельм 243
 Фридберг, Дэвид 198
 Фрут, Барбара 117
 Фуруити, Такэси 105, 114

Х

- Хабермас, Юрген 29
 Хайдт, Джонатан 65, 66, 248
 Харман, Орен 45, 343
 Харрис, Сэм 38, 134, 135, 263, 310
 Хаутман, Дик 130
 Хейр, Брайан 103
 Хертогенбос (или Ден Бос),
     Нидерланды 7, 112, 129, 343,
     344
 Хитченс, Кристофер 9, 32, 133, 134,
     261, 310
 Хищники 59, 92, 100, 101, 237
 Хобейтер, Катерина 204
 Холдейн, Дж. 47, 48
 Холощение свиней 205
 Хоманн, Готтфрид 99, 102, 115, 117
 Хорнер, Вики 176, 177, 342

Хрди, Сара 78, 259, 342
 Христианство 8, 33, 46, 137, 151,
 285, 302, 304, 308, 313, 318,
 320, 321, 335
 католицизм 18, 126, 127, 129,
 130, 132, 136, 157, 283
 протестантизм 126, 128, 130,
 137

Ц

Целевая помощь 212
 «Цена альтруизма» (Харман) 45
 Ценности 33, 34, 38, 144, 201, 209,
 235–237, 266, 267, 314, 323,
 324, 332, 335, 337–339
 Центр искусств Иеронима Босха
 317
 Центр по изучению приматов
 имени Йеркса 12, 173, 203,
 213, 342

Ч

Чейни, Дик 133, 238
 Человек
 гибридизация с
 неандертальцами 24, 86, 89
 гибридизация с
 человекообразными
 обезьянами 89
 и бонобо 119
 отцовство 119
 родство с обезьянами 28, 88, 89,
 90, 91, 122, 151, 160, 161, 173,
 211, 212, 285, 338, 339
 связи и соперничество 119, 120,
 121
 социальная иерархия 224, 306
 страх смерти 296
 суеверия 287, 290
 узнавание себя в зеркале 170

«Человек не произошел от
 обезьян» (статья) 92
 Черепахи 10, 13, 15, 203
 Чёрчленд, Патриция 78, 237, 343

Ш

Шарптон, Эл 8
 Шафак, Элиф 297
 Шёнберг, Арнольд 288
 Шерер, Клаус 222
 Шимпанзе
 альтруизм 45, 46, 180, 181
 дружба 232
 использование орудий 88, 214
 киднэппинг 220
 мозг 28
 насилие 24, 97–100, 115, 270
 охота шимпанзе 119, 183, 251, 276
 понимание смертности 295
 раздел пищи 213, 214
 сексуальные практики 221, 323,
 324
 солидарность самок 250
 социальная иерархия 218, 220,
 221, 223, 224
 сравнение с бонобо 23, 94,
 96–100, 102–106, 120–122
 территориальные споры 98, 99
 траур у шимпанзе 278, 280
 эволюция 93
 эксперименты с шимпанзе
 174–177
 «Шимпанзе» (фильм) 72
 Шмидт, Аллан 325
 Шнобелевская премия 202

Э

Эверетт, Дэниел 301
 «Эволюционирующий Бог» (Кинг)
 304

ИСТОКИ МОРАЛИ

- Эволюция 8, 23, 40, 45, 47, 48, 50, 53, 54, 58, 59, 62, 63, 67, 69, 73, 75, 87, 91, 93, 107, 115, 119, 123, 136, 150, 152, 153–157, 183, 212, 219, 225, 226, 232, 233, 235, 237, 246, 256, 305, 320, 324, 327, 336–338, 340, 341
- Эгалитаризм 306
- Эгоизм 52, 62, 64, 69, 82, 148, 172, 177, 179, 215, 228, 251, 252, 333
- Эйнштейн, Альберт 54, 149, 161, 162, 165
- Эмоции 13, 15, 31, 40, 51, 54, 63, 66, 79, 82, 117, 144, 146, 147, 149, 158, 195, 197, 200, 201, 205, 207, 209–212, 219, 222, 223, 226, 228, 236, 237, 247, 249, 254, 273, 274, 322, 324, 326–330, 333, 336
- «Эмоциональный пес и его рациональный хвост» (Хайдт) 65
- Эмпатичная мимикрия 201, 203
- Эмпатия 79, 122, 231
и альтруизм 52, 53
и отзывчивость 209
отсутствие эмпатии у насекомых 83
происхождение 195
телесная 192–197, 199, 201–204, 206
у бонобо 275
у черепах 13
у шимпанзе 44
- Эндорфины 304
- Эразм Роттердамский 112, 319
- ## Ю
- Юм, Дэвид 31, 235, 236
- Юнг, Карл 113
- ## Я
- Язык 18, 20, 71, 73, 82, 90, 109, 183, 186, 237, 253, 302, 306, 333
- Ямамото, Синья 213, 214

Вааль де Франс

Истоки морали

В поисках человеческого
у приматов

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Аксенова, М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайнер обложки *О. Сидоренко*

В книге использованы фотографии и рисунки автора
Фото на обложке *Marian Brickner*

Подписано в печать 18.10.2013. Формат 60×90/16.

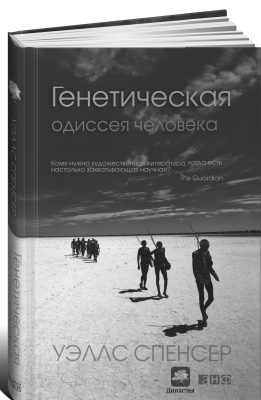
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 24 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»
123060, г. Москва
ул. Расплетина, д. 19, офис 2
Тел. (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

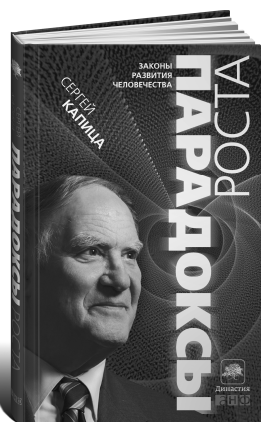
16+

Генетическая одиссея человека

Спенсер Уэллс, пер. с англ., 2013, 276 с.

Около 60 000 лет назад в Африке жил человек. Каждый из нас — его потомок. Как же этот реально существовавший Адам стал нашим общим отцом, и какой путь проделали его дети и внуки, чтобы заселить практически все уголки нашей Земли? Ответы на эти вопросы дают достижения генетики, ставшие доступными неподготовленному читателю благодаря остроумной, полной удивительных фактов книге известного генетика Спенсера Уэллса. По-научному точно, но весело и доступно автор пишет о новейших открытиях молекулярной биологии и популяционной генетики, позволивших разгадать самые волнующие тайны человечества — от правды о настоящих Адаме и Еве до появления разных рас.

Парадоксы роста

Законы развития человечества

Сергей Капица, 2010, 192 с.

Сегодня мы переживаем эпоху глобальной демографической революции, когда человечество переходит к ограниченному воспроизводству. Почему это происходит и к чему ведет это величайшее по значимости событие? От ответа на эти вопросы зависит не только отдаленное будущее, но и подход к решению сегодняшних проблем, в частности к анализу причин и последствий глобального кризиса. В книге в доступной для неспециалиста форме известный ученый излагает свою демографическую концепцию, объясняющую происходящие процессы, размышляет о судьбах мира и вызовах, стоящих перед человечеством.

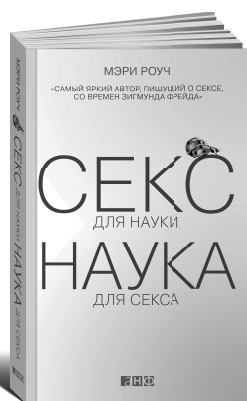

Каждой твари — по паре

Секс ради выживания

Оливия Джадсон, пер. с англ., 2012, 292 с.

Этот уникальный справочник в форме ответов авторитетного эксперта по вопросам секса на письма представителей всех видов фауны открывает нам непостижимый и причудливый мир, где в ходу некрофилия, где можно родить, будучи девственницей, где не возбраняется съесть любовника, а мужчина способен забеременеть. Этот неведомый мир — рядом с нами, там кипят нешуточные страсти, и чем-то он неуловимо похож на мир людей. Гротеск и юмор не только не вступают в противоречие с научностью, но и наоборот, способствуют интересу к естествознанию и жизни природы.

Секс для науки

Наука для секса

Мэри Роуч, пер. с англ., 2-е изд., 2013, 320 с.

До середины XX века сексуальную психологию и физиологию практически не изучали, словно секс был постыдной тайной, а не обычным биологическим явлением. Состояние этой науки и поведение ученых определял страх — они боялись общественного мнения, религиозной нетерпимости, политического давления, фанатизма и предрассудков. Теперь, когда значение этой сферы в полной мере оценено обществом, трудно даже представить, с чем приходилось сталкиваться первопроходцам лабораторного секса. Впрочем, и сегодня мало кто задумывается о том, что специалисты изучают секс, как любой другой аспект человеческой физиологии. Виртуозно сочетая научный энтузиазм, журналистскую раскрепощенность, спасительный юмор и неизменный вкус, Мэри Роуч рассказывает, как и зачем развивалась эта наука.

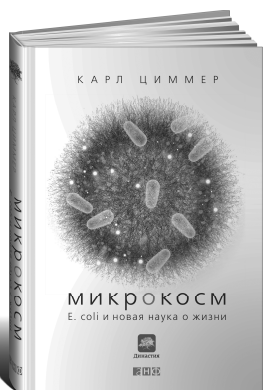

Паразит — царь природы

Тайный мир самых опасных существ на Земле

Карл Циммер, пер. с англ., 2012, 362 с.

Люди просто не догадываются о том, как сложен и причудлив мир паразитов — опаснейших созданий природы, живущих за счет других, и насколько велика их роль в нашей жизни. Они питаются плотью и кровью своих жертв, влияют на биологическое и социальное поведение целых видов, на численность популяции и направляют в конечном счете эволюцию флоры и фауны. В мире, где каждый кормит своего паразита, порой даже трудно провести грань между им и его жертвой. Нужно ли уничтожать всех паразитов или они — необходимый элемент экологической системы? Карл Циммер, один из лучших научных журналистов нашего времени, делает доступными самые сложные научные теории и описывает жизнь паразитов, как фантастический роман с непостижимыми, зловещими, а порой вызывающими сопереживание героями.

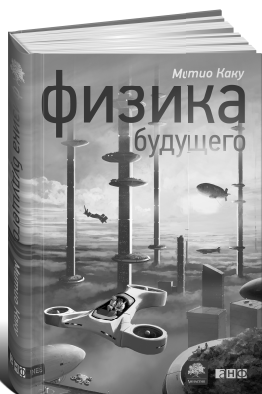

Микрокосм

E. coli и новая наука о жизни

Карл Циммер, пер. с англ., 2013, 394 с.

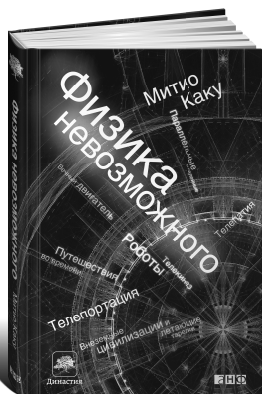
E. coli, или кишечная палочка, — микроорганизм, с которым мы сталкиваемся практически ежедневно, но который при этом является одним из важнейших инструментов биологической науки. С ним связаны многие крупнейшие события в истории биологии, от открытия ДНК до новейших достижений генной инженерии. E. coli — самое изученное живое существо на Земле. Интересно, что E. coli — общественный микроб. Автор проводит удивительные и тревожные параллели между жизнью E. coli и нашей собственной жизнью. Он показывает, как этот микроорганизм меняется практически на глазах исследователей, раскрывая перед их изумленным взором миллиарды лет эволюции, закодированные в его геноме.

Физика будущего

Митио Каку, пер. с англ., 2-е изд., 2013, 584 с.

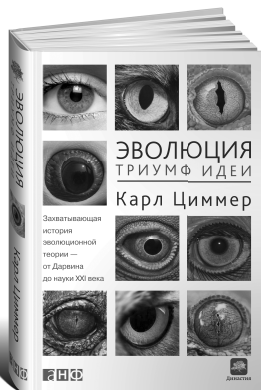
Кому как не ученым-физикам рассуждать о том, что будет представлять собой мир в 2100 году? Как одним усилием воли будут управляться компьютеры, как силой мысли человек сможет двигать предметы, как мы будем подключаться к мировому информационному полю? Возможно ли это? Оказывается, возможно и не такое. Искусственные органы; парящие в воздухе автомобили; невероятная продолжительность жизни и молодости — все эти чудеса не фантастика, а научно обоснованные прогнозы серьезных ученых, интервью с которыми обобщил в своей книге Митио Каку.

Физика невозможного

Митио Каку, пер. с англ., 4-е изд., 2013, 456 с.

Еще совсем недавно нам трудно было даже вообразить сегодняшний мир привычных вещей. Какие самые смелые прогнозы писателей-фантастов и авторов фильмов о будущем имеют шанс сбыться у нас на глазах? На этот вопрос пытается ответить Митио Каку, американский физик японского происхождения и один из авторов теории струн. Из книги вы узнаете, что уже в XXI в., возможно, будут реализованы силовые поля, невидимость, чтение мыслей, связь с внеземными цивилизациями и даже телепортация и межзвездные путешествия.

Эволюция

Триумф идеи

Карл Циммер, пер. с англ., 2-е изд., 2013, 561 с.

Один из лучших научных журналистов нашего времени со свойственными ему основательностью, доходчивостью и неизменным юмором дает полный обзор теории эволюции Чарльза Дарвина в свете сегодняшних представлений. Что стояло за идеями великого человека, мучительно прокладывающего путь новых знаний в консервативном обществе? Почему по сей день не прекращаются споры о происхождении жизни и человека на Земле? Как биологи-эволюционисты выдвигают и проверяют свои гипотезы и почему категорически не могут согласиться с доводами креационистов? В поисках ответа на эти вопросы читатель делает множество поразительных открытий о жизни животных, птиц и насекомых, заставляющих задуматься о людских нравах и этике, о месте и предназначении человека во вселенной.

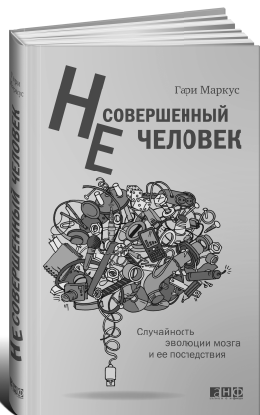

Кости, скалы и звезды

Наука о том, когда что произошло

Крис Тёрни, пер. с англ., 2011, 235 с.

Каков возраст нашей планеты? Когда и зачем были построены египетские пирамиды? Подделка ли Туринская плащаница? Отчего вымерли динозавры? Сколько на самом деле было ледниковых периодов? На примере самых интригующих загадок истории британский ученый Крис Тёрни показывает, как письменные источники, радиоуглеродный анализ, ДНК, пыльца растений, древесные кольца, используемые в новейших технологиях датирования, помогают археологам и геологам «заставить время заговорить». Эта увлекательная, как детектив, книга несет и серьезное предостережение: если мы хотим достойно встретить будущее, особенно важно понимать прошлое.

Несовершенный человек

Случайность эволюции мозга
и ее последствия

Гари Маркус, пер. с англ., 2011, 255 с.

Человек привык считать себя венцом творения: свои сильные стороны — нормой, а слабости — отклонением. Подход автора принципиально другой: мы изначально несовершенны; наш мозг, как и тело, в ходе эволюции формировался достаточно случайно, из «подручных материалов» природы и являет собой так называемый клудж — нелепое, неуклюжее, но удивительно эффективное решение проблемы. Понятие клуджа проливает свет на важные стороны нашей жизни и объясняет множество проблем, с которыми мы сталкиваемся. Выводы автора оптимистичны: имея должное понимание соотношения сил и слабостей человеческого ума, мы получаем возможность помочь не только себе, но и обществу.

Псевдонаука и паранормальные явления

Критический взгляд

Джонатан Смит, пер. с англ., 2011, 566 с.

Представления современного человека о научном и псевдонаучном весьма расплывчаты. В астрологию в наше время верит больше людей, чем в Средние века. Что стоит за огромным числом необычных, необъяснимых или просто противоречивых явлений, начиная с библейских чудес и заканчивая биоэнергетическими методами лечения? Уверенно оперируя данными психологии, физики, логического анализа, истории, Джонатан Смит ведет читателя по таинственным территориям непознанного, не давая потеряться среди сложных научных понятий и помогая различать невероятную правду и правдоподобный обман.

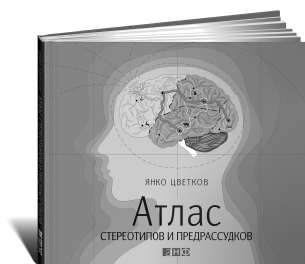

Что такое интеллект и как его развивать

Роль образования и традиций

Ричард Нисбетт, пер. с англ., 2013, 344 с.

Умнее ли мы, чем наши бабушки и дедушки, и если да, то в чем именно? Можно ли сравнивать умственные способности у африканских аборигенов и у представителей западной цивилизации? В чем несовершенство существующих систем оценки интеллекта, и делает ли нас умнее школа? На эти и множество других вопросов отвечает Ричард Нисбетт, один из самых выдающихся современных социальных психологов. Анализируя материалы исследований, статистику приемных семей, результаты школьных экспериментов, Нисбетт опровергает концепции генетической предопределенности интеллекта и показывает роль и возможности культурной среды и образования.

Атлас стереотипов и предрассудков

Янко Цветков, пер. с англ., 2013, 80 с.

Этнические противостояния издревле были плодородной почвой, на которой буйным цветом расцветали самые нелепые стереотипы. Национальная гордость, граничащая с чувством превосходства, нередко мешает видеть реальность. В своем сатирическом атласе Янко Цветков представляет все вариации предубеждений и иллюзий, на которые способен человеческий разум, — от мира глазами первобытного человека до карты Европы в 2022 году, — сопровождая их остроумными эссе на исторические и геополитические темы.

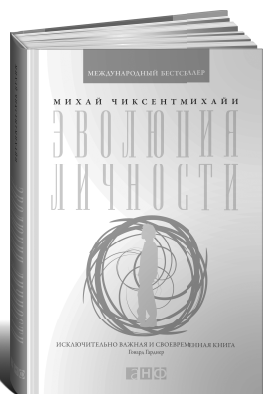

Поток

Психология оптимального переживания

Михай Чиксентмихайи, пер. с англ.,
3-е изд., 2013, 461 с.

В своей культовой книге выдающийся ученый Михай Чиксентмихайи представляет совершенно новый подход к теме счастья. Счастье для него сродни вдохновению, а состояние, когда человек полностью поглощен интересным делом, в котором максимально реализует свой потенциал, Чиксентмихайи называет потоком. Автор анализирует это плодотворное состояние на примере представителей самых разных профессий и обнаруживает, что эмоциональный подъем, который испытывают художники, артисты, музыканты, доступен в любом деле. Более того, к нему надо стремиться — и не только в целенаправленной деятельности, но и в отношениях, в дружбе, в любви. На вопрос, как этому научиться, и отвечает книга.

Эволюция личности

Михай Чиксентмихайи, пер. с англ.,
2013, 420 с.

Эта исключительно своевременная книга автора знаменитой теории счастья посвящена судьбам мира. Лишь активное и сознательное участие в эволюционном процессе поможет нам наполнить жизнь смыслом и радостью, считает Михай Чиксентмихайи, самый цитируемый психолог современности. Судьба человечества в следующем тысячелетии зависит от того, какими сегодня станем мы сами. Захотим ли мы ставить перед собой «сложные» задачи, освободиться от влияния «мемов», устаревших моделей поведения и манипулирования нашим сознанием. Объединение усилий множества людей, каждый из которых реализует собственный потенциал, и общественное переосмысление нашего эволюционного наследия позволят обратить силу живительного потока на решение вызовов современности. В этом залог не только выживания нашего вида, но и его подлинного возрождения. Рекомендуется читать всем.